

А.А.ЗДАНОВИЧ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КОНТРАЗВЕДКА 1914-1920

организационное
строительство

Москва
Издательство «Крафт +»
2004

УДК 355.40(470)(091)
ББК 67.401.212(2)
З-46

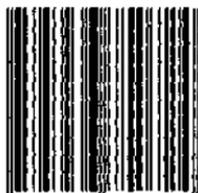
*Издание осуществлено при поддержке
Регионального общества изучения истории
отечественных спецслужб,
Регионального общественного
фонда содействия социальной и правовой
поддержке ветеранов и сотрудников ФСБ РФ
и А.Н. Иргизцева*

- З-46 Зданович, Александр Александрович. Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство / А.А. Зданович. – М.: Издательство «Крафт+», 2004. – 240 с.

ISBN 5-93675-072-8

Опираясь на новые, отличные от принятых в советское время подходы, автор рассказывает об организационном становлении отечественной контрразведки, которое происходило в сложной военной и внутривойсковой обстановке – в ходе Первой мировой и Гражданской войн и двух революций 1917 года – Февральской и Октябрьской. Работа построена на основе архивных документов, большинство из которых вводится в научный оборот впервые. Книга адресована всем, интересующимся отечественной историей.

ISBN 5-93675-072-8

9 785936 750724

© А.А. Зданович, 2004
© Издательство «Крафт+», 2004

тайного противоборства, оказываются на обочине исторического процесса, способны поставить страну в заведомо неравные условия по отношению к потенциальным противникам.

Развитие общества, различных институтов власти — никогда и нигде не проходит плавно, по восходящей прямой, без ускорений, замедлений и даже регресса. Это в полной мере относится и к отечественной военной контрразведке. Она прошла не только через относительно плавную смену различных состояний, обусловленных процессом эволюции общества, но и пережила периоды радикального реформирования, преобразований ее структуры, задач и форм деятельности в связи с качественными изменениями в жизнедеятельности государства, его внутренней и внешней политики. Все социальные институты, включая специальные службы, проходили в своем развитии через так называемые критические точки — относительно короткие отрезки времени, когда происходят неординарные события, отражающие высокий уровень социального напряжения.

В связи с этим видится, что для получения нового исторического знания необходимо акцентированное изучение истории контрразведки в рамках критических точек общественного развития, рассмотрение ее с позиций диалектики возможного и реально произошедшего, выявление и обоснование инвариантности процесса. Это дает возможность вывести познание исследуемого явления на новый уровень.

Необходимо отметить, что исторической наукой накоплен определенный фактический и теоретический материал, касающийся отдельных вопросов развития отечественной контрразведки. Поскольку длительное время специалисты в области истории отечественных спецслужб сосредоточивали свое внимание лишь на советском периоде, то вполне естественно, что не была создана единая целостная картина становления и развития контрразведки в нашем государстве. До конца 1970-х годов не было се-

рьезных научных работ по истории дореволюционной российской контрразведки. Даже в фундаментальных исследованиях по истории русской армии, в рамках которой и создавалась контрразведка, не имелось сведений о службе по борьбе со шпионажем. Такое положение дел объяснялось только одним: в полном соответствии с идеологией тех лет контрразведка царской России наряду с жандармерией и охранными отделениями рассматривалась большинством ученых как составная часть аппарата политических репрессий. Вместе с тем такие выводы не основаны на реальных исторических фактах.

При рассмотрении военно-исторических трудов и другой литературы, относящейся к теме исследования, можно выделить несколько этапов, которые, в принципе, совпадают с общим развитием отечественной историографии.

В период царского самодержавия никаких конкретных сведений об отечественной контрразведке в печати не появлялось, поскольку она функционировала как негласный орган. Речь могла идти только о ставших широко известными раскрытых фактах шпионажа со стороны иностранных государств. Обстановка несколько изменилась после Февральской революции 1917 года, при власти Временного правительства. В российской прессе появились упоминания о существовании контрразведывательных аппаратов в Главном управлении Генерального штаба (ГУ ГШ), при штабах фронтов, армий и военных округов. В открытой печати было опубликовано «Положение о правах и обязанностях чинов сухопутной и морской контрразведки». Во многом это предпринималось с целью предотвратить разгром контрразведки, которая в общественном сознании напрямую связывалась с политическим сыском.

После установления советской власти вышла в свет книга В.К. Агафонова, посвященная организации и деятельности заграничных аппаратов Департамента

полиции. В ней имеются упоминания о некоторых операциях контрразведчиков в период Первой мировой войны¹. Новые сведения об отечественной контрразведке, ее структуре и правовой базе деятельности, а также о кадровом составе этой службы привел в своей книге офицер по связи с прессой штаба Верховного главнокомандующего историк М.К. Лемке². Пользуясь бесконтрольностью со стороны руководства штаба, он имел возможность не только знакомиться с секретными документами по линии контрразведки, но и копировать отдельные из них. М.К. Лемке участвовал в подготовке отрицательного отзыва начальника штаба Верховного главнокомандующего на предложение Департамента полиции Министерства внутренних дел об объединении усилий с военным ведомством в борьбе со шпионажем и создании для этого соответствующих организационных структур. В работе М.К. Лемке четко просматривается тенденциозный взгляд на контрразведку как на орган политического сыска в армейской среде, поскольку автор являлся социал-революционером и подвергался репрессиям со стороны царских властей. Однако его работа ценна тем, что в ней мы находим ряд документов, включая «Положение о контрразведывательных отделениях» от 1911 года и «Наставление по контрразведке в военное время», принятое уже в ходе Первой мировой войны.

Взгляды М.К. Лемке на контрразведку разделял и редактор журнала «Былое» социал-демократ П.Е. Щеголев. Возглавив журнал уже при советской власти, он продолжил публикацию документов, статей и воспоминаний из истории борьбы революционеров с царским режимом. При этом редактором отбирались лишь те материалы, где роль любых государственных органов Российской империи подавалась исключительно с негативных позиций. Именно так преподнесена была читателям информация о работе контрразведывательного отделения штаба Петроградского военного округа³. (Тщательный анализ

данной публикации позволил автору настоящей книги прийти к выводу, что статья о контрразведывательном отделении штаба этого округа написана самим П.Е. Щеголевым, а не «отставным сотрудником» данного органа.) В другом издании, журнале «Каторга и ссылка», П.Е. Щеголев опубликовал показания, данные Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) Временного правительства жандармским офицером И.П. Васильевым, несколько лет прослужившим в контрразведывательном отделении ГУ ГШ⁴. Однако «подправить» их было трудно, поскольку текст легко проверялся по подлиннику, подшитому в делах ЧСК. Здесь имеются сведения об отдельных начальниках фронтовых и армейских аппаратов по борьбе со шпионажем, указание на то, что все они являлись прикомандированными к штабам сотрудниками Министерства внутренних дел. П.Е. Щеголев сделал достоянием гласности бытующее в то время мнение о низкой компетентности военных руководителей в вопросах контрразведки.

О некоторых организационных структурах контрразведки, в частности о контрразведывательном отделении ГУ ГШ и контрразведывательном отделении Петроградского военного округа, говорится и в протоколах допросов царских сановников, приведенных в многотомном издании «Падение царского режима»⁵.

В конце 1920-х годов в работе «Агентурная разведка» вопросы, связанные с контрразведкой, затронул сотрудник штаба РККА К.К. Звонарев. Однако его интересовала лишь фронтовая контрразведывательная работа в тылу противника, а не противодействие вражеской агентуре внутри страны⁶. Организационные и кадровые проблемы автором книги практически не рассматривались.

В целом можно констатировать, что в 1917–1930 годы вопросы, относящиеся к русской контрразведке, не подвергались глубокой научной разработке, а разного рода публикации в подавляющем большин-

стве преследовали цель отождествить ее с репрессивной системой свергнутого строя. Слом старой государственной машины не предполагал изучение и использование накопленного в организационном строительстве и правовом регулировании опыта функционирования контрразведки, что в свою очередь привело к отсутствию исследований по данной проблеме вплоть до начала Великой Отечественной войны.

Определенные сведения об организации и деятельности органов русской военной контрразведки содержались в мемуарах русских эмигрантов, а также в публикациях бывших руководителей спецслужб Германии и Австрии⁷. Особо следует отметить воспоминания начальника контрразведывательного отделения штаба Петроградского военного округа Б.В. Никитина⁸. Автор руководил наиболее дееспособным аппаратом по борьбе со шпионажем в период Временного правительства, лично воссоздал его на обломках царской контрразведки, добился повышения статуса этого органа в военной иерархии. Для этого труда наиболее ценными являются не приведенные автором эпизоды оперативной и следственной работы, в описании которых явно просматривается идеологическая заданность, а конкретные факты в области организационного строительства как контрразведки округа, так и соответствующей службы Главного управления Генерального штаба.

Если работа Б.В. Никитина упоминалась в более поздних исторических исследованиях, то печатный труд одного из основателей русской контрразведки и профессионала-практика Генерального штаба генерал-майора Н.С. Батюшина вообще остался вне поля зрения историков⁹. Между тем данная книга в научном плане является наиболее ценной из всей эмигрантской литературы, где в той или иной степени затрагивались вопросы контрразведки. Она представляет собой курс лекций, прочитанный генералом в созданной за границей русской Военной академии. На основе личного многолетнего опыта рабо-

ты Н.С. Батюшин квалифицированно изложил проблемы, связанные с правовой основой организации и деятельности разведки и контрразведки, высказал свои взгляды на роль и место спецслужб в государственном механизме, сформулировал свое понимание тактики борьбы со шпионажем. Все указанное выше автор показал на примере отечественной контрразведки в период с 1903 по 1917 год, а следовательно, его книгу с полным основанием можно отнести к разряду историко-правовых исследований.

Реальное изучение деятельности дореволюционной контрразведки началось в годы Великой Отечественной войны. Опыт борьбы с немецкой агентурой был востребован руководством органов госбезопасности, и по его заданию соответствующая работа осуществлялась в Главном архивном управлении НКВД СССР. Результатом труда архивистов явилось справочное издание («Справочник») под редакцией Г. Старова¹⁰. Предисловие к нему, написанное начальником Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА) Н. Шляпниковым, имеет самостоятельное значение и является первой научной статьей в СССР об организационном строительстве отечественной контрразведки, включая и годы Первой мировой войны. Автор, в частности, справедливо отметил отсутствие единого руководства в деле борьбы с агентурой противника в царской армии, рассказал о поисках новых организационных форм и создании необходимой правовой базы в период Временного правительства. Для более четкого представления о структуре контрразведывательных органов к «Справочнику» приложены схемы устройства этих органов в ГУ ГШ, военных округах и Ставке Верховного главнокомандующего.

Вслед за «Справочником» увидел свет сборник документов, составителем которого являлся начальник Главного архивного управления МВД СССР И.И. Никитинский¹¹. Констатировав, что по истории контрразведки не написано ни одной моногра-

фии, он предпослал сборнику краткий исторический очерк ее развития и деятельности. Рассматривая проблемы организационного строительства, автор уделит внимание также вопросам места и роли контрразведки в общей системе органов обеспечения безопасности государства. Однако периоду 1914—1920 годов автор отвел немногим более двух страниц, причем обратил внимание лишь на некоторые результаты борьбы со шпионажем. И.И. Никитинский находился в русле убеждений, существовавших в исторических работах того периода, утверждая, что создать эффективную систему контрразведки было невозможно, поскольку в высших эшелонах власти имелось много германских шпионов. Он также не смог преодолеть негативные оценки роли Департамента полиции и жандармерии в противодействии подрывной деятельности противников царской России. Нельзя согласиться и с мнением автора о ничемности дискуссий между военным ведомством и Министерством внутренних дел по вопросам совершенствования контрразведки. И тем не менее необходимо отметить, что работа И.И. Никитинского носила рубежный характер. Она явилась той исторической базой, на которую опирались все последующие исследования по истории контрразведки как путем использования опубликованных им документов, так и простого заимствования некоторых идей, изложенных им во введении к сборнику.

Следует указать на закрытый характер «Справочника» и сборника документов под редакцией И.И. Никитинского. Изданные под грифом «секретно», они не могли быть ранее использованы вне системы органов безопасности. А это, учитывая недоступность для подавляющего большинства ученых соответствующих фондов архивов, предопределило невозможность проведения исследований в ведущих научных центрах страны по исследуемой теме.

Лишь в конце 1970-х годов появилась научная статья по истории дореволюционного этапа строи-

тельства и функционирования русской контрразведки¹². Ее автор Б.Н. Венедиктов на основе изучения архивных материалов впервые рассмотрел вопрос о правовых основах развития органов контрразведки, дал краткий анализ базовых нормативных документов, обрисовал в общих чертах структуру органов борьбы со шпионажем. Однако в статье и особенно в своей более объемной рукописи¹³ автор основное внимание сосредоточил на описании развития и деятельности разведок противников России в мировой войне — Германии и Австро-Венгрии, а также на практике борьбы с ними русской контрразведки, ее силах и средствах¹⁴. Б.Н. Венедиктовым практически обойден вопрос о вкладе в дело контрразведки жандармерии и политической полиции Министерства внутренних дел, взаимоотношений с ними армейских и фронтовых контрразведывательных отделений (КРО). Автор также оставил без внимания историю становления флотской контрразведки.

В 1981 году была защищена первая диссертация по истории русской контрразведки¹⁵. Ее подготовил Л.С. Яковлев, работавший в одном научном коллективе с Б.Н. Венедиктовым и воспринявший многие идеи последнего. Л.С. Яковлев изучил историю органов КРО за период с 1903 по 1917 год. Для настоящей книги представляет практический интерес прежде всего то, что относится ко времени Первой мировой войны и существования Временного правительства. Данная работа была и остается базовой по многим конкретным аспектам организации и деятельности отечественной контрразведки досоветского периода. Однако это не означает, что автор с равной степенью глубины и убедительности раскрыл процесс организационного строительства контрразведки и практику ее работы. На наш взгляд, наиболее удачными можно считать разделы диссертации, посвященные рассмотрению нормативной базы функционирования органов борьбы со шпионажем. Надо полагать, что Л.С. Яковлев именно в этом видел глав-

ную задачу своего труда. Он, сознательно выведя за рамки исследования анализ различных вариантов наставлений и положений по контрразведке, упростил тем самым изложение реального процесса нормотворчества в этой области. Конечно, в конце 1970-х годов нельзя было ожидать от Л.С. Яковлева объективного освещения, например, вклада видных деятелей Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ) и политической полиции не только в разработку нормативной базы контрразведки, но и в реальную борьбу со шпионажем. И тем более нельзя согласиться с выводом диссертанта об отрицательном влиянии на контрразведку наличия в ней офицеров и чиновников Министерства внутренних дел. Напротив, результаты исследования показывают, что именно сотрудники охранных отделений и ОКЖ придали ей характер розыскного органа, строящего свою работу на основе уголовного и процессуального законодательства.

Достойно сожаления, что за последние десятилетия, когда уже сняты ограничительные грифы с соответствующих фондов в государственных архивах, научная общественность все так же далека от разработки одной из важнейших проблем отечественной истории — проблем специальных служб в России.

В исторической литературе до сих пор нет ни одного исследования, специально посвященного истории органов контрразведки в первые годы существования советской власти. Данное обстоятельство во многом объясняется тем, что историки, правоведы и публицисты свое внимание сконцентрировали на основных направлениях деятельности ВЧК — ГПУ, таких, как борьба с антибольшевистскими заговорами, саботажем, спекуляцией и бандитизмом. Противодействие шпионажу не являлось определяющим с точки зрения сохранения и укрепления советской власти. Именно поэтому, начиная с самых ранних публикаций по истории ВЧК, тема контрразведки практически не затрагивалась. Лишь отдельные фрагмен-

ты, по большей части относящиеся к конкретным эпизодам разоблачения агентуры иностранных государств и белогвардейцев, находили отражение в монографиях и научных статьях.

До начала 1970-х годов в историографии господствовала точка зрения известного чекиста М.Я. Лациса, согласно которой советская контрразведка зародилась в рамках армейских чрезвычайных комиссий. Об органах контрразведки, сохранившихся до октября 1918 года в структуре Всероссийского главного штаба (Всероглавштаба), Высшего военного совета (ВВС), он вообще не упоминал, а органы военного контроля, созданные в ведомстве Л.Д. Троцкого, определялись данным автором не иначе, как «трудноизлечимая язва, отнимающая много живых сил у военного организма страны»¹⁶.

Позиция М.Я. Лациса наложила отпечаток на работы сотрудников органов госбезопасности, занимавшихся историей ВЧК¹⁷. Первым, кто попытался представить другую точку зрения на органы военного контроля, был Ю.Б. Долгополов¹⁸. Его взгляды развил в своей монографии А.С. Велидов¹⁹. Главное, что сделали указанные авторы — преодолели субъективистские представления своих предшественников относительно аппаратов военного контроля, признали их заслуги в деле борьбы со шпионажем в Красной Армии. Вместе с тем предметом их исследований не являлось организационное строительство контрразведки. Поэтому мы можем опираться лишь на некоторые общие выводы, сделанные этими историками, и введенные ими в научный оборот отдельные фактические данные.

Несомненную ценность с точки зрения исследования организационного строительства органов контрразведки представляет диссертация И.И. Васильева²⁰. Ее автор самым подробным образом изучил состояние и трансформацию военной контрразведки в первые годы советской власти, уделив особое внимание соответствующим структурам в центральных

военных учреждениях, таких как ВВС, Всероглавштаб, в оперативном отделе Народного комиссариата по военным делам (Наркомвоен), а затем и Реввоенсовете Республики (РВСР). В отличие от других исследователей И.И. Васильев, используя материалы фонда личных дел сотрудников, хранящиеся в Центральном архиве ФСБ России, обозначил роль первых руководителей военной контрразведки в создании советской военной контрразведки.

Объемное и насыщенное конкретными фактами исследование И.И. Васильева содержит, однако, ряд спорных выводов и утверждений. Как представляется, он необоснованно придал плановность процессу слома старой контрразведки, пытался обосновать наличие у большевистской партии четкой программы создания советской контрразведывательной службы. И то и другое противоречит реальной истории, о чем свидетельствуют архивные материалы. Нельзя согласиться и с его тезисом о постепенности слома органов контрразведки, якобы совпавшего по времени со сломом старой армии. За исключением центрального аппарата органы борьбы со шпионажем фактически прекратили свое существование уже в январе 1918 года, а оставшиеся кадры контрразведчиков были деморализованы и запуганы возможными репрессиями. По нашему мнению, ошибкой И.И. Васильева явилось ограничение своей работы хронологическими рамками февраля 1919 года, а также выведение за рамки исследования попыток создания контрразведывательных органов в системе ВЧК, что не позволило ему создать целостную картину зарождения, становления и развития советской контрразведки на завершающей стадии Первой мировой и в ходе Гражданской войн.

Последующие статьи ученых, обращавшихся к истории отечественных органов безопасности в первые годы советской власти, из-за их фрагментарности фактически не принесли какого-либо приращения знаний в этой области.

Со второй половины 1980-х годов и до настоящего времени объективно возрастает интерес отечественных историков и правоведов к прошлому российских спецслужб. Однако подавляющее большинство монографий и статей, подготовленных за последние 20–30 лет, как правило, посвящены проблеме «красного террора» и массовых репрессий. Мы не находим среди них исследований вопросов организационного строительства и кадровой политики в органах безопасности в 1914–1920 годы.

История возникновения российских (советских) спецслужб привлекает внимание и западных авторов, которые также в основном муссируют тему «красного террора»²¹. Исключением является, пожалуй, книга Д. Легетта, переизданная в 1986 году²². Ее автор подробно излагает процесс создания и развития ВЧК – ГПУ, специально останавливаясь на контрразведке. Для западных ученых монография Д. Легетта, несомненно, является шагом вперед в исследовании истории спецслужб СССР. Нам же достаточно взглянуть на перечень использованных им источников и относящиеся к контрразведке страницы, как становится совершенно очевидным, что в этом труде практически отсутствует новая информация. В связи с этим и выводы автора слабо аргументированы. Иного и быть не могло, поскольку Д. Легетт не пользовался материалами государственных архивов России. Опираясь он в основном на статьи и книги М.Я. Ладиса и П.Г. Софинова, что обусловило наличие фактических ошибок и бездоказательных выводов.

Основой источниковой базы исследования послужили документы и материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного военного архива (РГВА), Российского центра хранения и использования документов новейшей истории (РГАСПИ).

Отдельные материалы, имеющие отношение к теме, обнаружены в Российском центре хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК при РГВА). Советский период становления и развития контрразведки автор исследовал на базе документов, имеющих в соответствующих фондах Центрального архива (ЦА) ФСБ РФ, архивов управлений ФСБ по Омской области, Санкт-Петербургу и Ленинградской области. При подготовке книги активно использовались и документы, опубликованные в разные годы в виде закрытых сборников²³. Подавляющее большинство архивных документов вводится в научный оборот впервые.

Г л а в а I

Развитие российской военной контрразведки в годы Первой мировой войны

Контрразведка царской России в Первой мировой войне (1914—1916)

Разразившуюся в августе 1914 года мировую войну первоначально вели восемь европейских государств. Постепенно в ее орбиту были вовлечены еще тридцать государств с общим населением 1,5 млрд человек.

К началу войны оба противоборствующих блока создали мощные армии и разветвленную военную промышленность. Вместе с тем, недооценивая экономические и боевые возможности противников, военное руководство как стран Антанты, так и Тройственного союза готовилось к возможно быстрому разгрому врага за шесть-восемь месяцев. Однако уже в первой половине 1915 года воюющим сторонам стало ясно, что, значительно ослабив друг друга, они не сумели достичь коренного перелома и война приобретает затяжной позиционный характер со всеми вытекающими из этого негативными последствиями.

В этих условиях для достижения победы требовалось обеспечить долговременное тесное единство фронта и тыла, то есть единство действий высшего военного командования и государственных органов России. К сожалению, в полной мере прийти к этому на протяжении всей войны не удалось¹. Дело в том, что еще на стадии подготовки такого основополагающего документа, как «Положение о полевом управлении войск в военное время», утвержденного в июле 1914 года, проявилась общая недооценка его разработчиками всей сложности проблем формирования единого руководящего военно-политического центра. В данном Положении проводилась идея рас-

членения России на две «отдельные части» (фронт и тыл), что усугубляло традиционную обособленность военного управления от общеимперского, создавало серьезнейшие трудности в функционировании государственного аппарата в условиях войны.

К тому же в документе закладывалось организационное противоречие, дезорганизующее управление самими вооруженными силами страны. С началом войны возникло два независимых друг от друга военных центра: на театре военных действий — это Верховный главнокомандующий и его штаб, а в тыловых районах — Военное министерство с входящим в него Главным управлением Генерального штаба (ГУ ГШ). Разработчики Положения справедливо полагали, что Верховным главнокомандующим с началом войны станет сам император, который будет лично координировать действия военных и гражданских властей. Однако до августа 1915 года действующую армию возглавлял великий князь Николай Николаевич, не имевший реальных рычагов воздействия на Военное министерство, а тем более на Совет министров в целом.

Все, о чем говорилось выше, повлияло на организационное строительство органов военной контрразведки и сужало задачу последней до защиты армейских секретов. На территории округов, не входящих в район театра военных действий (ТВД), продолжали функционировать контрразведывательные отделения (КРО) окружных штабов, созданные на основании Положения от 1911 года. Они практически не подверглись какой-либо трансформации после начала мировой войны. Насущный вопрос об увеличении числа КРО либо о создании подчиненных им органов в стратегически важных пунктах страны не был продуман и спланирован заранее, поскольку волевыми рассчитывали лишь в западных районах страны и на территории противников России. К примеру, настоятельно требовалось организовать КРО Казанского военного округа. Находящиеся на террито-

рии округа пороховые и оружейные заводы, многочисленные крупнейшие армейские склады снабжения требовали соответствующих мер по их контрразведывательному обеспечению. КРО Московского округа, на который возлагалась эта задача, при ограниченном штате практически не мог справиться с ней².

Что касается органов контрразведки в действующей армии, то процесс их создания и становления растянулся на несколько месяцев. Иного и быть не могло, так как реальных и детально разработанных мобилизационных планов по линии КРО не существовало.

Еще в начале 1913 года штабы Варшавского, Виленского и Киевского военных округов по заданию Главного управления Генерального штаба подготовили свои предложения по созданию новых КРО на случай войны.

Поскольку в мирное время в вооруженных силах России не имелось армий, а с началом мобилизации они создавались, то было признано целесообразным именно при их штабах и разворачивать КРО³. Однако указанные предложения являлись трудновыполнимыми. Так, например, штаб Киевского военного округа намечал передать весь личный состав своего КРО на укомплектование соответствующего подразделения штаба предполагавшейся к развертыванию 3-й армии⁴. Причем в штате данного органа предполагалось иметь 54 человека, хотя сам окружной аппарат КРО состоял всего из 19 сотрудников⁵. Взамен убывающих кадров новое КРО штаба округа, вошедшего в зону театра военных действий, должен был комплектовать офицер Киевского районного охранного отделения, о выделении которого еще предстояло ходатайствовать через Министерство внутренних дел⁶. Штат указанного КРО определялся в 37 человек, еще 34 специалиста необходимо было найти дополнительно для КРО штаба Южной группы 3-й армии. Точный источник значительного пополнения кадров

не указывался, конкретных соглашений с Министерством внутренних дел, откуда обычно шло пополнение, не имелось.

Штабы Виленского и Варшавского округов поступили более дальновидно и рекомендовали ГУ ГИШ еще до объявления приказа о мобилизационном развертывании увеличить штат существовавших КРО либо прикомандировать к ним необходимое число сотрудников для изучения обстановки на территории предстоящих боевых действий. Эта мера позволила бы создать ядро новых контрразведывательных аппаратов — армейского и окружного. Однако указанные предложения остались на бумаге и никакого влияния на процесс организационного строительства контрразведки в предвоенный период не оказали. Многие пришлось создавать на пустом месте, что с началом войны сказалось самым отрицательным образом⁷.

В «Положении о полевом управлении войск в военное время» контрразведка как самостоятельный род службы не предусматривалась, а содержалось лишь общее указание об ответственности штабов войсковых объединений за организацию борьбы с неприятельским шпионажем. Так, в пункте 124 данного документа говорилось, что «разработка соображений и подготовка распоряжений по разведке противника и местности, а равно по борьбе со шпионством» является обязанностью разведотделения штаба фронта⁸. Каких-либо нормативных документов в развитие Положения, определяющих организационные и кадровые вопросы по линии контрразведки, Главное управление Генштаба подготовить не успело, так как уже 31 июля 1914 года было принято решение о всеобщей мобилизации вооруженных сил, а 1 августа Германия объявила императорской России войну⁹.

Согласно варианту «А» плана стратегического развертывания российских войск создавалось семь армий¹⁰.

Относительно готовыми к работе оказались лишь те армейские КРО, руководство и костяк которых составили офицеры и чиновники окружных контрразведывательных отделений¹¹. Они хорошо знали местную обстановку, имели налаженные контакты с командованием, оперативными и разведывательными подразделениями штабов, обладали опытом борьбы со шпионажем, взаимодействия с жандармскими управлениями и розыскными аппаратами политической полиции. В распоряжении таких КРО имелись все нормативные документы, регламентировавшие многие вопросы функционирования отделений, хотя и в мирной обстановке. Во многих же вновь формируемых органах не было даже «Положения о контрразведывательных отделениях» от 1911 года, не говоря уже о детальных инструкциях¹².

В циркулярном письме генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего Ю.Н. Данилова, разосланном фронтовому и армейскому командованию 15 февраля 1915 года, отмечалось, что формирование контрразведывательных отделений в войсковых объединениях на ТВД и их функционирование в первые месяцы войны не носило планомерного характера¹³.

Отдельные историки, совершенно справедливо указывая на отсутствие разработанной на случай войны правовой базы для организационного развертывания и практической работы фронтовых и армейских КРО, приходили к выводу о преступном бездействии высшего командования¹⁴. С такой постановкой вопроса можно согласиться, однако сводить все дело лишь к отсутствию необходимых нормативных документов было бы неверно. По нашему мнению, речь должна идти не только и даже не столько о медлительности властей, а о том, как понимали в то время в военном ведомстве роль и место поистине еще юной контрразведки в современной масштабной войне, какие прогнозировались на-

правления разведывательно-подрывной деятельности со стороны противника.

По взглядам тех, кто выработывал стратегию русской армии, война предполагалась достаточно маневренной и скоротечной. Разгром противника мыслился уже в 1914 году в ходе первых крупных сражений. В ходе победоносной кампании высшее командование стремилось решить две стратегические задачи: нанести поражение Германии в Восточной Пруссии и перенести военные действия на территорию врага; предпринять решительное наступление в Галиции и лишить австро-венгерскую армию способности сопротивляться¹⁵. Поэтому главные органы военного руководства не проявляли должного внимания и настойчивости для создания резерва оружия, боеприпасов и других средств обеспечения действующей армии.

В этих условиях роль контрразведки сводилась в основном к защите секретных планов мобилизации накануне войны, стратегических и тактических замыслов проведения боевых действий и сведений о новых образцах военной техники. Проблема обеспечения государственной безопасности в войсках вообще не ставилась в расчете на чувство патриотизма солдат и офицеров, их высокий морально-боевой дух в условиях ведения наступательных операций. Естественно, что никто не учитывал возможное массовое дезертирство, пацифистскую, националистическую и революционную пропаганду в войсках как со стороны противника, так и антиправительственных сил внутри страны.

Недооценка командованием армий и фронтов, а также Главным управлением Генштаба роли контрразведывательной службы в боевых условиях наглядно проявилась в первую очередь в том статусе, который занимали органы КРО в штабной иерархии. Они находились в структуре разведывательного отделения, то есть не имели прямого доклада начальнику штаба. Их существование на протяжении всей вой-

ны (до февраля 1917 года) не было легализовано даже для офицерского корпуса. Начальники КРО в абсолютном большинстве до прикомандирования к штабам являлись офицерами Отдельного корпуса жандармов и проходили службу на должностях не выше помощников руководителей ГЖУ. Они продолжали даже оставаться в списках ОКЖ. Данное обстоятельство не позволяло военному командованию непосредственно представлять их к назначению на высшие должности, награждать за отличия в оперативной работе и боевые подвиги. Для этого требовалась длительная процедура согласования со штабом ОКЖ. Только в конце июня 1915 года состоялось совместное решение командира ОКЖ и начальника штаба Верховного главнокомандующего о распространении на вышеуказанную категорию лиц некоторых привилегий строевых и штабных офицеров¹⁶. Звание полковника было предельным для начальников КРО в ГУ ГШ и Ставке, остальные руководители контрразведывательных органов в штабах фронтов, армий и военных округов на ТВД могли дослужиться лишь до подполковника, что соответствовало званию по должности командира батальона¹⁷.

В начале войны руководители основных подразделений Главного управления Генштаба для обеспечения преемственности в работе были назначены на высокие должности в штабе Верховного главнокомандующего. Однако вместо того чтобы укрепить службу разведки и контрразведки Ставки, многолетний начальник Особого делопроизводства ГУ ГШ, куда входило и контрразведывательное отделение, генерал Н.А. Монкевиц откомандировывался в действующую армию в качестве начальника штаба корпуса и больше в течение войны к работе по линии разведки и контрразведки не привлекался.

Размышляя о причинах низкой эффективности в борьбе со шпионажем в 1914 — начале 1915 года, один из ведущих контрразведчиков Генерального штаба царской России генерал-майор Н.С. Батюшин

позднее писал: «Почти весь первый год войны контрразведкой никто из высших военных органов совсем не интересовался, и она поэтому велась бессистемно, чтобы не сказать спустя рукава». По его словам, Ставка Верховного главнокомандования не обращала на контрразведку внимания, предоставив ее кадрам возможность работать по собственному усмотрению без общего руководства и поддержки¹⁸.

Весной и летом 1915 года русская армия участвовала в ряде кровопролитных сражений, в которых понесла огромные потери главным образом в силу недостаточного обеспечения артиллерией и боеприпасами. Противник принудил наши войска оставить Галицию, Польшу и некоторые другие районы. Пришлось срочно переносить Ставку ВГ из Барановичей в Могилев. Военные неудачи отразились на моральном состоянии армии и всего населения.

Командующему 10-й армией генералу Ф.В. Сиверсу и его начальнику штаба угрожали судом за провал крупной наступательной операции¹⁹. Агентурной разведкой в этой армии руководил ставленник В.А. Сухомлинова, скандально известный жандармский офицер С.Н. Мясоедов. По подозрению в шпионаже он был арестован 18 февраля 1915 года. Контрразведке не составило труда выяснить его связь с военным министром. Это играло на руку штабу ВГ и конкретно Верховному главнокомандующему Н.Н. Романову, давнему противнику военного министра.

Как на фронте, так и в тылу у многих закрадывалось сомнение в успешном завершении военной кампании. Официальные сводки свидетельствовали об изменении отношения солдат к войне и падении дисциплины в войсках. Широкое распространение имели слухи об измене в высших эшелонах власти. Развивалась шпиономания. Под давлением Ставки ВГ и общественного мнения царь был вынужден сместить с поста военного министра своего фаворита В.А. Сухомлинова, которому приписывали связь с агентами австрийской разведки. В закрытом заседа-

нии 345 голосами из 375 Государственная дума предложила правительству предать Сухомлинова суду²⁰.

Совпадение решительных действий контрразведки в деле Мясоедова с активным участием руководства Ставки в конфликте с тыловым военным ведомством, по нашему мнению, подтолкнуло штаб ВГ несколько пересмотреть свое отношение к органам борьбы со шпионажем. Была начата работа по изучению состояния армейских, окружных на ТВД и фронтовых КРО с целью дальнейшего совершенствования основ их строительства и функционирования.

В уже упоминавшемся февральском циркуляре 1915 года генерал-квартирмейстер штаба ВГ Ю.Н. Данилов потребовал от армейского и фронтового командования подробно доложить о состоянии дел в органах контрразведки²¹. 20 февраля 1915 года, то есть спустя 5 дней, он же в письме своему коллеге, исполняющему обязанности генерал-квартирмейстера ГУ ГШ М.Н. Леонтьеву, просит разработать меры по объединению деятельности контрразведывательных органов на ТВД с таковыми же органами в тылу и с Центральным КРО ГУ ГШ²².

Не дожидаясь ответа, уже 3 марта начальник штаба Ставки генерал Н.Н. Янушкевич обратился с личным письмом к руководителю ГУ ГШ М.А. Беляеву. Он тоже настаивал на тесном контакте КРО действующей армии и тыловых округов, а также с контрразведкой ГУ ГШ. В качестве первого шага, по мнению Янушкевича, следовало распространить на фронтовые и армейские КРО действие «Положения о контрразведывательных отделениях», утвержденного в 1911 году, с необходимыми поправками к нему, исходя из условий того или иного ТВД. Так же рекомендовалось поступить и с разработанными до войны инструкциями, развивающими данное Положение²³. Кроме того, Ставка предлагала своим коллегам в Петрограде взять на себя разработку мер организационного характера, чтобы поднять эффективность контрразведки на театре военных действий.

При этом настаивала на предварительном рассмотрении ими проекта и утверждении его не военным министром, а Верховным главнокомандующим. Одновременно запрашивалось 25 экземпляров Положения²⁴.

Помимо запросов в Петроград, штаб ВГ 1 апреля 1915 года затребовал из армейских и фронтовых штабов все руководящие документы по линии КРО, подготовленные и используемые на местах, для анализа и согласования основных позиций²⁵. Через шесть дней Ставка направила состоящего в распоряжении ВГ генерала М.Д. Бонч-Бруевича, хорошо зарекомендовавшего себя на поприще контрразведки, в частности в деле Н.С. Мясоедова²⁶, в командировку по всем штабам фронтов и подчиненным им армиям. Цель поездки сформулирована в специальном удостоверении: «Для выяснения тех мер, которые могли бы быть приняты для наиболее надежной регистрации лиц, заподозренных в шпионаже... и для выработки проекта тех положений, которые могли бы объединить деятельность КРО на ТВД и согласовать их работу с работой таких же органов вне ТВД»²⁷.

Возвратившись из поездки, М.Д. Бонч-Бруевич составил подробную докладную записку начальнику штаба ВГ. В ней отмечалось, что в штатах КРО существует разнობой, отсутствует единый подход в инструктивных документах и работа контрразведки не связана с боевыми операциями войск²⁸. Генерал также приводил факты уклонения многих КРО от их основной задачи — борьбы со шпионажем. Поскольку сам инспектирующий являлся сторонником «чистой» контрразведки, он считал создавшееся положение противоестественным и подлежащим скорейшему изменению²⁹.

Позицию М.Д. Бонч-Бруевича можно оценить как утопическую, далекую от реальной обстановки в войсках, поскольку больше, чем шпионаж, командование фронтов и армий беспокоили факты крупных хищений в частях, срывы планов подвоза боеприпа-

сов и продовольствия, волнения среди населения в ближайшем тылу. Начальник штаба Кавказской армии Л.М. Болховитинов, к примеру, не скрывая, писал в Ставку о вынужденном использовании контрразведки в деле улучшения снабжения армии и с целью парализовать недовольство населения, утомленного тяготами войны и дороговизной³⁰.

Контрразведывательное отделение штаба Петроградского военного округа занималось делами крупных банкиров, осуществлявших незаконные финансовые операции, вело разработку группы мошенников и воров, использовавших для преступлений военную форму, и т.д.³¹

Подобной работой занимались КРО и в армиях. При отсутствии других оперативных подразделений в войсках (военной полиции) понятно, что контрразведке не позволяли быть в стороне от явлений, влияющих на боеспособность войск.

Однако М.Д. Бонч-Бруевич настойчиво проводил свою идею «чистой» контрразведки. Будучи уполномоченным Ставкой на разработку проекта «Наставления по контрразведке в военное время», он провел ее уже в первом параграфе. Там указывалось: «Общая цель контрразведки заключается в обнаружении, обследовании, разработке и ликвидации в кратчайший срок... всякого рода шпионских организаций и агентов, тайно собирающих сведения о наших Вооруженных Силах и вообще всякого рода сведения военного характера, дабы воспрепятствовать этим организациям и агентам действовать нам во вред»³².

В течение мая 1915 года происходила доработка проекта с участием начальника Центрального КРО ГУ ГШ жандармского полковника В.А. Ерандакова, состоящего при штабе Ставки следователя по особо важным делам В.Г. Орлова и начальника отделения управления генерал-квартирмейстера при ВГ полковника П.Л. Ассановича. Судя по правкам на проекте, они, не вступая в конфликт с М.Д. Бонч-Бруевичем, изложили общую цель контрразведки в виде опреде-

ленных задач. Помимо ограждения войск от проникновения агентуры противника («чистая контрразведка»), они вписали пункты о необходимости выявления лиц, распространяющих ложные слухи с целью породить панику среди населения, стремящихся создать затруднения в снабжении войск и намеревающихся проводить диверсионные акты на важных объектах, а также организующих забастовки на оборонных заводах³³.

Как видим, жесткой привязки указанных действий к исполнению их агентами противника в Наставлении не предусматривалось. Фактически доработчики проекта расшифровали то, что в сжатом виде содержалось в «Положении о контрразведывательных отделениях» от 1911 года³⁴.

Над проектом работал и начальник Главного управления Генштаба генерал М.А. Беляев. Он внес небольшие, но принципиально важные поправки. Докладывая в Ставку об окончании работы над документом, М.Д. Бонч-Бруевич сетовал, что М.А. Беляев изменил формулировки отдельных пунктов. Так, пункт пятый проекта был изложен следующим образом: «Общие указания по контрразведке, дополняющие и развивающие настоящее Положение (имеется в виду Наставление. — А.З.), а равно и высшее руководство контрразведкой в военное время исходит от штаба ВГ»³⁵. М.А. Беляев, оставив указанную редакцию, добавил, что все изложенное относится только к органам, действующим на театре военных действий³⁶.

В ГУ ГШ не поддержали также предложение М.Д. Бонч-Бруевича о прикомандировании помощника начальника КРО ГУ ГШ к Ставке и о периодических поездках в Ставку начальника контрразведки Генштаба для координации деятельности, получения необходимых справок и т.д.

Анализ этих документов дает основание для вывода о стремлении Верховного главнокомандующего

и его штаба устранить двоецентрие в руководстве контрразведкой в период войны и заставить ГУ ГШ выполнять указания Ставки. Это укладывалось в целенаправленные действия штаба ВГ по сосредоточению в своих руках всех нитей управления важнейшими отраслями обеспечения жизнедеятельности войск³⁷.

При сравнении проекта с окончательным вариантом Наставления становится ясно, что сам генерал почему-то являлся противником идеи предоставления КРО в действующей армии и округах на ТВД статуса самостоятельного подразделения, что являлось бы, несомненно, шагом вперед в становлении контрразведки как системы. М.Д. Бонч-Бруевич настаивал на сохранении положения, при котором КРО подчинялись бы начальнику разведывательного отделения³⁸.

«Наставление по контрразведке в военное время» за подписями начальника штаба ВГ генерала Н.Н. Янушкевича и генерал-квартирмейстера Ю.Н. Данилова было представлено Верховному главнокомандующему и 6 июня 1915 года им утверждено.

Согласно Наставлению, органами по борьбе со шпионажем в Российской империи являлись КРО штабов фронтов, армий, военных округов как на ТВД, так и вне его, а также Главного управления Генерального штаба. Кроме того, распоряжением начальника штаба войскового объединения или округа в крупных населенных пунктах на ТВД могли учреждаться особые контрразведывательные пункты³⁹.

Спустя шесть месяцев, 14 января 1916 года, начальник штаба ВГ утвердил «Временное положение о контрразведывательном отделении» в самой Ставке и разрешил отпуск финансовых средств на его содержание⁴⁰. Временное положение определяло задачи КРО. Прежде всего ему поручалось выявление и пресечение шпионажа в районе дислокации Ставки, а также лиц, которые проводят в интересах воюющих с Россией держав действия, могущие нанести

вред военным интересам страны. КРО должно было регистрировать всех военных и гражданских чинов Ставки и обслуживающих ее лиц. На отделение возлагалась также обязанность по объединению деятельности всех КРО на театре военных действий. Этим оно занималось по специальным указаниям генерал-квартирмейстера при ВГ и осуществляло общее руководство работой контрразведки на ТВД⁴¹. В пятом и шестом параграфах указывалось на роль КРО в качестве головного отчетного и регистрационного органа на ТВД. Теперь все фронтовые, армейские и окружные аппараты на ТВД обязаны были направлять материалы на заподозренных в шпионаже лиц сюда, а не в ГУ ГШ.

Если суммировать все сказанное, то становится очевидным стремление штаба ВГ восполнить пробел «Наставления о контрразведке в военное время» и создать орган с некоторыми функциями руководящего центра.

Первоначально штат КРО Ставки определялся в 20 человек, однако уже 30 марта его увеличили за счет прибавления наблюдательных агентов и сотрудников наружного наблюдения⁴².

Структура КРО состояла из оперативного органа и военно-регистрационного бюро, руководители которых одновременно являлись и помощниками начальника КРО. Какого-либо подразделения для обеспечения связи с отделениями в войсках не предусматривалось, что затрудняло реализацию задачи руководства их деятельностью.

Необходимо отметить, что КРО Ставки получило статус самостоятельного подразделения. Его руководитель назначался начальником штаба ВГ, а непосредственно подчинялся генерал-квартирмейстеру⁴³. Это облегчало работу отделения и придавало вес контрразведке.

Вернемся к «Наставлению по контрразведке в военное время». Его общий историко-правовой ана-

лиз дан в специальной литературе, прежде всего в публикациях таких авторов, как Л.С. Яковлев и Б.Н. Венедиктов⁴⁴. Основной их вывод сводился к тому, что данным нормативным актом в действующей армии была создана система контрразведки. Однако анализ новых архивных материалов, а также свидетельства крупных военачальников периода Первой мировой войны не дают для такого вывода достаточных оснований.

Как известно, система тех или иных органов государственного управления должна обладать рядом определяющих моментов⁴⁵. Одними из главных являются наличие структурно-функциональных связей, субординации между входящими в нее элементами, а также существование управляющего центра.

При рассмотрении совокупности вновь созданных в действующей армии контрразведывательных отделений указанные выше признаки отсутствуют. Основным организационным недостатком контрразведки на ТВД как раз и является отсутствие сильного самостоятельного центра, в полной мере наделенного управленческими функциями в отношении КРО действующей армии.

В соответствии с Наставлением ведущую роль в организации работы КРО играли генерал-квартирмейстеры штабов фронтов и армий. Будучи ближайшими помощниками начальников штабов, они занимались вопросами подготовки и проведения войсковых операций, размещения, передвижения и службы войск, их боевой подготовкой и вопросами мобилизационного характера⁴⁶. Контрразведка не была в числе их приоритетов. Перегруженные текущей штабной работой, обладавшие лишь самыми общими знаниями о контрразведке, полученными в рамках курса Академии Генерального штаба, они не могли реально и эффективно руководить борьбой со шпионажем⁴⁷.

В действующей армии отсутствовала иерархическая подчиненность контрразведывательных отделе-

ний. Поэтому говорить о наличии жестких структурно-функциональных связей между КРО не приходится. На это обстоятельство справедливо обратил внимание известный в то время эксперт по борьбе со шпионажем, ответственный сотрудник военной прокуратуры полковник А.С. Резанов. В своей аналитической записке по вопросу об организации и деятельности контрразведки в условиях войны, составленной в конце 1916 года, он, в частности, писал, что контрразведывательные отделения «не объединены единством действий и общностью понимания ими задач, так как эти отделения, будучи всецело поглощены соответствующими штабами, не находятся между собою в тесном общении, что необходимо для успешного хода внутренней разведки»⁴⁸.

Еще одним препятствием к созданию единой системы КРО являлось то обстоятельство, что, в соответствии с Наставлением, контрразведывательные отделения, как уже отмечалось, входили в структуру разведподразделений. Причем начальники последних, офицеры Генерального штаба, зачастую не обладая знаниями в области техники розыскной работы и нацеленные на получение информации о войсках противника, а не о его шпионской деятельности, не уделяли должного внимания материалам КРО. Более того, наблюдались попытки по использованию офицеров КРО для организации сбора военной информации о противнике в ущерб их непосредственным обязанностям⁴⁹. На практике начальники подразделений армейской разведки фактически являлись лишь промежуточным звеном между КРО и генерал-квартирмейстерами, что затрудняло оперативное решение вопросов по линии борьбы со шпионажем. В одной из аналитических записок по вопросу совершенствования контрразведывательной работы указывалось, что личное общение генкваров с начальниками КРО имело бы громадное нравственное значение для последних, поскольку они часто осознавали себя в качестве неких «пасынков военной службы»⁵⁰.

Традиция объединения в одном органе армейской разведки и контрразведки шла от довоенного времени. Тогда в высших военных кругах было устойчивым мнение, что главным условием успешной деятельности в борьбе со шпионами является конспиративное существование ее аппарата, причем о его существовании не должны были знать не только представители иностранных спецслужб, но и чиновники российских государственных и военных учреждений. Начальникам КРО даже предписывалось не носить мундиры офицеров Отдельного корпуса жандармов, дабы не привлекать к себе внимания.

Все отмеченные выше недостатки организационного построения КРО при штабах фронтов и армий можно отнести и к аналогичным подразделениям в структуре окружных штабов на театре военных действий. «Наставление по контрразведке в военное время» практически не внесло изменений в их положение. Однако в отличие от КРО в действующей армии они из-за отсутствия разведывательных аппаратов в этих штабах состояли при военно-цензурных отделениях, и начальник КРО непосредственно подчинялся старшему адъютанту вышеуказанного отделения⁵¹.

Среди окружных КРО на ТВД особое положение занимало отделение при штабе Петроградского военного округа (ПВО). С началом военных действий его предполагалось не только сохранить, но даже усилить, поскольку оно дислоцировалось в столице России, где были сосредоточены все центральные государственные и военные учреждения. Однако при формировании 6-й армии почти весь личный состав КРО штаба ПВО перешел на службу туда. Это позволило Ставке усилить свое влияние в столице. Штаб 6-й армии располагался в Петрограде, а его начальником в апреле 1915 года стал упоминавшийся нами генерал М.Д. Бонч-Бруевич, который в отличие от других военачальников уделял серьезное внимание вопросам борьбы со шпионажем. Контрразведыватель-

ное отделение армии перешло в его непосредственное подчинение.

В своих воспоминаниях генерал писал: «Своим назначением в шестую армию я был обязан тому, что в ее районе и самом Петрограде до крайних пределов усилился немецкий шпионаж»⁵². Верховный главнокомандующий рекомендовал ему действовать без опаски и рассчитывать на полную поддержку Ставки.

Несомненно, за назначением М.Д. Бонч-Бруевича стоял политический замысел великого князя Николая Николаевича, постоянно конфликтовавшего с военным министром В.А. Сухомлиновым и его ставленниками в центральных армейских учреждениях. По свидетельству одного из офицеров штаба ВГ, в Ставке считали существование во время войны двух органов военного управления совершенно нецелесообразным, и основные органы Военного министерства, включая и ГУ ГШ, надлежало ликвидировать и передать освободившихся офицеров и генералов в действующую армию⁵³. Вспомним, что при разработке «Наставления по контрразведке в военное время» штаб Ставки уже пытался подчинить себе соответствующий аппарат ГУ ГШ, однако наткнулся на противодействие военного ведомства.

С помощью М.Д. Бонч-Бруевича, который, по мнению некоторых современников, был помешан на борьбе со шпионами⁵⁴, Ставка рассчитывала создать активно действующий в Петрограде орган тайной борьбы, не подчиненный Военному министерству и ГУ ГШ. Сразу после утверждения «Наставления» он обратился в штаб ВГ с просьбой увеличить штатную численность КРО 6-й армии⁵⁵. Ставка его просьбу удовлетворила. В результате усилий штаба ВГ и напористости М.Д. Бонч-Бруевича КРО 6-й армии стало в 1915 году наиболее активным и решительно действующим органом контрразведки в столице⁵⁶.

В ноябре 1915 года приказом Верховного главнокомандующего в Петрограде было учреждено еще

одно подразделение, подчиненное Ставке, КРО Литер «Б», которое предназначалось для обслуживания всех заводов и научных лабораторий, занятых созданием и производством оружия, боеприпасов, боевой техники и других предметов военного назначения⁵⁷.

В составе Особого делопроизводства Главного управления Генштаба продолжало функционировать контрразведывательное отделение, также работавшее в столице и ее окрестностях. Его штат состоял из 37 человек, включая присоединенное к нему еще в апреле 1914 года регистрационное подразделение. Согласно Наставлению, КРО ГУ ГШ являлось высшим регистрационным и отчетным учреждением для театра военных действий и всего государства, а также оно выполняло особые поручения начальника Генштаба внутри империи и за границей. По предварительному разрешению штаба Верховного главнокомандующего КРО ГУ ГШ могло выполнять отдельные задания и на ТВД⁵⁸.

КРО ГУ ГШ в отличие от других органов контрразведки было внутренне структурировано. В его составе имелось четыре отдела (делопроизводства). Первый ведал внешней контрразведкой и состоял из двух штатных сотрудников. На октябрь 1915 года на связи у них находилось одиннадцать агентов в стране и за границей⁵⁹. Третий отдел осуществлял обслуживание высших военных учреждений. В нем также же было два штатных работника: начальник отдела и заведующий агентурой⁶⁰. О других отделах КРО ГУ ГШ сведений обнаружить не удалось, однако можно утверждать, что один из них представлял собой бывшее регистрационное дело-производство⁶¹.

В начале августа 1915 года произошли некоторые изменения в структуре Главного управления Генштаба. Они коснулись и КРО. После реформирования оно получило наименование Центрального военно-регистрационного бюро (ЦВРБ)⁶². Суть реформы со-

стояла в сосредоточении аппарата ЦВРБ на задачах, определенных «Наставлением по контрразведке в военное время», а именно на информационно-справочной и частично на аналитической работе. Обслуживание органов Военного министерства передавалось в КРО штаба 6-й армии. За собой ЦВРБ сохраняло организацию и проведение внешней контрразведки, выполнение специальных заданий начальника Генштаба и оказание содействия КРО военных округов вне ТВД.

Руководство Военного министерства и ГУ ГШ мало интересовалось состоянием КРО, а затем ЦВРБ, не оказывало ему должного содействия. Более того, Бюро чаще поручалось решение вопросов, весьма далеких от контрразведки. Сотрудники ЦВРБ вели объемную переписку по таким проблемам, как вывоз за границу продукции промышленных предприятий и земледелия, выдача пособий работникам эвакуированных объектов, использование на заводах китайских рабочих. Всего подобных направлений велось более десяти⁶³. Документы по указанным выше направлениям деятельности требовали детальной проработки и согласования со многими правительственными учреждениями. На это уходила масса времени. И все это при штате ЦВРБ в двадцать три человека, из которых шестеро являлись офицерами, а остальные были служащими канцелярии⁶⁴.

В докладной записке на имя генерал-квартирмейстера начальник ЦВРБ жандармский полковник князь В.Г. Туркистанов жаловался, что, «напрягая все силы для бумажного делопроизводства, Бюро приходится оставлять значительную часть поступающего в Бюро и имеющего большое значение для контрразведки материала... использованным с недостаточной широтой»⁶⁵. Окружные штабы, не находя возможности разрешить возникающие проблемы по линии КРО на местах, вынуждены были обращаться за разъяснениями и рекомендациями в ЦВРБ. В силу

его занятости местные органы зачастую не получали какого-либо ответа на свои запросы.

Основная часть личного состава ЦВРБ размещалась на нанятой частной квартире, в которой температура зимой опускалась до минус пяти градусов, а деньги на закупку дров не выделялись. В помещении отсутствовал городской телефон. Из-за тесноты пришлось отказаться от регистрации прибывающих в страну и выезжающих из страны иностранцев. Для ведения конфиденциальных разговоров начальник ЦВРБ использовал коридор. Семнадцать сотрудников работали в трех небольших комнатах в здании ГУ ГШ. Там же размещался весь архив русской военной контрразведки⁶⁶.

Серьезные сложности в работе ЦВРБ возникли после создания КРО при штабе ВГ. Как уже отмечалось, в структуре контрразведывательного отделения Ставки предусматривалось регистрационное бюро (РБ), поэтому армейские и фронтовые аппараты, а также КРО военных округов на ТВД обязывались направлять в РБ все материалы на заподозренных в шпионаже лиц и сведения о деятельности разведки неприятеля⁶⁷. Предполагалось, что РБ будет направлять обработанные данные в Петроград. Однако штатных единиц на это направление не было выделено, и переписка практически прекратилась.

ЦВРБ лишилось основного источника информации, и деятельность его резко осложнилась. В апреле 1916 года начальник ЦВРБ докладывал руководству ГУ ГШ о непоступлении сведений из Ставки в течение трех месяцев. Затем он подает мотивированную докладную записку, в которой высказывается категорически против придания КРО при ВГ статуса второго регистрационного центра, поскольку только единая база данных позволяла в полном объеме обслуживать в справочном режиме все органы контрразведки страны. И вновь В.Г. Туркистанов не добился поддержки начальства. Не удалось разрешить вопрос ни

во время его командировки в Ставку, ни путем личного обращения начальника отдела генерал-квартирмейстера ГУ ГШ генерала М.И. Занкевича к своему коллеге в Ставку. До середины октября 1916 года ни одного сообщения из КРО штаба ВГ в ЦВРБ так и не поступило. Лишь в ноябре удалось добиться некоторой связи между двумя регистрационными органами⁶⁸.

Нежелание сотрудничать с ГУ ГШ являлось еще одним проявлением общего организационного недостатка, заложенного в «Положении о полевом управлении войск в военное время», порождавшего противостояние Ставки с Военным и другими министерствами.

В сфере контрразведки серьезные трения и обоюдное недоверие возникли у Ставки с Министерством внутренних дел. Власть Верховного главнокомандующего распространялась на всю фронтовую зону (театр военных действий). Распоряжения его полагалось исполнять всем без изъятия правительственным учреждениям и населению. Верховный главнокомандующий подчинялся только царю, и никакое другое лицо или государственный орган не имели права требовать от него отчета или давать какие-либо указания. Военные власти действующей армии постоянно пользовались этим. Выяснилось, например, что жандармские управления и органы политической полиции не склонны без изучения собранных на подозреваемых в шпионаже лиц материалов производить по требованиям армейских КРО выемки, обыски, аресты и другие следственные действия. Тогда ГУ ГШ рекомендовал воздействовать на ГЖУ и охранные подразделения, опираясь на статус Верховного главнокомандующего и делегированные им начальникам войсковых штабов полномочия⁶⁹.

Отмечая на заседании правительства стремление Ставки полностью парализовать деятельность некоторых государственных органов, князь Н.Б. Щербатов заявил, что не может решать многие вопросы даже

в столице. «Я — министр внутренних дел, — заявил он, — обыватель в Петрограде»⁷⁰.

Взаимодействие органов борьбы со шпионажем с подразделениями Министерства внутренних дел осложнилось еще и тем, что до утверждения «Наставление по контрразведке в военное время» согласовывалось только с командиром Отдельного корпуса жандармов генералом В.Ф. Джунковским, известным своей деятельностью по ограничению полномочий розыскных органов⁷¹. Департамент полиции — ведущий оперативно-розыскной орган Министерства внутренних дел — даже не был поставлен в известность о подготовке этого документа⁷².

Аналитики Департамента полиции (ДП) Министерства внутренних дел отмечали необходимость назначения жандармских офицеров на должности начальников КРО, не только испрашивая предварительное согласие командира ОКЖ, что предусматривалось Наставлением, но и наведя соответствующие справки о способностях кандидатов в аппарате Департамента полиции, где могут дать компетентное заключение о профессиональной пригодности. «Незнакомство с приемами наружного наблюдения, отчетности и регистрации, — указывали сотрудники ДП, — может в значительной степени затруднять продуктивность работы отделения, если во главе его будет поставлено лицо, не имеющее розыскного ценза»⁷³.

Летом 1915 года Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, не ставя в известность своих подчиненных, в том числе и руководителей КРО, поручил прокурору Одесской судебной палаты Р.Г. Моллову обдумать более широкий, чем изложено в Наставлении, план постановки всего контрразведывательного дела⁷⁴. Естественно, руководитель Ставки не мог предположить, что в скором времени прокурор возглавит Департамент полиции Министерства внутренних дел и, таким образом, разработкой вопроса о борьбе со шпионажем займется это ведомство.

Несмотря на то что вскоре великий князь был отстранен от должности и функции Верховного главнокомандующего взял на себя Николай II, Р.Г. Моллов не охладел к поставленной задаче. Оказавшись в Петрограде, он создал специальную комиссию, к работе которой привлек некоторых своих подчиненных, включая и ранее служивших в военной контрразведке⁷⁶. В состав комиссии входили: член совета Министерства внутренних дел действительный статский советник С.Е. Виссарионов, и.о. вице-директора ДП И.К. Смирнов, генерал-майор Бельский, начальник Петроградского охранного отделения К.И. Глобачев, бывший начальник КРО ГУ ГШ полковник В.А. Ерандаков, подполковник П.П. Кашенцев и штаб-офицер для поручений при Министерстве внутренних дел полковник П.К. Попов.

17 октября 1915 года, незадолго до своего увольнения от должности⁷⁶, Р.Г. Моллов представил вновь назначенному управляющему Министерством внутренних дел А.Н. Хвостову подготовленный и принятый всеми членами комиссии проект «Положения о контрразведке» и свою докладную записку о мерах по борьбе со шпионажем⁷⁷.

Данная записка является исключительно важным для нашей темы документом, поскольку такого анализа, таких выводов и предложений не содержится ни в одном другом материале, подготовленном в Министерстве внутренних дел, а тем более в военном ведомстве. В связи с этим остановимся на записке более подробно.

Р.Г. Моллов выявил и зафиксировал реальные «болевые точки» военной контрразведки, осложнявшие ее дальнейшее развитие и отрицательно влиявшие на попытки повысить эффективность борьбы со шпионажем. Он, в частности, указал на отсутствие согласованности в деятельности штабной агентурной разведки и контрразведки, несмотря на то что начальник разведотделения являлся прямым начальником для главного контрразведчика в штабе. Кон-

статуруя данный факт, Р.Г. Моллов, однако, не идет дальше предложения об оказании взаимопомощи между руководителями подразделений.

Вторым по счету, но не по важности, он называет такой недостаток, как конспиративное существование КРО. Если такое положение являлось как-то объяснимым в мирное время, то в период войны для его сохранения не имелось вовсе никаких оснований. Р.Г. Моллов первым из сотрудников спецслужб попытался доказать необходимость привлечения правительственных учреждений и всего общества к оказанию содействия контрразведке. Этого можно будет добиться, только легализовав КРО, утверждал он. Граждане страны и военнослужащие должны знать о существовании этой службы и о задачах, решаемых ею. «Борьбу со шпионажем, — писал Р.Г. Моллов, — нужно сделать открытой, популяризировать ее, придать ей патриотический характер, и тогда к ней примкнут силы народные, национальные»⁷⁸.

Не обошел Р.Г. Моллов и вопрос о штатах КРО, поскольку они были малочисленны и не позволяли эффективно обслуживать даже пункт дислокации фронтового или окружного штаба. Директор Департамента полиции подчеркивал также, что КРО недостаточно свободны в своих действиях и во многом зависят от штабного начальства, почти не осведомленного о контрразведке вообще.

Особое внимание в записке было уделено анализу конкретных проблем взаимодействия губернских и иных жандармских управлений с контрразведкой. Р.Г. Моллов достаточно откровенно писал: «К жандармским чинам военная среда вообще относится недружелюбно... их терпят только по необходимости...». Переломить сложившееся положение автор записки считал делом сложным и малореальным. Он предлагал передать КРО в непосредственное ведение начальников ГЖУ, что одновременно решило бы вопрос о легализации контрразведки и позволило бы руководителям КРО получить столь необходимую ис-

полнительную власть при реализации оперативных материалов⁷⁹. Р.Г. Моллов полагал, что отстраненные от борьбы со шпионажем чины корпуса жандармов вновь будут привлечены к такому важному делу.

Многие ГЖУ, прежде всего на ТВД и в прифронтовой зоне, вполне обоснованно выражали желание направить имеющиеся у них силы и средства на выявление и пресечение шпионажа. Так, начальник Архангельского ГЖУ полковник Е. Флоринский, учитывая резкое снижение с началом войны активности революционных партий и групп в губернии, предлагал включить в состав управления существующее в городе маломощное КРО и вменить в обязанности всем оперативным сотрудникам ГЖУ активно проводить контрразведывательную работу⁸⁰.

Поэтому можно утверждать, что вывод Р.Г. Моллова базировался на знании реальной обстановки, когда в силу резкого сокращения нелегальных антиправительственных проявлений потенциал ГЖУ представлялось полезным направить по линии контрразведки. Это тем более признавалось желательным, так как вести борьбу в глубинке империи нужно было не только с военным шпионажем, но и с подрывной деятельностью противника. Последнее совершенно упускало из вида высшее армейское командование.

Залог успеха в обеспечении безопасности армии и тыла Р.Г. Моллов и все члены его комиссии видели именно в объединении усилий военного ведомства и Министерства внутренних дел, прежде всего Департамента полиции и местных розыскных органов.

Какова же была реакция Ставки и Военного министерства на стремление ДП взять на себя, пусть и не в полном объеме, борьбу со шпионажем?

Управляющий Министерством внутренних дел А.Н. Хвостов поручил своему заместителю С.П. Белецкому лично ознакомить с проектом «молловской» комиссии военного министра А.А. Поливанова и начальника Генштаба М.А. Беляева и выяснить взгля-

ды последних. Оба генерала никаких суждений не высказали, согласившись только созвать специальное совещание заинтересованных лиц с приглашением руководства Министерства внутренних дел и Департамента полиции. Как оказалось, это была лишь бюрократическая уловка, и, естественно, никакого совещания не было создано⁸¹.

Более сложно, хотя и с таким же результатом, решался вопрос в Ставке Верховного главнокомандующего. Как уже отмечалось, конфликтные отношения между высшим руководством действующей армии и Министерством внутренних дел имели место с начала войны и постепенно обострялись. В начале ноября 1915 года товарищ министра внутренних дел С.П. Белецкий, проявлявший неподдельный интерес к вопросам организации борьбы со шпионажем, обратился к начальнику штаба ВГ генералу М.В. Алексееву с вопросами по некоторым аспектам контроля над подозреваемыми в шпионаже лицами, высланными решением командования с театра военных действий. Так как данная категория лиц оставалась вне какого-либо контроля, Министерство внутренних дел предлагало взять на себя это непростое дело. Первоначально генерал согласился и на письме наложил резолюцию, что «вполне разделяет соображения, изложенные сенатором Белецким»⁸². В копиях письмо направлялось на рассмотрение командующим фронтами. В итоге военные посчитали, что знакомство Министерства внутренних дел с материалами на высланных вглубь страны противоречит сохранению секретности в деятельности контрразведки.

Чтобы урегулировать указанные выше и другие вопросы, 17 декабря 1915 года С.П. Белецкий вновь приехал в Могилев и имел конфиденциальную беседу с М.В. Алексеевым. Одновременно начальник штаба ВГ был ознакомлен с результатами работы комиссии Р.Г. Моллова. Получив замечания по проекту «Положения о контрразведке», разработанному Министерством внутренних дел, С.П. Белецкий

возвратился в Петроград. Как оказалось, «замечания» штаба были лишь попыткой оттянуть принятие какого-либо решения. Открыто ссориться с Министерством внутренних дел не хотели, но и отдавать контрразведку, хотя бы и частично, тоже.

В конце года штаб Северного фронта, в чью зону ответственности входила столица империи, выяснил и доложил в Ставку о намерении Министерства внутренних дел якобы пересмотреть «Наставление по контрразведке в военное время» и вообще взять все дело борьбы со шпионажем в свои руки⁸³. Данная информация только усилила подозрение и наложила свой отпечаток на последующие события.

12 февраля следующего года С.П. Белецкий официально направляет доработанные специалистами ДП проекты в штаб ВГ. Свою позицию он изложил в особой справке. Чтобы идеи, изложенные в проектах, не воспринимались как безосновательное посягательство на прерогативы военных, товарищ министра внутренних дел счел необходимым напомнить об опасности для государства не только сбора противником информации о действиях войск, но и в равной мере шпионажа в торгово-экономической и политической сферах. По данным полиции, внимание германской разведслужбы было обращено также на активизацию подпольных революционных организаций. Отмечались факты вербовки неприятелем своей агентуры из числа антиправительственных элементов. «Шпионство, — писал С.П. Белецкий, — не только имеет тесную связь с политическим движением в России, но можно с известной достоверностью сказать, что оно даже питает таковое движение»⁸⁴.

Департамент полиции посчитал совершенно недостаточными имеющиеся в распоряжении штабных контрразведывательных органов возможности для борьбы с этим злом. Отсюда следовал жесткий вывод: реорганизация КРО назрела, но подготовленных кадров у военных недостаточно.

В связи с этим С.П. Белецкий предлагал: во-первых, сохранить существующие КРО фронтов и армий; во-вторых, одновременно направить усилия жандармских управлений и охранных отделений на борьбу со шпионажем, а не ограничиваться оказанием помощи контрразведчикам; с этой целью разрешить органам Министерства внутренних дел самостоятельно вести розыск агентуры противника; в-третьих, привлечь к выявлению агентуры Германии и Австро-Венгрии всех чинов общей и сыскной полиции. Механизм реализации данных предложений был представлен в проекте «Положения о контрразведке»⁸⁵.

В отличие от предыдущих аналогичных документов в данном проекте были разработаны основы организации контрразведывательных органов как для мирного времени, так и на период войны. Предполагалось КРО штабов военных округов оставить в пределах существовавших штатов. В каждом губернском, областном и городском жандармском управлении и охранном отделении выделить офицера для руководства контрразведкой с подчинением его непосредственно начальнику управления. Для военных контрразведчиков также предлагалось ввести порядок их прямого подчинения начальнику штаба объединения или округа, минуя разведывательное отделение и генерал-квартирмейстера.

Зона ответственности КРО фронтов и армий ограничивалась только территорией, занятой действующими войсками и обеспечивающими их тыловыми органами. В местах дислокации запасных частей и в крупных населенных пунктах борьба со шпионажем поручалась КРО округов, соответствующим жандармским и охранным структурам. Для устранения параллелизма и дублирования в работе КРО должны были передавать свою агентуру вне района расположения штаба округа контрразведчикам из жандармерии и полиции.

Принципиально важным являлся параграф одиннадцатый проекта Положения. В нем говорилось, что

общее руководство контрразведкой принадлежит двум конкретным органам: в Военном министерстве — Главному управлению Генштаба, а в Министерстве внутренних дел — Департаменту полиции. При этом директор ДП имел право давать обязательные для исполнения начальниками КРО указания, касающиеся техники розыскной работы⁸⁶.

Финансирование всей контрразведывательной деятельности предусматривалось осуществлять за счет военного ведомства, бюджет которого во время войны позволял выделять необходимые средства. Несмотря на очевидную прогрессивность проекта Положения, реализовать его не удалось по субъективным причинам: против была Ставка.

Ко времени поступления проектов при штабе ВГ уже функционировало контрразведывательное отделение. Однако туда на рассмотрение они не попали. Пройдя ряд инстанций, проекты С.П. Белецкого и Р.Г. Моллова пролежали без движения до 7 апреля 1916 года и были переданы, как ни странно, на заключение офицеру по связи с прессой М.К. Лемке. В недалеком прошлом он являлся активным членом партии социалистов-революционеров, подвергался репрессиям со стороны политической полиции, вследствие чего имел негативное отношение к органам безопасности и к исходящим от них инициативам. Такой тактический ход штабного начальства вполне соответствовал атмосфере взаимного недоверия армейских чинов к Министерству внутренних дел и к Департаменту полиции в частности. Они стремились не допустить какого-либо вмешательства, а тем более общего руководства контрразведкой со стороны Министерства внутренних дел.

В штабе ВГ уловили главное: реализация претензий Департамента полиции на руководство контрразведкой приведет к ограничению всевластия Ставки на театре военных действий. А в тыловых районах, учитывая кадровое превосходство жандармских

и охранных органов над КРО, наличие у них разветвленного агентурного аппарата, права на проведение всего комплекса следственных действий, центр тяжести в борьбе со шпионажем, безусловно, переместится в Министерство внутренних дел. Поэтому Ставка стремилась отстоять свои права. Поручая М.К. Лемке изучение проектов и подготовку ответа, генерал-квартирмейстер М.С. Пустовойтенко высказался категорически против любых изменений, касающихся контрразведки на ТВД. Таким образом, отрицательный отзыв был предрешен. В своей докладной записке бывший активист эсеровской партии расценил предложения ДП Министерства внутренних дел как ломку существующего порядка, которая неизбежно принесет несомненный вред делу борьбы со шпионажем противника⁸⁷.

Он указал, что принятие проектов С.П. Белецкого и Р.Г. Моллова позволит гражданской власти и политической полиции предъявлять армии неадекватные требования и диктовать свою волю высшему командованию. Предлагалось сообщить в Министерство внутренних дел о том, что изменить постановку контрразведки «сообразно присланным им проектам не представляется целесообразным»⁸⁸. Именно такой вывод содержался в утвержденном генералом М.В. Алексеевым итоговом ответном документе.

Начальник штаба ВГ имел и свои основания не допускать политическую полицию в военную сферу. Дело в том, что он вел тайную переписку с одним из известнейших критиков царской власти, членом Государственной думы А.И. Гучковым — объектом активной оперативной разработки со стороны ДП Министерства внутренних дел. Кроме того, личным другом М.В. Алексеева, его ближайшим советником и помощником в Ставке являлся генерал В.Е. Борисов, изгнанный в свое время из армии за контакты с революционерами и восстановленный в ее рядах лишь с началом войны. Вследствие этого он неприязненно относился к политической полиции, при-

частной к его увольнению, и к царской власти вообще. Именно В.Е. Борисов давал начальнику штаба ВГ рекомендации по наиболее важным вопросам, в том числе и по выстраиванию взаимоотношений с представителями и руководителями различных государственных ведомств⁸⁹. Таким образом, личные и отчасти ведомственные интересы военных взяли верх над общегосударственными.

Неудача в попытках Министерства внутренних дел помочь военным в налаживании работы контрразведки в общегосударственном масштабе объясняется резким снижением влияния этого учреждения. Известно, что за период с лета 1915 года и до Февральской революции в российской государственной жизни имело место явление, названное современниками «министерской чехардой». Для Министерства внутренних дел критическим стал 1916 год, когда сменилось четыре министра, три товарища министра и четыре директора Департамента полиции. Происходившие перемены и прежде всего уход из ДП Министерства внутренних дел сторонников масштабной агентурной работы довольно быстро сказались на объеме и качестве поступающей в высшие правительственные инстанции информации об обстановке в стране и армии. Все это происходило на фоне тревожных для власти вестей из войск. Недовольство верховной властью постепенно охватывало важнейшую опору монархии — офицерский корпус, включая и многих генералов. А.И. Деникин позднее вспоминал о широко распространенном среди штабных работников мнении относительно негодности правительства⁹⁰.

В 1916 году была предпринята еще одна попытка реформирования контрразведки. Формально она исходила от И.Ф. Манасевича-Мануйлова, секретаря председателя Совета министров Б.В. Штюрмера. По существу же дело могло сложиться так. Манасевич-Мануйлов являлся ведущим агентом комиссии генерала-контрразведчика Батюшина. Последний вместе с своим многолетним сотрудником полковником

А.С. Резановым предпринимал шаги по реформированию контрразведки, так как они оба были убеждены, что потенциал этой службы в ходе войны используется недостаточно полно. Они, похоже, избрали не самый короткий путь для продвижения составленного документа и использовали для этих целей своего агента, приближенного к главе правительства.

Непосредственным разработчиком плана реформирования контрразведки был, вероятнее всего, известный военный юрист, инициатор и разработчик изменений в уголовном законодательстве в части, касающейся борьбы со шпионажем, полковник А.С. Резанов.

В докладе предлагалось создать некий полицейский сверхдепартамент, подчиненный непосредственно главе кабинета министров, под названием «Канцелярия по политическим вопросам» (КПВ)⁹¹. Ближайшей задачей Канцелярии являлась бы подготовка закона о передаче функции тыловой контрразведки из ведения Главного управления Генштаба в КПВ. Как и ранее аналитики ДП Министерства внутренних дел, полковник мотивировал свою идею необходимостью оказывать противодействие не только шпионажу противника, но и всем видам подрывных действий, не исключая и политических. В частности, автор проекта указывал на необходимость борьбы с пропагандой социализма и анархизма как среди народных масс, так и в воинских частях, какую, по его мнению, финансировали и организовывали немецкие разведорганы. Решить данную проблему, подчеркивал А.С. Резанов, ограниченными средствами существовавших КРО представлялось нереальным. В проекте прямо указывалось, что «первый принцип для успешного пресечения деятельности германских шпионов заключается в дружной совместной работе органов контрразведки с органами различной полиции»⁹².

Однако в реальной жизни именно совместной работы военных и полицейских властей не наблюда-

лось. Находясь в подчинении разных ведомств, чины полиции и контрразведки зачастую вступали даже в профессиональную конкурентную борьбу. Именно эту борьбу и предполагалось снять созданием КПВ при правительстве России.

А.С. Резанов настаивал, чтобы к работе в Канцелярии были привлечены лица с высшим юридическим образованием, имеющие определенный стаж работы в судебных, полицейских или контрразведывательных органах.

На допросах в Чрезвычайной следственной комиссии бывший заместитель министра внутренних дел С.П. Белецкий заявлял о полной реальности осуществления проекта создания КПВ⁹³. Предложения А.С. Резанова поддержал лично председатель Совета министров, и только спровоцированный Департаментом полиции арест И.Ф. Манасевича-Мануйлова и последовавший за этим в ноябре 1916 года уход с поста Б.В. Штюрмера не позволили довести дело до конца⁹⁴.

Изучение процесса организационного строительства царской контрразведки в период Первой мировой войны не будет полным без обзора событий, связанных с зарождением и развитием органов по борьбе со шпионажем в русском военно-морском флоте.

Как известно, центральные аппараты органов борьбы со шпионажем в большинстве стран образовывались при Генеральном штабе. Морской Генеральный штаб в России как высший орган оперативного руководства флотом был создан «по Высочайшему повелению» лишь в апреле 1906 года⁹⁵. Согласно штатному расписанию, в его составе учреждалось иностранное отделение, основные задачи которого заключались в сборе необходимой командованию информации о строительстве, планах использования морских сил потенциальных противников России, а также на него возлагалось руководство деятельностью военно-морских агентов (атташе) в Швеции, Германии, Италии, Турции и некоторых других странах⁹⁶.

Иностранное отделение, а также аппараты военно-морских агентов наряду с разведкой уделяли некоторое внимание работе по выявлению организаций и лиц, осуществлявших подрывную деятельность против российского флота. Однако отсутствие специальных органов контрразведки не позволяло обеспечить какую-либо четкость и целенаправленность в деле борьбы со шпионажем и сохранении в тайне от неприятеля важных государственных секретов.

В Российской империи в этот период проводилось коренное преобразование органов управления флотом. Назначенный начальником Морского Генерального штаба (МГШ) капитан 1-го ранга Л.А. Брусилов возглавил разработку программ восстановления морской мощи российского государства, основательно подорванной в ходе русско-японской войны⁹⁷. Возрождать флот планировалось, прежде всего, через реализацию масштабной и хорошо продуманной судостроительной программы. В соответствии с произведенными расчетами и прогнозами завершить ее требовалось в относительно короткий срок. Офицеры МГШ исходили из перспективы и неизбежности возникновения большой европейской войны⁹⁸.

Однако в то время никто из флотского руководства серьезно не задумался над необходимостью одновременно осуществить реформу органов управления военно-морскими силами страны, разработать и воплотить в жизнь систему мер по контрразведывательному обеспечению кораблестроительной программы. К столь важному делу не привлекли даже жандармские подразделения и контрразведку Главного управления Генерального штаба. Вполне естественно, что, не зная флотской специфики, не будучи посвященными в вопросы развития кораблестроения, совершенствования и укрепления мест базирования, указанные учреждения были не в силах защитить флот от происков иностранных разведок⁹⁹. Такое положение сохранялось и в течение первого года мировой войны.

В апреле 1915 года агенты парижской резидентуры русской политической полиции получили сведения, что немецкая разведка планирует организовать диверсии на заводах, работающих на нужды флота. Подставленному немцам агенту департамента полиции «Шарлю» предлагалось взорвать один из сильнейших боевых российских судов линейный корабль «Императрица Мария»¹⁰⁰.

Данная информация не прошла незамеченной в Морском Генштабе и подтолкнула к давно назревшим организационным шагам. В конце сентября 1915 года морской министр адмирал И.К. Григорович направил руководителю военного ведомства генералу А.А. Поливанову, являвшемуся одновременно и председателем Особого совещания по обороне государства, письмо¹⁰¹. Адмирал указал на усиленную активность по изучению морских сил России немцами и австрийцами начиная с 1912 года. По его мнению, с началом войны противник сумел «глубоко проникнуть во все области военно-морского дела». И.К. Григорович констатировал, что контрразведка военного ведомства, перегруженная своей основной работой, в силу объективных сложностей не уделяет должного внимания флоту. Исходя из этого, предлагалось выделить морскую контрразведку в самостоятельную организацию¹⁰². К созданию ее планировалось приступить незамедлительно.

Одновременно с письмом И.К. Григорович направил выработанный МГШ проект «Положения о морских контрразведывательных отделениях», предлагая А.А. Поливанову высказать свои замечания. Но это была лишь бюрократическая формальность. Моряки уже приняли решение и отказываться от него не собирались. В Главном управлении Генерального штаба проект рассмотрели и не обнаружили каких-либо противоречий с уже применяемым в армии «Наставлением по контрразведке в военное время». Лишь один вопрос беспокоил Генштаб: как на практике

организовать четкое взаимодействие с вновь образуемой спецслужбой¹⁰³.

В указанном выше проекте задача морских КРО формулировалась следующим образом: «Борьба с военно-морским шпионством и вообще воспрепятствование тем мерам иностранных государств, которые могут вредить интересам морской обороны Империи». Как видим, разработчики указанного выше документа взяли за основу не трактовку основной задачи контрразведки, данную в утвержденном Верховным главнокомандующим в июне 1915 года Наставлении, а с незначительными изменениями перенесли в свой проект то, что указывалось в «Положении о КРО» от 1911 года¹⁰⁴. Данный факт означал понимание специалистами МГШ необходимости участия морских КРО в выявлении и пресечении не только попыток сбора противником секретной информации, но и в противодействии всем видам подрывных акций, включая диверсионные и пропагандистские.

Согласно Положению, предполагалось создать контрразведывательное отделение Морского Генштаба, а также пять местных КРО: финляндское, балтийское, беломорское, тихоокеанское и черноморское¹⁰⁵. В случае необходимости по указанию начальника МГШ могли быть образованы и другие подразделения флотской контрразведки, в том числе в наиболее важных населенных пунктах. В районах морских крепостей специальных контрразведывательных органов создавать не предполагалось, и организация борьбы со шпионажем возлагалась на офицера, специально назначаемого комендантом крепости.

Проектом Положения предусматривалось разграничение территории действия каждого из создаваемых МКРО. В частности, на морское контрразведывательное отделение МГШ возлагалось обслуживание всех центральных учреждений морского ведомства, заводов, фабрик, мастерских и испытательных станций, которые работали в интересах флота и распола-

гались в Петрограде и его окрестностях. Оно могло также действовать на всей территории империи, не входящей в район других морских органов контрразведки. Финляндское МКРО прикрывало все побережье от шведской границы до Сестрорецка, Балтийское — южное побережье Финского залива и Моонзундский архипелаг. Некоторые сложности возникли при разграничении сфер влияния между черноморским МКРО и контрразведывательным отделением штаба Одесского военного округа, поскольку согласно проекту Положения отдельные районы их действия совпадали. Однако бюрократическая волокита согласования и урегулирования спорных вопросов растянулась почти на год. В итоге было признано целесообразным вести работу параллельно, решая возникающие вопросы напрямую между флотскими и сухопутным КРО¹⁰⁶. На севере, прежде всего в таких стратегически важных пунктах, как Архангельск и Мурманск, вся контрразведывательная работа постепенно перешла в морское КРО.

Анализ статей проекта Положения указывает на более передовые взгляды его составителей, в отличие от тех, кто готовил «Наставление по контрразведке в военное время». В частности, моряки пошли по пути придания большей самостоятельности своей службе по борьбе со шпионажем.

Так, например, в статье шестой указывалось, что руководство всей службой возлагается на штаб-офицера для поручений особого делопроизводства МГШ, который имел собственную печать и официально именовался начальником морской контрразведки в Империи. Ему предоставлялось право самостоятельно вести переписку со всеми армейскими и флотскими властями, а в отдельных случаях он мог направлять запросы и различные записки по расследуемым делам в высшие правительственные учреждения, минуя начальника МГШ и морского министра¹⁰⁷.

На данное обстоятельство обратил внимание военный министр генерал А.А. Поливанов. Он пытал-

ся убедить своего коллегу адмирала И.К. Григоровича внести изменения в отдельные статьи проекта Положения и мотивировал свои предложения следующим образом: «... предоставленная данным отделением (КРО. — А.З.) свобода действий, главным образом в области самостоятельных сношений, является несколько преувеличенной, так как допускает на практике возможность уклониться от поставленных им задач...»¹⁰⁸. Возражения А.А. Поливанова касались и стремления представителей морского Генштаба более гибко подойти к системе подчиненности контрразведки. Начальники местных МКРО, согласно проекту, назначались не командующими флотами, а непосредственно главой МГЩ, что придавало им определенную независимость. Более того, вне театра военных действий, а также в мирное время руководители МКРО на флотах напрямую подчинились начальнику «морской контрразведки Империи». Таким образом, предполагалось создание централизованной системы, чего не хотело допустить у себя Военное министерство, закостенелое в своих взглядах.

В цитированном выше письме А.А. Поливанова указывалось на отсутствие пользы от выделения контрразведки в самостоятельную структуру. Он усматривал серьезное противоречие системы вертикальной подчиненности МКРО и возможности командующих и начальников штабов флотов давать им подлежащие выполнению задания, увязанные с проводимыми боевыми операциями¹⁰⁹.

На взгляды Морского министерства и его Генерального штаба, несомненно, оказали влияние и результаты интенсивных контактов с представителями Министерства внутренних дел и Департамента полиции, в частности. Дело в том, что одновременно с направлением проекта «Положения о морских контрразведывательных отделениях» в военное ведомство адмирал И.К. Григорович послал указанный документ и в адрес министра внутренних дел, со-

трудники которого в это время работали над совершенствованием контрразведывательной системы в рамках упомянутой ранее комиссии Р.Г. Моллова. Министерство внутренних дел пыталось наладить деловые контакты с генералом А.А. Поливановым и начальником Главного управления Генерального штаба М.А. Беляевым по указанному вопросу, однако встречного интереса, как известно, проявлено не было¹¹⁰.

В отличие от своих сухопутных коллег представители МГШ выразили готовность к обмену мнениями. В итоге состоялось объединенное совещание, на котором сотрудники Департамента полиции ознакомили флотских офицеров с предложениями, выдвинутыми членами молловской комиссии. В духе этих предложений и был составлен ответ, укрепивший МГШ во мнении о целесообразности строительства централизованной системы контрразведки и привлечении офицеров Отдельного корпуса жандармов на должности начальников МКРО и их помощников.

Однако серьезные расхождения в отзывах на проект со стороны Министерства внутренних дел и Военного министерства поставили МГШ перед необходимостью провести дополнительную работу, которая растянулась более чем на год.

Не дожидаясь утверждения руководящих документов по контрразведке, разрабатываемых Морским Генштабом, командование Черноморского флота активно взялось за строительство органов по борьбе со шпионажем противника. В Севастополе подготовили и, минуя морского министра и МГШ, направили в Ставку Верховного главнокомандующего «Положение о разведывательном и контрразведывательном отделениях штаба ЧФ», которое и утвердил 14 октября 1915 года начальник штаба ВГ генерал от инфантерии М.Н. Алексеев¹¹¹.

Положение, подписанное несколько месяцев назад тем же Алексеевым, базировалось на тексте «Наставления по контрразведке в военное время». Оно сохранило все недостатки данного документа и, в

частности, слишком узкую трактовку основной задачи КРО, а также трехступенчатую подчиненность начальника отделения. Совершенно очевидно, что разработчики Положения не были знакомы с соответствующим проектом Морского Генштаба либо по каким-то причинам полностью игнорировали его основные идеи.

Контрразведывательное отделение Черноморского флота начало функционировать в конце октября 1915 года. Руководителем его стал прикомандированный к штабу ЧФ из Севастопольского жандармского управления ротмистр А.П. Автономов.

Не прошло и года после принятия первого нормативного документа, положенного в основу строительства контрразведки штаба ЧФ, как Морской штаб при Ставке ВГ разработал новое «Положение о разведывательной части штаба командующего Черноморским флотом». 28 августа 1916 года начальник МШ адмирал А.И. Русин утвердил документ¹¹².

Он отличался от Положения 1915 года лишь в части, касающейся организационных и штатных вопросов. Если ранее разведкой и контрразведкой флота руководил 3-й помощник флаг-капитана оперативной части (т.е. начальника оперативного отделения), то теперь учреждалась должность начальника разведывательной части (РЧ), который подчинялся в строевом отношении начальнику штаба ЧФ. Начальник РЧ имел звание по должности капитана первого ранга, что на флоте являлось довольно значимым. Ему подчинялся начальник КРО, назначаемый из морских офицеров или из корпуса жандармов. КРО выделялось в самостоятельную организационную единицу под номинальным руководством начальника РЧ, поскольку последний был загружен работой по агентурной разведке в заграничных портах и на территории Турции. Кроме того, он ведал судовой и гидрологической разведкой, а также всей службой связи флота. Штат КРО увеличивался на одного сотрудника.

Таким образом, новое Положение, не внося изменений в оперативную деятельность КРО, несомненно, являлось шагом вперед в плане поднятия статуса контрразведки в иерархии штабных подразделений Черноморского флота.

Деятельное участие в создании и становлении КРО штаба ЧФ приняли Департамент полиции Министерства внутренних дел и вице-директор И.К. Смирнов, ранее служивший в контрразведке ГУ ГШ.

Начальник штаба флота еще в ноябре 1915 года командировал в ДП руководителя флотских спецслужб капитана 2-го ранга А.А. Нищенкова для согласования конкретных вопросов¹¹³. В частности, штаб ЧФ просил оказать содействие в разработке инструкций и наставлений по оперативной работе, укреплении контрразведки кадрами и их профессиональной подготовки. Кроме того, командование ЧФ высказывалось за тесное взаимодействие КРО с жандармскими управлениями и охранными отделениями в зоне ответственности ЧФ и просило направить в Севастополь опытного сотрудника ДП для практического решения данного вопроса¹¹⁴.

Рассматривая контрразведку как важное государственное дело, Департамент полиции удовлетворил все запросы штаба ЧФ. Из числа находящихся в резерве ДП сотрудников отобрали девять бывших начальников сыскных отделений, для которых, по указанию заместителя министра внутренних дел С.П. Белецкого, были организованы специальные курсы. Программа подготовки будущих контрразведчиков предполагала ознакомление их с общими сведениями о шпионаже, с другими видами подрывной деятельности противника, тактикой контрразведывательных действий, а также силами и средствами для осуществления оперативных задач¹¹⁵.

Из московского охранного отделения командировался на флот специалист по наружному наблюдению для руководства этим аппаратом в Севастополе.

Сотрудники ДП Министерства внутренних дел работали свое «Положение о контрразведке», ранее отвергнутое Ставкой Верховного главнокомандующего, и предложили его для исполнения всем своим местным органам в областях, прилегающих к побережью Черного и Азовского морей. В документе прямо указывалось на необходимость активной совместной работы КРО штаба ЧФ, с одной стороны, губернских, областных, городских жандармских управлений и охранных отделений — с другой¹¹⁶. Для согласования совместных действий и оказания помощи КРО штаба ЧФ в главную базу флота 7 июня 1916 года прибыл один из авторов Положения, генерал для поручений при министре внутренних дел П.К. Попов.

Министерство внутренних дел также ориентировало командующего ЧФ адмирала А.А. Эбергарда о волнениях среди моряков Балтийского флота, организованных революционными элементами. В этой связи по просьбе адмирала Канина Департамент полиции с согласия морского министра организовал при БФ Особый отдел, задачей которого было выявление, разработка и пресечение деятельности антиправительственных групп среди военнослужащих. Министерство внутренних дел предлагало создать аналогичный орган и на Черноморском флоте¹¹⁷. Однако командование отказалось от услуг Министерства внутренних дел и в категорической форме отвергло идею Департамента полиции. Несмотря на это совместная работа по повышению эффективности функционирования КРО штаба ЧФ продолжалась.

Докладывая руководству Министерства внутренних дел о предпринятых в этом направлении действиях, генерал П.К. Попов отмечал факт создания контрразведывательных пунктов в Одессе, Николаеве, Мариуполе, Ростове-на-Дону, Новороссийске и Батуми. Заведование указанными пунктами возлагалось на прошедших подготовку на курсах ДП Ми-

нистерства внутренних дел сотрудников. К середине июня 1916 года они сумели укомплектовать штат филеров и приобрели внутреннюю агентуру в интересующей контрразведку среде¹¹⁸.

Что же касается контрразведки Морского Генштаба, то укомплектовать ее и организовать работу оказалось сложнее.

Руководство Регистрационной службы, на которую возлагались функции контрразведки и разведки, приоритетным считало последнюю. Укреплению аппаратов военно-морских агентов, прежде всего в Скандинавии, уделялось особое внимание. Туда направлялась большая часть денег из секретных сумм, подбирались и командировались флотские офицеры и завербованные сотрудники.

Гибель новейшего линкора «Императрица Мария» в октябре 1916 года, несомненно, заставила руководство МГШ задуматься, поскольку основной версией случившегося тогда считалась диверсия германских агентов¹¹⁹. Отсутствие нормативных документов, определяющих организационное построение флотской контрразведки и вопросы ее функционирования, несомненно, сказывалось на эффективности борьбы с разведывательно-подрывными акциями противника.

Затянувшаяся работа над проектами данных документов значительно активизировалась. При этом нельзя не учитывать, что весной 1916 года основной критик флотского проекта генерал Поливанов покинул пост военного министра и, следовательно, не мог уже влиять на принятие окончательного варианта¹²⁰.

В начале января 1917 года морской министр, начальник МГШ и руководитель Регистрационной службы направили сухопутным коллегам соответствующего уровня предложения, напрямую связанные с укреплением и совершенствованием правовой базы уже несколько месяцев действовавших флотских КРО.

Прежде всего, по их мнению, следовало увязать «Положение о морской контрразведывательной службе» с применяемыми в армии аналогичными основополагающими документами. Адмирал И.К. Григорович просил внести изменения в «Положение о контрразведывательных органах» от 1911 года¹²¹. В частности, требовалось внести в обязанность КРО при штабах тыловых военных округов обслуживание интересов морского ведомства в тех районах, где не будут действовать флотские контрразведывательные органы. Для ускорения решения возникающих на практике вопросов предлагалось предоставить сухопутным КРО непосредственно, минуя Главное управление Генерального штаба, сноситься с морской регистрационной службой¹²².

В третий пункт «Наставления по контрразведке в военное время», где перечислялись все органы по борьбе со шпионажем, надлежало включить морские КРО в Петрограде и аналогичные аппараты на флотах¹²³.

10 января 1917 года в ГУ ГШ уже поступили доработанные проекты целого пакета документов: 1) «Положение о морской контрразведывательной службе»; 2) инструкция ее сотрудникам по оперативной работе; 3) «Инструкция о ведении денежной отчетности»; 4) «Положение о добавочных вознаграждениях чинам флотской контрразведки» и 5) «Программа обучения офицеров»¹²⁴.

Морской Генштаб настаивал на рассмотрении проектов в возможно короткие сроки. Одновременно начальник Морской Регистрационной службы МГШ капитан 2-го ранга В.А. Виноградов предпринял необходимые меры, чтобы активизировать работу военноморских агентов по линии внешней контрразведки.

В ГУ ГШ со 2 по 10 февраля 1917 года прошло представительное совещание, на котором и были рассмотрены все ходатайства и проекты Морского Генштаба¹²⁵. Участники совещания сошлись во мнении о целесообразности внесения изменений в пара-

графы 3, 15 и 16 «Положения о КРО» от 1911 года, уточнили детали передачи некоторых функций от сухопутных к морским КРО, а также порядок перераспределения существующей агентуры. Кроме того, с учетом создания в Морской Регистрационной службе собственного информационно-справочного органа было принято решение передать туда часть картотеки и переписки, касавшейся военно-морского флота¹²⁶.

Большую подготовительную работу офицеры МГШ провели и с сотрудниками Министерства внутренних дел, так как предполагалось наладить тесное взаимодействие с Департаментом полиции и дополнительно привлечь на службу во флотскую контрразведку офицеров Отдельного корпуса жандармов на должности начальников КРО и их помощников.

12 февраля командир ОКЖ генерал-лейтенант И.Л. Татищев подписал приказ №18, объявлявший порядок прикомандирования к МГШ офицеров корпуса, имеющих опыт работы в розыскных учреждениях¹²⁷.

Приказом предусматривалось, что начальник Морского Генштаба непосредственно рассматривает кандидатуры для замещения вакантных должностей руководителей МКРО и по согласованию с товарищем министра внутренних дел назначает их. Аттестации на них утверждает начальник Регистрационной службы МГШ, он же представляет контрразведчиков к наградам.

Таким образом, начальники МКРО получали некоторую самостоятельность от командующих флотами и их штабов, что лежало в русле первоначального проекта Положения, разработанного еще в 1915 году.

Крайне важным достижением проведенного совещания стало и решение назначать первых руководителей морских КРО одновременно и помощниками начальников соответствующих губернских жандармских управлений¹²⁸. Это впервые давало контрразведчикам право самостоятельно осуществлять

«ликвидации» (реализации) разрабатываемых дел, то есть проведение обысков, арестов, выемок и других следственных действий¹²⁹.

Реализовать приказ не удалось, поскольку вскоре после Февральской революции перестало существовать жандармское ведомство, все его офицеры, уже зачисленные в контрразведку, подлежали немедленному увольнению.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о неготовности царской контрразведки к мировой войне. Это было вызвано тем, что руководство русской армии не осознало объективной необходимости формирования органов безопасности в войсках с возложением на них одновременно и борьбы с разведывательной деятельностью противника.

Реформирование контрразведки в период нахождения у власти Временного правительства (февраль — октябрь 1917 года)

В феврале 1917 года в России пала монархия, не выдержавшая непосильного бремени войны. Обломки рухнувшей империи не пощадили основного звена воюющего государства — армии. Нараставшая усталость от многолетней войны, вялотекущее брожение в окопах стремительно прорвались массовыми митингами, принятием различных постановлений и резолюций по проблемам жизнедеятельности войск. Особое значение в этом плане приобрел «Приказ № 1», в соответствии с которым петроградский гарнизон фактически выводился из подчинения командованию. Именно с него началось повсеместное создание в войсках комитетов разного уровня, серьезно подрывавших основы старой армии. Дисциплина в войсках падала день ото дня, боевая мощь рушилась далеко не от снарядов немецких сверхмощных орудий.

В обстановке усиливающегося с каждым днем хаоса на фронте и в тылу многие контрразведчики,

призванные оберегать боеспособность армии и флота, приходили к печальному заключению, что борьба со шпионажем в таких условиях практически невозможна. Действия официальных властей не оставляли им реальных надежд на будущее.

Образованный 27 февраля 1917 года Временный комитет Государственной думы через несколько дней преобразовался во Временное правительство и фактически взял на себя управление страной.

На основании его приказа комендантом Петрограда назначался член Думы полковник Генерального штаба В.А. Энгельгардт. Он же возглавил Военную комиссию при Временном комитете, которая являлась реально действующим штабом революционных войск. Вскоре его сменил известный политический деятель А.И. Гучков, придавший комиссии большую организованность и активность. В число задач, решаемых А.И. Гучковым и его сотрудниками, входила и организация борьбы с немецким шпионажем. Для решения этой задачи организовывался контрразведывательный отдел¹³⁰, приобретающий с учетом статуса комиссии и значения фигуры ее председателя некоторые руководящие функции по отношению к другим аналогичным органам в Петрограде и округе.

Уже 4 марта, на третьем своем заседании, Временное правительство приняло значимое для всей страны и напрямую повлиявшее на ее контрразведывательную службу решение. Были ликвидированы Отдельный корпус жандармов, включая и железнодорожную полицию, а также охранные отделения¹³¹. Офицеров и нижних чинов ОКЖ и полиции предписывалось направлять в строевые части.

Назначенный к этому времени военным и морским министром А.И. Гучков довел новость до штабов фронтов, армий и округов для неукоснительного исполнения. Это был серьезнейший удар по руководящим кадрам контрразведки, а также сотрудникам наружного наблюдения, подавляющее большинство

которых имело прямое отношение к расформированным учреждениям.

Конкретизируя решение Временного правительства, военный министр подписал циркулярную телеграмму с указанием уволить из органов по борьбе со шпионажем всех жандармских офицеров и лиц, ранее работавших в охранных отделениях и в криминальной полиции¹³². Данное указание самым серьезным образом отразилось на руководящих кадрах контрразведывательных отделений как в действующей армии, так и в тылу, поскольку офицеры упраздненного ОКЖ составляли до 90% от общего числа начальников КРО и их помощников¹³³.

Аналогичная ситуация сложилась и с младшими агентами КРО, обязанностью которых было ведение наружного наблюдения. Они также подлежали увольнению ввиду предыдущей службы в Департаменте полиции Министерства внутренних дел и его местных органах.

Руководство Ставки Верховного главнокомандующего пыталось затормозить реализацию указания новых петроградских властей. Исполняющий обязанности начальника штаба ВГ генерал В.Н. Клембовский представил военному министру доклад, где подчеркивал, что хотя жандармские офицеры не пользуются уважением в военной среде, но за неимением других специалистов они «являются пока незаменимо полезными работниками в сфере преследования и обнаружения неприятельских шпионов»¹³⁴. Однако его обращение осталось без ответа.

Руководители штабов фронтов и армий докладывали, что реализация указания министра приведет к тяжелым последствиям. Генерал-квартирмейстер штаба Западного фронта в своем докладе в Ставку ВГ относительно состояния КРО предупреждал о несомненном прекращении деятельности контрразведки в случае одномоментного увольнения указанных в телеграмме А.И. Гучкова лиц¹³⁵. К подобному выводу пришло командование Румынского фронта,

отдельной Кавказской армии и многих других войсковых объединений.

Проанализировав поступившие из подчиненных штабов доклады, второй генерал-квартирмейстер Ставки ВГ генерал-майор С.Л. Марков направил на места циркулярную телеграмму, разрешавшую в необходимых случаях оставлять на службе наиболее квалифицированных сотрудников из числа бывших жандармов на период реорганизации контрразведывательных отделений, но не позднее, чем до 15 июля 1917 года¹³⁶.

Однако все эти действия опытных военных руководителей явно запоздали. Подавляющее большинство жандармских офицеров-контрразведчиков к этому времени уже были уволены, а отдельные даже подверглись репрессиям. Типичную обстановку тех дней обрисовал в своем докладе руководству начальник КРО штаба Двинского военного округа. Он, в частности, сообщал, что деятельность отделения практически парализована, поскольку офицеры и другие сотрудники неоднократно задерживались, к ним применялись меры физического воздействия, угрожали расстрелом¹³⁷. Прямо в Таврическом дворце был арестован и начальник КРО штаба Петроградского военного округа полковник В.М. Якубов, прибывший туда с рапортом о готовности добросовестно служить новой власти. В отсутствие начальника отделение прекратило работу, а в начале марта подверглось полному разгрому бесчинствующей толпой. Большинство сотрудников подверглось аресту, и почти месяц они провели в тюрьме.

Несмотря на заслуги в деле борьбы со шпионажем и ходатайства высших военных чинов, был уволен от должности начальника Центрального военно-регистрационного бюро (контрразведки) Главного управления Генерального штаба полковник В.Г. Туркистанов, откомандированный из Отдельного корпуса жандармов в военное ведомство еще в 1911 году для организации КРО штаба Московского округа¹³⁸.

По решению Временного правительства арестовали и бывшего начальника контрразведывательного отделения Генерального штаба полковника В.А. Ерандакова. Не найдя ничего предосудительного непосредственно в его работе на указанном посту, председатель Особой следственной комиссии сенатор В.А. Бальц возбудил уголовное дело по фактам «злоупотреблений» в контрразведке вообще. Не зная существа расследования, «демократическая» пресса уже обвинила его в совершении преступления против народа¹³⁹.

Вопросу о якобы имевших место серьезных нарушениях со стороны офицеров КРО придавали все больше и больше значения, а 11 октября его рассматривали даже на заседании правительства. В газетном отчете сообщалось, что упомянутый выше сенатор В.А. Бальц убеждал участников заседания, что «область злоупотреблений в учреждениях по борьбе со шпионажем требует образования особого органа власти для расследования, т.к. такого рода следственная организация обнимет деяния должностных лиц, извращавших задачи борьбы со шпионажем и служивших в действительности борьбе с общественностью, отдельными национальностями и промышленностью страны»¹⁴⁰.

В итоге Временное правительство учредило Особую следственную комиссию под председательством сенатора Н.Н. Чебышева при участии представителей адвокатуры и военного ведомства.

Не отставали от центральных и местные революционные власти. Есть много свидетельств их «компетентных» решений относительно контрразведки и ее кадров. Так, бывший помощник начальника контрразведки Черноморского флота С.М. Устинов отмечал, что члены Севастопольского совета обрушились на контрразведку, отождествив ее с охранным отделением. Совет принял решение образовать специальную комиссию, поручив ей проверить и коренным образом реорганизовать флотскую службу

по борьбе со шпионажем. «Комиссия признала необходимым, — пишет Устинов, — произвести основательную чистку служебного персонала. Все члены департамента полиции и агенты бывших жандармских отделений были уволены. Эта мера лишила контрразведку опытных работников, в некотором отношении даже незаменимых»¹⁴¹. Затем последовало расчленение единого аппарата контрразведки ЧФ, что привело к образованию беспомощных контрразведывательных групп в ряде приморских городов, уничтожению централизованных учетов.

Не лучше, чем на Черноморском флоте, обстояло дело во фронтовых и армейских органах контрразведки. Фактически к осени 1917 года в какой-то степени дееспособными остались лишь соответствующие подразделения в Главном управлении Генерального штаба и в Московском военном округе.

Серьезное ослабление кадрового состава контрразведывательных органов привело в итоге к фактическому уничтожению агентурного аппарата. Этому способствовала основанная на материалах архивов Министерства внутренних дел кампания в прессе по разоблачению секретных сотрудников тайной полиции царской России. Чуть ли не ежедневно в газетах печатались списки выявленных в столице и на местах агентов охранных отделений. Наряду с действительными фактами негласного сотрудничества некоторых лиц с царскими властями появилась масса слухов, предположений и прямых наветов. Разыгрывались человеческие трагедии. Можно сказать определенно, что и для всей системы отечественной контрразведки «разоблачительство» обернулось трагедией. Ведь с началом войны многие опытные секретные сотрудники охранных отделений частично или полностью переключались на борьбу со шпионажем и лицами, пособничавшими военным противникам России. После революции этих секретных сотрудников изгнали из контрразведки, а впоследствии многих арестовали.

Назначенный в начале марта 1917 года начальником КРО штаба Петроградского военного округа Б.В. Никитин позднее писал, что встречал упорнейшее нежелание продолжать работу со стороны даже «чистых» (т.е. не связанных ранее с охранкой) агентов, вызванное страхом подвергнуться репрессиям по примеру секретных сотрудников охранных отделений¹⁴².

Да и как могло быть иначе. Один из крупных юристов, включенный Временным правительством в состав Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК), С.В. Завадский вспоминал о правовом нигилизме председателя комиссии Н.К. Муравьева, который настаивал на привлечении секретных сотрудников царской политической полиции к уголовной ответственности. Он прямо заявлял, что «нужно найти (!) статью закона, по которой их можно было бы судить, невзирая на амнистию». Муравьев предлагал, к примеру, использовать статью Уложения о наказаниях, предусматривающую уголовную ответственность за превышение власти¹⁴³.

В условиях кардинальных изменений, произошедших в системе государственного и отчасти военного управления, со стороны руководителей контрразведывательной службы наблюдалась тенденция всячески уклониться от выполнения функций, не связанных напрямую с борьбой с военным шпионажем. В этом видится вполне понятное стремление сохранить аппарат контрразведки в условиях, когда власти зачастую принимали решения под напором ультрареволюционных общественных настроений и когда политическая целесообразность превалировала над законом. Поэтому в циркулярных телеграммах, которые направлялись в органы контрразведки по линии Ставки и ГУ ГЩ, подчеркивалось, что их задачей является исключительно борьба с военным шпионажем.

Те, кто отвечал за контрразведку в Главном управлении Генерального штаба, подготовили проект обращения к войскам А.Ф. Керенского, сменившего А.И. Гучкова на посту военного и морского мини-

стра. Данное обращение было оформлено в виде несекретного приказа по армии и флоту и 17 мая 1917 года подписано министром. В нем говорилось об усилившейся активности шпионских центров противника и об опасности их деятельности для страны. «Для борьбы со шпионами, — отмечалось в приказе, — существуют особые секретные учреждения, именуемые контрразведывательными отделениями. Не смешивайте служащих этих отделений с агентами политического сыска старого режима... и оказывайте им полное содействие»¹⁴⁴.

Ранее подобные призывы и разъяснения публиковались и от имени различных войсковых штабов, однако они не привели к желаемому результату на фоне развернутой новыми властями кампании разоблачительства деятельности всех секретных служб старого режима. Для контрразведки не было сделано исключения, поскольку революционные органы печати убеждали население и военнослужащих, что органы борьбы со шпионажем — это прикрытие для военно-политической полиции.

Глава французской военной миссии генерал Ниссель, докладывая о развитии ситуации в России своему парижскому руководству, прямо отмечал, что «русской контрразведки больше не существует»¹⁴⁵. Это обстоятельство, кстати говоря, побудило разведывательные службы союзных России государств (Англии и Франции) приступить к форсированному укреплению своих официальных представительств в России и созданию связанных с ними нелегальных групп. Наблюдая стремление контрразведки ГУ ГШ уклониться от работы по сторонникам прекращения военных действий из оппозиционных Временному правительству политических сил, союзники развернули активную работу против большевиков. При этом всячески подчеркивалось, что многие из руководящего звена данной партии связаны с немецкими спецслужбами, действуют в их интересах, при их финансовой поддержке.

Несмотря на всю сложность обстановки в России, государственно мыслящие военные и ответственные гражданские чиновники отчетливо понимали необходимость укрепления потенциала отечественной контрразведки, ее реорганизации с учетом произошедших радикальных изменений.

Исполняющий обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал В.Н. Клембовский провел в Ставке ряд встреч с заинтересованными лицами и с учетом их мнений направил докладную записку военному министру А.И. Гучкову. Автор записки указывал на критическое положение, в котором оказались КРО внутренних военных округов в связи с упразднением жандармского корпуса и охранных отделений. Своими силами контрразведчики едва могли обеспечить борьбу со шпионажем в местах дислокации окружных штабов. В связи с этим В.Н. Клембовский предлагал незамедлительно войти в контакт с МВД и решить вопрос об организации КРО во всех губернских и областных центрах на базе общественной милиции, однако с непосредственным подчинением начальнику штаба соответствующего округа¹⁴⁶.

Будучи известным теоретиком разведки и контрразведки, генерал, бесспорно, понимал утопичность своего проекта, поскольку новый состав милиции понятия не имел об организации охраны общественного порядка, не говоря уже о выявлении и разработке лиц, подозреваемых в шпионаже. Однако иного выхода из создавшегося положения он не видел. Идею опоры на милицию высказал А.И. Гучкову и крупный юрист сенатор С.Н. Трегубов¹⁴⁷.

Военное министерство своих предложений не имело, поэтому запрос в Министерство внутренних дел фактически являлся компиляцией поступивших из Ставки записок¹⁴⁸. Реакции Министерства внутренних дел не последовало, и проект военных властей остался только на бумаге¹⁴⁹.

В.Н. Клембовский предпринял шаги и к побуждению своих коллег в Главном управлении Генштаба к созданию специальной комиссии по выработке новых инструкций по контрразведке, а также программ обучения будущих сотрудников КРО¹⁵⁰. В ГУ ГШ он нашел поддержку и понимание. Более того, в отделе генерал-квартирмейстера предложили комиссионно разработать такие базовые документы, как положение о контрразведке на театре военных действий и аналогичное — тыловых военных округов. О своих намерениях руководство ГУ ГШ проинформировало военного министра и настаивало на скорейшем утверждении им решения о формировании комиссии¹⁵¹.

Предполагалось, что в основу системообразующих документов будут положены следующие положения:

1) Организация высшего руководства и объединение разведывательной и контрразведывательной служб в Главном управлении Генштаба и в Ставке ВГ в лице опытных обер-офицеров.

2) Комплектование должностей начальников контрразведывательных отделений всех уровней исключительно офицерами, причисленными к Генеральному штабу либо имеющими высшее юридическое (военное или гражданское) образование. Устранение всех сотрудников, ранее служивших в Отдельном корпусе жандармов, органах политической и криминальной полиции, и воспреещение зачисления в штат КРО указанной категории офицеров и младших чинов в будущем.

3) Учреждение при ГУ ГШ специальных курсов для офицеров и чиновников КРО, а при штабах фронтов — курсов для наблюдательных агентов и агентов наружного наблюдения.

4) Разработка единообразных штатов для одноуровневых КРО и ставок денежного содержания сотрудников, поскольку ранее эти вопросы были в компетенции штабов армий фронтов и военных округов, что приводило к серьезным трудностям при комп-

лектовании КРО и препятствовало перемещениям офицеров и вольнонаемных служащих.

Одновременно с подготовкой базовых документов планировалось разработать положение о «ликвидации» (реализации) дел по шпионажу, а также инструкций по контрразведывательной службе, регистрации и денежной отчетности¹⁵².

Как указано выше, новую нормативную базу по вопросам организационного строительства и практической деятельности в борьбе со шпионажем должна была создать специальная комиссия. Председателем ее назначался генерал-квартирмейстер ГУ ГШ генерал Н.М. Потапов. В состав комиссии включались по одному представителю от ГУ ГШ, Министерства внутренних дел, Морского Генштаба и штабов действующих армий¹⁵³.

Комиссия начала свою работу 7 апреля 1917 года¹⁵⁴. К этому времени проекты всех необходимых документов уже имелись, и предстояло их обсудить по-статейно. Поскольку серьезных изменений никто из присутствовавших на заседаниях не внес, то с незначительными поправками проекты и были единогласно приняты.

23 апреля 1917 года помощник военного министра генерал Новицкий утвердил «Временное положение о контрразведывательной службе во внутреннем районе»¹⁵⁵. Согласно этому документу задача контрразведывательных органов заключалась «исключительно в обнаружении и обследовании неприятельских шпионов, а также лиц, которые своей деятельностью могут благоприятствовать или фактически благоприятствуют неприятелю в его враждебных действиях против России и союзных с нею государств»¹⁵⁶.

Как видим, формулировка основной задачи существенно отличается от той, что была указана в «Наставлении по контрразведке в военное время», принятом в 1915 году. Кроме шпионов, определение которых дано в примечании к параграфу первому «Временного положения», объектом деятельности контр-

разведывательных органов становился довольно неопределенный круг лиц, поскольку понятие «благоприятствовать» могло трактоваться практиками с огромным числом вариаций.

На данное обстоятельство обращают внимание все авторы, исследующие деятельность российских спецслужб в период деятельности Временного правительства. Однако оценивается это по-разному. Так, например, Л.С. Яковлев указывает, что «такая широкая формулировка... предоставляла органам контрразведки широкие права по применению репрессий к негодным ей лицам»¹⁵⁷. Еще более определенно высказался Б.Н. Венедиктов. По его мнению, вторая половина формулировки «отражала стремление диктатуры буржуазии использовать контрразведывательную службу для подавления деятельности большевиков в русской армии»¹⁵⁸. Понятно, что приведенные оценки давались в конкретной исторической обстановке и соответствовали общим идеологическим установкам тех лет.

Безусловно, большевики и их сторонники, призывавшие превратить империалистическую войну в гражданскую и повернуть штыки против собственного правительства, не могли не находиться в поле зрения спецслужб. Однако сводить значение словосочетания «благоприятствование неприятелю» только к пропагандистской работе членов ленинской партии в войсках представляется поверхностным. Высшее командование серьезно беспокоили такие явления, как националистические проявления и сепаратизм, пацифизм, пропаганда сепаратного мира с Германией. Тревогу вызывали участвовавшие факты саботажа в сфере снабжения действующих армий всем необходимым для успешного ведения боевых действий, крупные хищения.

Нельзя забывать, что «Временное положение» разрабатывалось в период интенсивной подготовки русской армии к широкомасштабному наступлению, в соответствии с решениями союзнических конферен-

ций в Шантальи и Петрограде, на которых удалось разработать общий стратегический план кампании 1917 года¹⁵⁹. Вопрос о наступлении являлся не только военно-стратегическим, но во многом и политическим. Расчет его организаторов сводился к следующему: в случае успеха наступление позволило бы укрепить власть Временного правительства и отвлечь массы от участия в решении острых внутривнутриполитических проблем, а также принять решительные меры относительно тех, кто выступал против «войны до победного конца». Все это способствовало бы упрочению существовавшей власти.

Чтобы укрепить боеспособность армии и флота, генералитет не мог не использовать и контрразведку. Кроме того, и контрразведчики, и их руководители в военных штабах отдавали себе отчет в том, что после ликвидации жандармских управлений и охранных отделений вести борьбу с леворадикальными партиями, дезорганизующими работу оборонных предприятий, транспорта, связи, разлагающими фронтовые и тыловые армейские части, а также с националистами и сепаратистами некому.

Армия стала ареной острой политической борьбы, которая вела к серьезным негативным последствиям. В телеграмме, направленной Верховным главнокомандующим генералом М.В. Алексеевым 21 мая 1917 года в адрес Временного правительства, констатировалось: «Нужны власть, сила, принуждение, страх наказания. Без этого армия существовать при своем данном составе не может... войско стало грозным не врагу, а Отечеству»¹⁶⁰.

По нашему мнению, вышеизложенные причины в комплексе, а не одна из них, явились основанием к расширению формулировки основной задачи контрразведывательных органов.

В той же редакции, что и во «Временном положении о контрразведывательной службе во внутреннем районе», задача КРО изложена и в аналогичном документе для театра военных действий¹⁶¹.

Таким образом, можно утверждать о намерении составителей указанных документов и тех, кто утверждал «Временное положение», трансформировать контрразведку в орган безопасности при сохранении за ним в качестве основной функции борьбы с военной разведкой противника. Причем этот орган должен был действовать не только и даже не столько в войсках, а выявлять благоприятствующих неприятелю лиц на всей территории страны. В период войны, а тем более при отсутствии специальных органов по обеспечению внутренней безопасности в системе Министерства внутренних дел такое использование контрразведки являлось наиболее рациональным и эффективным.

В соответствии с «Временным положением» для тыловых районов изменялось организационное построение органов контрразведки. За начальниками штабов и генерал-квартирмейстерами сохранялось общее руководство службой. Однако в ГУ ГШ вводилась должность обер-квартирмейстера, отвечающего за работу разведки и контрразведки. Один из помощников его являлся начальником вновь образуемой контрразведывательной части (КРЧ), состоявшей в свою очередь из Центрального КРО (ЦКРО) и Центрального регистрационного бюро (ЦБ)¹⁶².

В специальных разделах «Временного положения» определялись должностной статус, круг прав и обязанностей как обер-квартирмейстера ГУ ГШ, так и начальников КРЧ, ЦКРО и ЦБ.

Так, начальник контрразведывательной части ГУ ГШ, непосредственно подчиненный обер-квартирмейстеру, обязан был разрабатывать по указаниям последнего все организационные и штатные вопросы не только для КРЧ ГУ ГШ, но и для КРО тыловых военных округов, инспектировать местные контрразведывательные аппараты и контролировать их отчетность. На начальника КРЧ возлагалась и организация работы по наиболее важным шпионским де-

лам, возникшим как в Петрограде, так и в окружных КРО¹⁶³.

Руководитель Центрального КРО отвечал за ведение внешней контрразведки, разработку иностранных дипломатических и иных миссий, контрразведывательное обеспечение центральных военных и государственных учреждений¹⁶⁴.

Центральное бюро являлось информационно-аналитическим и справочным центром для всех органов контрразведки в России. Здесь же сосредоточивалась работа по составлению кодов, способов тайнописи и ведению архива. В состав ЦБ входила фотолaborатория и группы проведения экспертиз.

Все отмеченное выше позволяет сделать вывод, что в виде КРЧ ГУ ГШ впервые был создан центральный аппарат контрразведки, а сама система приобрела более стройный характер. Органы контрразведки получили статус самостоятельных подразделений и в Главном управлении Генштаба, и в окружных штабах. Они были выведены из подчинения разведывательных отделений и приравнены к ним.

В то же время местные КРО приобретали двойную подчиненность, поскольку сохранялась зависимость от генерал-квартирмейстеров штабов военных округов прежде всего в плане назначения начальников, контроля работы и финансирования. Однако полностью игнорировать мнение обер-квартирмейстера ГУ ГШ и его помощника по КРЧ начальникам штабов и округов становилось практически невозможным, поскольку согласно «Временному положению» по линии контрразведки они непосредственно подчинялись центру¹⁶⁵.

В качестве приложения к базовому документу было подготовлено штатное расписание контрразведывательного аппарата ГУ ГШ и соответствующих органов в штабах тыловых округов. КРЧ ГУ ГШ состояла из 76 сотрудников, включая 10 наблюдательных агентов и столько же агентов наружного наблюдения¹⁶⁶.

Организационные и штатные компоненты «Временного положения о контрразведывательной службе во внутреннем районе» с незначительными изменениями, продиктованными фронтовой обстановкой, воспроизведены в аналогичном документе для театра военных действий¹⁶⁷. Здесь также учреждался руководящий орган: контрразведывательная часть (КРЧ) штаба Верховного главнокомандующего и входящее в нее КРО. Начальник КРЧ непосредственно подчинялся 2-му генерал-квартирмейстеру Ставки¹⁶⁸, должность которого вновь вводилась согласно «Временному положению». Однако назначение начальника КРЧ и КРО осталось прерогативой начальника штаба ВГ¹⁶⁹. 2-й генерал-квартирмейстер полностью сосредоточивался на разведке и контрразведке. Несомненно, это было шагом вперед к построению целостной системы во главе с компетентным и не обремененным другими проблемами штабной работы руководителем.

Согласно третьему параграфу «Временного положения», по указаниям 2-го генквара начальник КРЧ разрабатывал все вопросы организационного характера, сметные предложения всех органов контрразведки на ТВД. Он же ведал подбором руководящих кадров КРО фронтов, армий и военных округов на театре военных действий, осуществлял инспектирование местных аппаратов и разрабатывал общие меры по борьбе со шпионажем.

До революции в КРО Ставки имелось свое регистрационное и информационно-справочное подразделение. Теперь же оно не предусматривалось. Следует рассматривать данный факт как осознание контрразведчиками необходимости сосредоточения всех учетов о лицах, подозреваемых в шпионаже и фактах подрывной деятельности противника, в едином органе.

Определяя КРЧ штаба ВГ в качестве головного органа на всем ТВД, Верховный главнокомандующий, утвердивший «Временное положение», не обес-

печил выполнение данной задачи необходимым кадровым потенциалом. Как справедливо замечено исследователями истории отечественной контрразведки, при штате КРЧ, состоящем из двух офицеров и такого же числа служащих, говорить о реальном и эффективном управлении аппаратами КРО пяти фронтов говорить не приходится¹⁷⁰.

В таких условиях многое зависело от личных качеств руководителей контрразведки действующей армии. Должность 2-го генерал-квартирмейстера Ставки в период Временного правительства занимали генералы В.И. Марков и В.Е. Скалон. Они всемерно поддерживали инициативного и профессионально подготовленного начальника КРЧ Генерального штаба полковника Н.В. Терехова¹⁷¹.

В апреле 1917 года он был командирован из Ставки в ГУ ГШ для участия в работе комиссии по подготовке основополагающих нормативных документов контрразведки и активно отстаивал интересы действующей армии. Возвратившись в Ставку, Терехов организовал опрос начальников фронтовых и армейских органов относительно «Временного положения», предполагая подготовить предложения по его совершенствованию. В частности, выяснилось, что желательно усилить вертикальную подчиненность КРО. Армейские генерал-квартирмейстеры, руководящие их работой, в условиях реформирования контрразведки и почти полной замене ее личного состава, будучи загруженными к тому же вопросами подготовки и проведения боевых операций, не имели возможности вникать в повседневную деятельность КРО. «Редкий генквар, — говорилось в одном из ответов, — знаком по своей предыдущей службе с контрразведкой. Вместе с тем он является главным ответственным лицом»¹⁷².

Второй вопрос, волновавший контрразведчиков, — это кадровый состав.

Дело в том, что «Временные положения» (как для ТВД, так и для внутреннего района) содержали спе-

циальное указание на необходимость назначать на должности начальников КРО и их помощников только офицеров Генерального штаба либо лиц, имеющих высшее юридическое образование. Причем указанные категории руководителей должны были окончить специальные курсы по контрразведывательной службе¹⁷³. Разработчики нормативной базы посчитали необходимым по политическим соображениям еще раз указать, что даже чинами для поручений и наблюдателями не могут быть те, кто ранее служил в органах политического розыска.

Поставленная начальником штаба ВГ задача укомплектовать должности начальников КРО к 5 мая 1917 года оказалась совершенно нереальной для армейского и фронтового начальства. Иного и не следовало ожидать. Еще в конце марта начальник ГУ ГШ обратился в Главное военно-судное управление (ГВСУ) с просьбой выделить 20 офицеров для последующего, после прохождения специальных курсов, назначения начальниками КРО. Генерал П.И. Аверьянов мотивировал свою просьбу следующим образом: «При этом считаю своим долгом подтвердить, что только привлечением военных юристов к руководству деятельностью КРО возможно реорганизовать контрразведывательные отделения на началах, отвечающих теперешнему нашему государственному строю»¹⁷⁴. Однако в ГВСУ не сочли возможным выделить даже одного офицера, о чем и уведомили ГУ ГШ¹⁷⁵.

Аналогичная обстановка с кадрами сложилась и на фронте. Оказалось, что военных юристов действительно не хватало и, самое главное, их денежное содержание значительно превышало получаемое контрразведчиками¹⁷⁶. Поэтому желающих почти не находилось. Штаб Западного фронта доложил в Ставку, что за апрель так и не удалось подобрать военного юриста на должность начальника КРО¹⁷⁷.

Не лучше обстояло дело и с гражданскими юристами, призванными в армию по мобилизации. Даже опытные следователи из их числа не поднимались в

звании выше прапорщика и не знали в достаточной степени военное дело¹⁷⁸.

Указанные обстоятельства заставляли фронтовые и армейские штабы просить об увеличении срока, отведенного на реорганизацию КРО и их укомплектование, и даже об оставлении на службе некоторых жандармских офицеров¹⁷⁹.

Полностью укомплектовать руководящий состав КРО в действующей армии и в тыловых округах в соответствии с предъявляемыми требованиями удалось лишь к концу августа 1917 года.

Огромное значение для укомплектования КРО имел приказ Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова от 25 августа, в соответствии с которым вольнонаемные сотрудники отделений получили статус государственных служащих, что положительно сказалось на их денежном довольствии. Приказ давал им определенные материальные гарантии, в том числе по пенсионному обеспечению¹⁸⁰. Этим же приказом были созданы штатные контрразведывательные пункты (КРП) в корпусах, а их начальники одновременно являлись помощниками руководителей КРО штаба армии. Штаты КРП приравнивались к армейским¹⁸¹.

Генерал-квартирмейстер ГУ ГШ Н.М. Потапов доложил военному министру, что к указанному времени во всех органах контрразведки закончен процесс реорганизации, осуществлено два выпуска специальных курсов при ГУ ГШ, изданы необходимые инструкции и можно считать аппараты КРО окончательно сформированными как на ТВД, так и во внутренних округах¹⁸². При этом он указывал на почти полное увольнение контрразведчиков царского времени. Одновременно Н.М. Потапов просил разрешения на увеличение штатов, объясняя это возросшим объемом работы. А.Ф. Керенский согласился с предложением ГУ ГШ, и к декабрю 1917 года количество сотрудников КРО возросло в среднем на 15–20 процентов¹⁸³. Это позволило, наряду с предусмотренны-

ми «Временным положением» контрразведывательными пунктами в армейских корпусах, создать и укомплектовать КРП в стратегически важных городах и населенных пунктах.

Увеличение количества подчиненных органов и личного состава приводило к необходимости укрепления влияния КРЧ Ставки, согласованности действий, скорейшего разрешения возникающих практических вопросов. По инициативе начальника КРЧ Н.В. Терехова впервые с начала войны было созвано совещание начальников КРО фронтов и военных округов на театре военных действий. Оно проходило с 1 по 14 октября 1917 года в штабе Верховного главнокомандующего¹⁸⁴. Чтобы придать большее значение совещанию и весомость его решениям, участники конституировали его как «съезд». Н.В. Терехов и его сотрудники подготовили для рассмотрения пятнадцать проектов различных документов. Они были разделены на 3 группы: а) подлежащие утверждению Временным правительством; б) требующие санкции Верховного главнокомандующего; в) объявляемые приказом начальника штаба ВГ.

К первой группе относилось новое «Положение о правах и обязанностях чинов сухопутной и морской контрразведки по производству расследований»¹⁸⁵, представлявшее собой усовершенствованный вариант уже действовавшего Положения. Предлагалось, в частности, дать начальникам КРО и их помощникам право осуществлять все следственные действия наравне со следственно-прокурорскими работниками.

Следующими по значимости являлись проекты видоизмененного и дополненного «Положения о контрразведывательной службе на ТВД», штатного расписания для всех КРО действующей армии, инструкций по оперативной работе (по производству розыска, наружному наблюдению, проведению обысков и арестов и др.). Участники совещания разработали правила въезда во фронтную зону и выезда из нее, меры по охране заводов, работающих на оборо-

ну, а также по усилению контроля за военнопленными. Ряд более мелких вопросов был изложен в так называемых «Приложениях»¹⁸⁶.

Начальники КРО единогласно поддержали идею периодического созыва съездов и совершенствования внутренней структуры отделений. В частности, для усиления руководства и оказания практической помощи нижестоящим органам предлагалось увеличить штат контрразведывательной части Ставки и создать КРЧ в штабах фронтов¹⁸⁷.

Необходимо отметить, что именно в материалах съезда мы впервые встречаем применительно к КРЧ термин «руководящий орган»¹⁸⁸. Таким образом, речь шла уже не об одном начальнике того или иного уровня, а об управляющем одной из отраслей военного дела центре, хотя бы на ТВД, а не в масштабе всей страны.

Усиление централизации контрразведки просматривается и в докладной записке по итогам съезда, представленной начальнику штаба ВГ. Эта мысль нашла свое отражение в конкретном предложении о введении по соглашению с Министерством юстиции должностей следователей, специализирующихся на делах о шпионаже и государственной измене, и прикреплении их к органам контрразведки штабов фронтов и отдельных армий¹⁸⁹. Все материалы по наиболее серьезным предварительным расследованиям предполагалось передавать из нижестоящих КРО указанным следователям.

Начальник КРЧ штаба Ставки Н.В. Терехов еще до съезда предлагал прикрепить к его аппарату следователя по особо важным делам, который бы контролировал действия указанных выше следователей, а также следил за «единообразной работой всех КРО по директивам и указаниям центральных органов контрразведки...»¹⁹⁰.

Выше мы показали, какие организационные и кадровые изменения произошли с военной контрразведкой с февраля по октябрь 1917 года. Практи-

чески весь этот период высшие представители армейского командования и сами контрразведчики пытались убедить общественность в том, что она не имеет никакого отношения к органам политического розыска, а занимается исключительно борьбой со шпионажем противника. Заявления об этом от имени Генерального штаба не раз помещались в газетах в виде воззваний за подписью А.И. Гучкова и А.Ф. Керенского, распечатывались в тысячах экземпляров и расклеивались на улицах и в казармах. Генерал-квартирмейстер ГУ ГШ генерал Н.М. Потапов, осуществлявший общее руководство контрразведкой в центре и в округах, даже вступил в контакт с Всероссийским центральным бюро военных организаций РСДРП(б) и стремился доказать его представителям, что его подчиненные выступают против курса на политизацию и не причастны к преследованиям большевиков¹⁹¹. Основной задачей военных властей являлось не допустить полного развала контрразведки в условиях ведения войны.

Учитывая последующую службу Н.М. Потапова в Красной Армии, можно говорить о его личном искреннем стремлении сосредоточить усилия аппаратов КРО только на борьбе со шпионажем. В разработанных под его непосредственным руководством и контролем «Временных положениях» о контрразведывательной службе на ТВД и во внутреннем районе прямо указывалось: «Расследование всякого рода иной преступной деятельности (кроме шпионажа. — А.З.) в задачу контрразведывательной службы не входит»¹⁹². Что же касается высшего генералитета и некоторых начальников КРО, особенно в Петрограде, то они придерживались иных взглядов и желали фактического преобразования контрразведки в орган безопасности.

В одном из циркуляров Ставки ВГ говорилось: «Политика в круг ведения контрразведывательной службы не входит. Однако руководящие политические центры и вожаки, а также и более мелкие

исполнители в случае подозрительных действий или тенденций, дающих основание подозревать в их деятельности руководство и снабжение денежными средствами из враждебных нам стран, подлежат безусловному обследованию... Необходимо обратить внимание на деятельность наиболее активных и крайних агитаторов в "больных" частях войск, будь то солдаты или офицеры»¹⁹³.

Главное управление Генштаба в директиве штабам военных округов обращало внимание на стремление отдельных КРО ограничиться только борьбой с немецким шпионажем. Указывалось, что они не прилагают должных усилий к выявлению и пресечению контрабанды, пацифистской, националистической и враждебной политической пропаганды, предотвращению взрывов заводов¹⁹⁴.

Однако надо отметить, что подобные указания стали появляться лишь после июльских событий в Петрограде. До этого времени КРО находились в активной стадии реорганизации, замены личного состава и не смогли бы реализовать указания высших штабов.

Иначе обстояло дело в Петрограде.

По инициативе вновь назначенного начальником КРО штаба Петроградского военного округа капитана В.В. Никитина прокурор столичной судебной палаты П.Н. Переверзев в середине марта 1917 года представил министру юстиции А.Ф. Керенскому доклад о необходимости скорейшего восстановления контрразведки округа. Позднее Переверзев вспоминал, что «в силу общего положения вещей и главным образом ввиду настроения демократических кругов, недоверчиво относившихся к учреждениям подобного рода, фактическим главою контрразведки было предложено стать мне. Подполковник Никитин... каждую ночь являлся ко мне с докладом»¹⁹⁵. Будучи назначен министром юстиции Временного правительства, Переверзев фактически сохранил ранее сложившееся положение.

Руководитель КРО Петроградского военного округа Никитин расходился по принципиальным вопросам с генерал-квартирмейстером ГУ ГШ Потаповым и считал необходимым активно вести работу против большевиков, расценивая их действия как способствующие подрыву боеспособности русской армии. Следует отметить, что, будучи участником комиссии по выработке «Временного положения о контрразведывательной службе», он был одним из тех, кто настаивал на расширительном толковании основной задачи контрразведки, что, несомненно, привело к политизации ее деятельности.

При поддержке Переверзева он не просто возродил аппарат КРО столичного военного округа, но и в отличие от дореволюционного времени почти на порядок увеличил его штатную численность, доведя ее почти до 170 человек. Позднее Никитин писал, что превратил отделение в целый департамент¹⁹⁶. Для сравнения можно отметить, что штат КРО фронтового штаба до мая 1917 года составлял всего 48 единиц¹⁹⁷.

В обход контрразведывательной части ГУ ГШ Никитин установил прямые контакты с представителями спецслужб союзников России по Антанте и в тесном взаимодействии с ними направил основные усилия на разработку большевиков.

По оценке Переверзева, деятельность КРО штаба Петроградского военного округа и, в частности, доведение некоторых материалов, добытых на сторонников В.И. Ленина, якобы причастных к операциям германской разведки, до представителей воинских частей петроградского гарнизона, использование отделением возможностей прессы в дни июльского выступления большевиков позволило Временному правительству удержаться у власти¹⁹⁸.

В соответствии с решаемыми задачами внутренняя структура КРО штаба Петроградского военного округа подверглась реорганизации. Были созданы шесть делопроизводств (отделений), возглавляемых помощниками начальника КРО. Первое и третье де-

лопроизводства занимались исключительно разработкой политических дел¹⁹⁹.

В начале мая 1917 года Переверзев сменил Керенского на посту министра юстиции и при его поддержке предпринял вскоре меры к созданию еще одного аппарата тайной борьбы. Временное правительство на своем заседании 15 июня 1917 года постановило отпустить из государственной казны на организацию в Министерстве юстиции «секретного наблюдения за враждебной деятельностью агентов находящихся в войне с Россией стран»²⁰⁰. Эти средства составляли сто тысяч рублей, что более чем в два раза превышало кредит, выданный военными на содержание КРО штаба Петроградского округа²⁰¹. Новая структура получила наименование «Отдела контрразведки» (ОКР Министерства юстиции). Министр юстиции 3 июля 1917 года утвердил положение об указанном отделе. Его задачи определялись следующим образом: 1) борьба со шпионажем воюющих с Россией держав; 2) борьба с попытками насильственного восстановления старого строя.

Таким образом, впервые в истории России была предпринята попытка создать спецслужбу вне военного ведомства, соединяющую в себе функции контрразведки и политической полиции. Фактически речь шла о том, что эта служба под прикрытием контрразведки выявляла бы нелояльные Временному правительству элементы, в том числе в среде военных, включая и генералитет.

В Главном управлении Генерального штаба поначалу отнеслись к инициативе Переверзева нейтрально. На присланном в ГУ ГШ Положении об ОКР Министерства юстиции куратор военной контрразведки полковник М.Ф. Раевский наложил следующую резолюцию: «Возражений с нашей стороны быть не может, ибо политический розыск... и должен был брать на себя Министр юстиции»²⁰². Давая абсолютно верную оценку задач вновь созданного органа, Раевский не возразил относительно использования им

названия «контрразведка», что вскоре привело к всплеску недоверия к КРО в действующей армии и тыловых округах.

Положение об ОКР Министерства юстиции предусматривало подчинение его непосредственно министру, который и назначал всех ответственных руководителей отдела, давал руководящие указания и контролировал их выполнение. По линии контрразведки отдел должен был тесно взаимодействовать с соответствующими подразделениями Военного и Морского министерств, а по линии защиты государственного строя — с Министерством внутренних дел и его местными органами. Для осуществления своих задач ОКР мог при необходимости учреждать свои территориальные органы, которым обеспечивалось полное содействие местных отделений армейской и флотской контрразведки, а также прокурорских работников²⁰³. Предусматривалась возможность создания строго централизованной структуры, напрямую подчиненной министру юстиции через Отдел контрразведки. Фактически на новом витке исторического развития материализовалась схема построения системы органов царской секретной полиции. Переверзев своим решением даже предоставил Отделу контрразведки право производства всех следственных действий, включая и аресты подозреваемых лиц, чего до мая 1917 года были лишены военные контрразведчики.

Исходя из соображений политической целесообразности, министр юстиции фактически превысил свои полномочия и вторгся в сферу компетенции военных властей, хотя и ссылался в служебном письме в ГУ ГШ о создании ОКР Министерства юстиции на одобрение своего решения Временным правительством²⁰⁴.

Как мы уже отмечали, Переверзева поддержал прежде всего Керенский, предложивший назначить начальником отдела мало кому известного Н.Д. Миронова. Их связывали давние и довольно близкие

отношения. В своих мемуарах Керенский приводит некоторые сведения об этой забытой даже историками личности.

Во время первой русской революции доцент Московского университета, преподаватель санскрита Миронов создает эсеровскую группу под громким названием «Организация вооруженного восстания» с печатным органом в виде бюллетеня «Буревестник». Одним из первых Миронов пригласил печататься в бюллетене Керенского, фактически приобщив его таким образом к революционной деятельности²⁰⁵. «Буревестник» вскоре стал одним из ведущих изданий партии социалистов-революционеров, но сам Миронов так и не выбился в эсеровские лидеры. В апреле 1917 года он возвратился в Россию из эмиграции и не преминул обратиться по вопросу о «трудоустройстве» к Керенскому, тогда министру юстиции. Насколько известно, Миронов имел отношение к небольшой группе людей, которые занимались разбором дел петербургского охранного отделения и составили позднее костяк Отдела контрразведки Министерства юстиции.

Неофициальный руководитель всей контрразведки в Петрограде Переверзев приказал начальнику КРО штаба округа Никитину провести краткое обучение личного состава ОКР Министерства юстиции методам тайной работы и особенностям расследования дел по шпионажу. Политический розыск под флагом контрразведки начал действовать.

Летом 1917 года в ОКР Министерства юстиции разрабатывали материалы о заговоре в Ставке ВГ и Генштабе, о возможной шпионской деятельности известного эсера Виктора Чернова и его сподвижника Марка Натансона, приверженца военной диктатуры адъютанта генерала Л. Г. Корнилова нефтяного дельца В. С. Завойко, создавших монархическую офицерскую группу²⁰⁶.

После июльских событий в Петрограде и ухода Переверзева с поста министра юстиции Керенский,

будучи недоволен работой Никитина, снял последнего с должности начальника КРО штаба Петроградского военного округа. Его заместителю М.Н. Лебедеву, юристу по образованию, работавшему в контрразведке с начала мировой войны, главнокомандующий округом генерал Василевский однозначно дал понять, что повышения по службе ему ожидать не стоит. По указанию свыше начальником КРО 27 июля стал Миронов²⁰⁷. Он совмещал эту должность с руководством Отдела контрразведки Министерства юстиции. Таким образом, Керенский сосредоточил почти все контрразведывательные органы в столице в одних руках. Исключение составляла лишь соответствующая военно-морская служба и немногочисленное подразделение ГУ ГЩ.

Особое внимание уделялось Мироновым изучению окружения Верховного главнокомандующего Корнилова и тайной военно-политической группы из числа членов легально действовавшего в Ставке Союза офицеров армии и флота.

Накануне корниловского выступления вместе с военным министром Б.В. Савинковым Миронов прибыл в Ставку для производства ареста наиболее видных членов заговорщической группы. Но в Могилеве, где располагалась Ставка, полномочия Миронова и его указания никто не воспринимал как обязательные к исполнению. Больше того, генерал Корнилов заявил Савинкову при конфиденциальной беседе, что если Миронов приступит к арестам, то сам будет немедленно расстрелян²⁰⁸.

Сам Керенский в показаниях следственной комиссии по делу Корнилова счел за благо откреститься от своего «фаворита контрразведки», заявив, что не только не давал ему указания провести аресты в Ставке, но и вообще не знал о его поездке. Вместе с тем Керенский подтвердил, что, минуя командование округа и даже военного министра Савинкова, лично давал Миронову указания о разработке тех или иных лиц²⁰⁹.

Вместе с падением авторитета Керенского и способностью его держать ситуацию под контролем снижалась и дееспособность «карманной» контрразведки во главе с Мироновым. Когда очередным министром юстиции стал А.А. Демьянов, он по совету своего предшественника А.С. Зарудного решил ликвидировать ОКР. Демьянов позднее вспоминал: «Я убедился, что незаконность существования контрразведки была настолько ясна, что, не уничтожив ее, впоследствии нельзя было бы разделаться с запросами парламента по поводу ее существования»²¹⁰.

Как видим, нового министра юстиции волновала в основном возможная критика со стороны выборного законодательного органа и своих политических единомышленников, которые и вели кампанию по уничтожению политической полиции в первые после февраля месяцы.

21 сентября 1917 года на заседании «Совета пяти», куда входили министры: военный — генерал А.И. Верховский, морской — адмирал Д.Н. Вердеревский, внутренних дел — С.Н. Салтыков, иностранных дел — М.И. Терещенко и юстиции — Демьянов, последний выступил с докладом «О политической контрразведке Минюста» и высказался за ее упразднение. После детального обсуждения большинство «Совета пяти» поддержало план Демьянова. Все дела, связанные со шпионажем, передавались исключительно в военное ведомство. Одновременно Министерству внутренних дел поручалось разработать подробный проект реорганизации уголовного розыска с тем, чтобы ему были подведомственны и «политические преступления, которые носят характер уголовно наказуемых деяний»²¹¹.

В ГУ ГШ только и ждали указанного выше решения. Буквально за несколько дней до совещания военный министр генерал Верховский, не зная о созревшем решении Демьянова, писал ему о необходимости хотя бы изменить название тайной службы Министерства юстиции, поскольку ее репрессивные

действия приписывались органам контрразведки, подчиненным армейским штабам²¹². Генерал-квартирмейстер штаба ВГК даже дал указание в официальных документах вместо термина «контрразведка» употреблять «контршпионаж». А участники съезда начальников КРО действующей армии обратились в Министерство юстиции и Министерство внутренних дел с требованием больше не использовать название КРО для создаваемых подразделений²¹³.

После ликвидации ОКР Министерства юстиции часть его сотрудников перешла на службу в отделение контрразведки штаба Петроградского военного округа, которым, как мы уже говорили, также руководил Миронов. Все дела, находившиеся в производстве ОКР Министерства юстиции, были официально Демьяновым направлены в Главное управление Генштаба²¹⁴.

Чтобы в общественных кругах не сложилось впечатление о еще большей политизации военной контрразведки в связи с передачей ей дел и личного состава упраздненного органа, командование округа, явно не без участия Миронова, опубликовало в прессе специальное заявление. В нем, в частности, указывалось, что ни одно лицо, находившееся когда-либо на службе в политических розыскных органах прежнего строя, в контрразведывательном отделении штаба на службе не состоит, и сотрудники КРО в своей деятельности не допускают возможности пользоваться методами охраны, прежде всего насаждением секретных сотрудников²¹⁵.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что решения Временного правительства, принятые под давлением требований революционных и либеральных лидеров, привели к существенному ослаблению контрразведки. Однако к концу лета 1917 года удалось несколько стабилизировать ситуацию путем легализации КРО, разработки основополагающих документов их организации и деятельности, а также

укрепления личного состава за счет офицеров Генштаба и юристов. В это время начался процесс превращения отечественной контрразведки в систему с единым руководящим центром.

*Эволюция военной контрразведки
после революционного выхода России из войны
(октябрь 1917 — ноябрь 1918 года)*

Победа Октябрьского вооруженного восстания позволила большевистской партии решить главный вопрос любой революции — вопрос о государственной власти. В обращении Военно-революционного комитета (ВРК) ко всем гражданам России говорилось о низвержении Временного правительства и переходе всей полноты власти в руки Петроградского ВРК²¹⁶.

Став правящей партией, большевики взяли на себя ответственность за обеспечение обороны страны и ее безопасности в условиях продолжающейся мировой войны. Однако в соответствии с господствовавшими теоретическими воззрениями они должны были незамедлительно разрушить старую армию как вооруженный оплот власти эксплуататорских классов. Вместе с армией подлежали кардинальному реформированию все органы военного управления.

В отношении к ним большевики выбрали следующий алгоритм действий: установление жесткого контроля во всех звеньях военного руководства; срочное формирование новых аппаратов, организующих оборону страны, и слом старых. Революционная ломка тесно переплелась с революционным экспромтом, причем последний играл во многих случаях решающую роль. Что касается контрразведки, то это было особенно заметно в ноябре 1917 — марте 1918 года.

За предшествующий период войны для военных специалистов любого ранга необходимость контрразведки в вооруженных силах была совершенно очевидной, и вопрос о ней не являлся дискуссионным. Отношение же к органам борьбы со шпионажем со

стороны политических деятелей нового режима, в том числе и направленных на работу в войска и штабы, было иным. Прежде всего они негативно воспринимали офицеров Генштаба, а именно их в период Временного правительства и привлекали к руководству контрразведывательными отделениями всех уровней, и это официально было закреплено в тексте «Временного положения о контрразведывательной службе во внутреннем районе» и аналогичном документе на ТВД. Кроме того, в большевистских кругах существовало небеспочвенное мнение, что контрразведка выполняла функции политической полиции в стране и непосредственно участвовала в преследовании партийных деятелей, обвиняя их в сотрудничестве с германской разведкой.

Один из видных деятелей РСДРП(б), заместитель наркома юстиции П.И. Стучка писал в феврале 1918 года в газете «Правда» о своем крайне негативном отношении к органам борьбы со шпионажем, находя, что они при Керенском стали фактически преемниками бывших охранных отделений²¹⁷.

Поскольку обвинения в гонениях большевики адресовали в основном контрразведке Главного управления Генерального штаба, то перспективы ее полного уничтожения уже в первые послеоктябрьские дни были очевидны.

Такое развитие событий удалось предотвратить только благодаря генерал-квартирмейстеру Генштаба Н.М. Потапову. В журнале совещания начальников главных управлений Военного министерства от 23 ноября 1917 года зафиксировано, что еще в августе-сентябре Н.М. Потапову стало известно о «большом возбуждении среди большевистской части Петроградского Совета против отдела генерал-квартирмейстера Генштаба, в частности, против цензуры и контрразведки, которые занимаются политическим сыском»²¹⁸. В своих воспоминаниях генерал привел свидетельства о контактах в период Временного правительства с тогдашним председателем Все-

российского центрального бюро военных организаций РСДРП(б) Н.И. Подвойским и его сотрудником М.С. Кедровым. Представитель генштаба смог убедить большевиков в том, что подчиненные ему контрразведывательные органы в политику не вмешиваются, а заняты исключительно борьбой со шпионажем²¹⁹.

Многие служащие Военного министерства отказались сотрудничать с советской властью, и 19 ноября 1917 года Совет Народных Комиссаров принял постановление об аресте руководителей ведомства. Началась решительная чистка аппарата управления армией.

Чтобы оградить контрразведку от ретивых исполнителей воли Наркомата по военным делам, заведующий Центральным бюро ГУ ГШ А.А. Чернявский 19 декабря 1917 года представил в новый орган управления вооруженными силами подробную докладную записку о значении контрразведки для государства и ее задачах²²⁰. Особое внимание он обратил на центральные органы в области борьбы со шпионажем, основным содержанием деятельности которых является выработка в сотрудничестве с другими учреждениями общих мер противодействия иностранным разведкам и руководство практической работой контрразведывательных отделений штабов военных округов. Заведующий ЦБ констатировал, что в тылу значительно труднее вскрыть агентуру врага, чем на фронте, а поэтому он рекомендовал Наркомвоену обратить внимание на проведенное резкое сокращение штатов КРО и необходимость исправить положение.

Зная о подготовке к заключению мира с Германией, А.А. Чернявский отметил, что если в период войны наиболее активная роль выпадает на долю контрразведывательных органов действующей армии, то в мирное время центр тяжести переместится в штабы округов, где работа должна вестись с полной интенсивностью, объединяться и направляться центральным учреждением (ГУ ГШ), где сосредоточиваются «все нити, все материалы, весь опыт и вся система

этой важнейшей... деятельности»²²¹. Ведущий аналитик контрразведки Генштаба, не жалея эпитетов, преподносил ее как неотъемлемую и исключительно важную отрасль военного дела, о чем, по его мнению, не следовало забывать реформаторам из Наркомвоена.

Докладная записка А.А. Чернявского пришлась явно ко времени, так как назначенный Наркомвоенном комиссар головных контрразведывательных аппаратов (ЦКРО и ЦБ ГУ ГШ) М.В. Михайлов²²² видел свою первоочередную задачу в очищении подведомственных органов от контрреволюционных элементов и в сокращении штатов²²³.

Почти одновременно с докладной запиской А.А. Чернявского в Генштаб поступило обращение начальника КРО штаба Петроградского военного округа А.А. Сурнина, предлагавшего заменить название «контрразведка», поскольку аббревиатура «КР» воспринималась представителями новой власти и обывателями как «контрреволюционер»²²⁴. На этом основании сотрудников КРО штаба Петроградского военного округа неоднократно задерживали, им отказывалось в оказании помощи.

Соответствующее распоряжение ГУ ГШ последовало незамедлительно, поскольку речь шла и о выживании Центрального КРО и Центрального бюро. Начальник ГУ ГШ генерал Г.М. Гиссер направил циркулярную телеграмму во все штабы внутренних округов с уведомлением, что с 1 января 1918 года «наименование контрразведывательная служба заменяется наименованием служба военного контроля»²²⁵. Каких-либо штатных изменений не предполагалось.

В течение января—февраля 1918 года руководителям службы военного контроля ГУ ГШ удавалось сдерживать напор реформаторов и сохранять 60—70 штатных сотрудников в ЦБ и отделении ВК. Однако реорганизации подлежало все Главное управление Генштаба. Генерал Г.М. Гиссер письменно уведомил авторов проектируемых изменений, что и при царской

власти и в период Временного правительства происходили частичные доработки конструкций аппарата разведки и контрразведки, но с учетом важности вопроса все делалось комиссионно, с привлечением крупных специалистов в данной области. По мнению генерала, так следовало поступить и сейчас, не допуская реализации задуманного проекта, не отвечающего потребностям современной практики управления²²⁶. Но остановить «каток реформаторства» было невозможно. Шел процесс ради процесса, так что никакого практического эффекта, по крайней мере для контрразведки, достигнуто не было.

Последовала серия сокращений штатов и переименований. Несогласные с действиями власти изгонялись из Генштаба или арестовывались. По указанию члена Коллегии Наркомвоена и комиссара по демобилизации М.С. Кедрова аресту подвергся и автор указанной выше докладной записки А.А. Чернявский²²⁷. Руководитель ГУ ГШ генерал Г.М. Гиссер выехал в марте 1918 года в командировку в Швецию и, опасаясь за свою жизнь, не возвратился на родину.

Наркомвоен утвердил новую схему построения контрразведки. Центральное бюро и отделение военного контроля объединялись и одновременно сокращались наполовину. К моменту эвакуации ГУ ГШ в Москву личный состав единого аппарата насчитывал лишь двадцать человек. Сам переезд в новую столицу стал серьезнейшим ударом по контрразведке. Она лишилась прямого руководства навербованными за несколько лет секретными сотрудниками, налаженной системы наружного наблюдения и конспиративных квартир. В Петрограде остались основные объекты обслуживания: дипломатические и иные представительства иностранных государств. Все надо было создавать заново, но финансовых средств на эти цели не отпускалось²²⁸.

В начале мая 1918 года в связи с образованием Всероссийского главного штаба (ВГШ) Главное управление Генштаба прекратило свое существование. Ито-

гом очередной реорганизации стало то, что контрразведка в иерархии штабных органов опустилась на уровень КРО в царской армии. Особое отделение (так стал называться головной контрразведывательный орган) вошло в состав Регистрационной службы. Последняя являлась в свою очередь структурным подразделением Военно-статистического отдела, входившего в состав Оперативного управления ВГШ²²⁹.

Регистрационная служба, напрягая скудные кадровые ресурсы, пыталась организовать наблюдение за различными представительствами Германии и военнопленными в Москве²³⁰. Основное же внимание уделялось подготовке к возможному восстановлению местных отделений контрразведки, ликвидированных 15 апреля 1918 года в связи с упразднением несколько ранее старой системы военного управления и созданием различного уровня территориальных военных комиссариатов²³¹.

Таким образом, можно констатировать, что в результате существенного сокращения штатов и отказа властей финансировать работу генштабовская контрразведка фактически уничтожалась. Это стало реальностью уже в первой половине 1918 года, хотя формально она еще просуществовала до октября.

Однако никаких планов в области создания новых органов борьбы со шпионажем, вне зоны соприкосновения с германскими войсками, у руководства Наркомвоена не существовало. В связи с этим нельзя полностью согласиться с выводом И.И. Васильева, исследовавшего историю создания советской военной контрразведки, о планомерности слома ее предшественницы. Скорее можно говорить о череде спорадических, непродуманных трансформаций, превратившихся в растянутый на несколько месяцев процесс ликвидации данной структуры как в центре, так и на местах.

В одной из своих работ И.И. Васильев утверждал также, что слом старой контрразведки осуществ-

лялся через ее демократизацию²³². С нашей точки зрения представляется неправильным усматривать в демократизации органов по борьбе со шпионажем форму их слома. Демократизация и слом — меры, совершенно различные по своим задачам. Заметим, что демократизация контрразведки осуществлялась еще властями Временного правительства. Известны многочисленные факты создания различных комитетов из числа служащих КРО. В Петрограде, в частности, был создан объединенный комитет всех контрразведывательных аппаратов, дислоцированных в столице²³³. На его заседаниях рассматривались вопросы административно-хозяйственного характера и работы с кадрами.

После Октябрьской революции в КРО всех уровней назначались комиссары. Согласно инструкции, им вменялось в обязанность «реорганизовать старые негодные аппараты на началах самодеятельности и демократизации»²³⁴. Кроме того, они обязывались препятствовать контрреволюционным акциям и принимать необходимые меры по их предотвращению. Комиссары наделялись правом увольнять сотрудников и принимать новых.

Указанные меры по демократизации органов военного управления, и контрразведки в частности, реально проводились в жизнь с первых дней существования новой власти. Что же касается слома контрразведки, то здесь срочности не требовалось, поскольку Россия еще продолжала находиться в состоянии войны с Германией.

Однако поспешность была проявлена не только в отношении контрразведки внутренних округов, но даже к ее структурам в действующей армии. 15 декабря 1917 года исполняющий обязанности главноверха А.Ф. Мясников издал фатальный для существовавших КРО приказ № 986. В нем говорилось: «Военная контрразведка в действующей армии существенно необходима в период боевых действий... В наступивший период перемирия и ведения мир-

ных переговоров органы контрразведки, имея меньшую напряженность работы, могут быть значительно сокращены и упрощены без существенного вреда для дела»²³⁵.

Данное положение приказа никак нельзя отнести к разряду взвешенных, вытекающих из обстановки выводов. Налицо абсолютно волюнтаристское решение не сведушего в деле борьбы со шпионажем и другими видами подрывной деятельности противника человека. От начала переговоров до подписания Брест-Литовского мирного договора пройдет еще более трех месяцев, что в революционных условиях достаточно большой срок, и гарантию отсутствия у немцев желания осуществить наступательные операции тогда не мог дать никто.

Более того, вскоре германское командование отвергло предложение советского главковерха Н.В. Крыленко о прекращении боевых действий на период ведения переговоров и форсировало наступление своих войск на всех операционных направлениях²³⁶. Продвижение германских войск поставило под угрозу само существование советской власти. Немцы захватили Прибалтику, большую часть Украины, Крым, опасность нависла и над Петроградом. «Волею истории, — писал 23 апреля 1918 года В.И. Ленин, — нам пришлось подписать тяжелый мир в Бресте, и мы не скрывали, что этот мир в любую минуту может быть предательски опрокинут... врагами, к активной борьбе с которыми мы приступить в данный момент бес- сильны»²³⁷.

Так оценивал обстановку председатель СНК и вождь большевиков. А те, кто командовал в Ставке, не хотели видеть очевидного. Курс на демобилизацию армии еще не означал с непреложностью ликвидацию контрразведки. Однако в соответствии с указанным выше приказом контрразведывательное отделение Ставки расформировывалось, уничтожались пункты армейских и фронтовых КРО в стратегически важных центрах и на железнодорожных

узлах. Сохранялись лишь немногие пункты КРО военных округов на ТВД.

Штабам предписывалось значительно сократить личный состав всех без исключения подразделений контрразведки²³⁸. В корпусных отделениях оставалось 15 человек, в армейских и фронтовых — по 20 сотрудников, включая работников канцелярии, фотографов, переводчиков, рассыльных и сторожей. Контрразведывательная часть штаверха формально сохранялась, но функции ее сводились к некоторым вопросам обеспечения процесса расформирования других органов.

21 февраля 1918 года Совнарком принял написанный Л.Д. Троцким и В.И. Лениным декрет «Социалистическое отечество в опасности!». На основании декрета вновь вводилась смертная казнь. Расстрелу на месте подлежала большая категория преступников, в том числе «неприятельские агенты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы»²³⁹. Если уголовные элементы и агитаторы открыто проявляли себя и задержать их не стоило труда, то для выявления агентуры военного противника требовался особый орган, располагающий специальными силами и средствами.

Как мы показали ранее, такой аппарат как раз и был основательно подорван действиями, вытекавшими из содержания приказа главковерха № 986 от 15 декабря 1917 года. После публикации декрета должных организационных мер не последовало, что еще раз подтверждает вывод об отсутствии у новых властей, прежде всего у большевистских руководителей армии, какой-либо реалистичной программы по созданию на обломках прежней армейской контрразведки советских органов по борьбе со шпионажем.

О контрразведке не вспомнили еще и потому, что в высших правительственных и партийных кругах не имелось полной ясности относительно конкретных шагов в области военного строительства. К при-

меру, на заседании Совнаркома 18 декабря 1917 года советский главковерх Н.В. Крыленко выступил с докладом и предложил реорганизовать старую армию, сократив ее численный состав и подняв боеготовность²⁴⁰. В то же время он настаивал на создании корпуса народной гвардии из испытанных революционеров²⁴¹. Будущий нарком по военным делам Л.Д. Троцкий являлся в этот период убежденным сторонником ликвидации старой армии и на ее месте считал необходимым строить новую, «схемы которой нельзя было пока еще найти ни в одной книге»²⁴².

В Наркомвоене также шли дебаты о судьбе старой армии, о ее перспективах. Практических результатов они не имели. По заданию СНК Главное управление Генштаба разработало план реорганизации армии и меры по усилению фронта. В частности, планом предусматривалось сохранить 100 из 159 имеющихся дивизий, пополнив их штат, а также подготовить мощные тыловые базы и организовать подготовку добровольцев на основе резервных частей. Добровольцами предполагалось укомплектовать дополнительно 36 дивизий. Однако данный документ на заседании СНК рассмотрен не был²⁴³.

После заключения Брестского мира советское правительство стало больше уделять внимания строительству вооруженных сил, созданию органов управления ими, снабжению и обучению войск, разработке соответствующих законоположений и уставов.

Постановлением СНК от 4 марта 1918 года эти задачи возлагались на вновь образованный Высший военный совет (ВВС)²⁴⁴. Это был коллегиальный орган, состоявший из двух комиссаров и военного руководителя, которым назначили бывшего царского генерала М.Д. Бонч-Бруевича.

Ранее мы уже говорили о нем как об авторе «Наставления по контрразведке в военное время» от 1915 года. Теперь, будучи одним из организаторов обороны страны против немцев и создателем войск

так называемой «Завесы», он по личной инициативе обобщил поступавшие с мест предложения о создании при штабах аппаратов по борьбе с неприятельским шпионажем и представил соображения по данному вопросу на рассмотрение Совета. ВВС своим решением от 13 апреля 1918 года обязал военруков участков «Завесы», не дожидаясь указаний по созданию военной контрразведки, организовать работу по ограждению штабов и частей от агентуры противника²⁴⁵. А уже в начале мая Бонч-Бруевич направил в войска «Завесы» директиву с требованием незамедлительно приступить к формированию «отделений по борьбе со шпионством» (ОБШ)²⁴⁶.

Таким образом, Бонч-Бруевич в некоторой степени исправил явную ошибку, допущенную революционными вождями Ставки, принявшими ранее меры по сокращению штатов, а затем и ликвидировавшие КРО в действующей армии. Ведь войска «Завесы» являлись не чем иным, как осколками этой армии. Фактически военный руководитель ВВС предпринял попытку возродить контрразведывательные отделения, существовавшие в войсках на ТВД в предшествующий период, хотя и под другим названием.

Характерно, что никаких возражений у других членов ВВС это не вызвало, так как своих вариантов решения проблемы они не имели, в ее суть не вникали и фактически самоустранились, полностью полагаясь на бывшего царского генерала, доверие к которому было обеспечено, потому что он был родным братом управделами СНК и успел отличиться своими заслугами перед новыми властями²⁴⁷.

Практическая работа по созданию ОБШ при штабах участков и отрядов «Завесы» осложнялась рядом обстоятельств. Прежде всего необходимо отметить отсутствие принципиального решения о финансировании организационных и оперативных мероприятий. Только в начале июня эта проблема была решена²⁴⁸. С трудом шло комплектование отделений, поскольку Бонч-Бруевич требовал подбирать на дол-

жности их руководителей офицеров, причисленных к корпусу Генерального штаба, да еще и служивших ранее по линии контрразведки. На местах таких военнослужащих практически не имелось.

Понимая значение борьбы со шпионажем в районе демаркационной линии, командование участков и отрядов «Завесы» предприняло необходимые шаги по реализации директивы ВВС и в течение двух месяцев ОБШ удалось создать при всех штабах²⁴⁹, хотя эффективность их деятельности была невысока. Отделения не имели достаточно определенной и единообразной внутренней структуры, их штаты не отвечали реальной обстановке в том или ином районе. Взаимодействие их полностью отсутствовало²⁵⁰.

Роль руководящего и объединяющего центра предназначалась специально созданному в первой половине июня 1918 года подразделению в рамках ВВС. Однако на практике его роль свелась к поддержанию связи с контрразведчиками из Всероссийского главного штаба и разработке совместно с коллегами различных документов по организационным и кадровым вопросам.

В итоге в первые месяцы советской власти в стране функционировало несколько независимых друг от друга контрразведывательных служб. Такое положение являлось прямым следствием отсутствия единого центра управления всеми вооруженными силами. Всероссийский главный штаб, Высший военный совет и Морской Генштаб не стремились объединить свои органы по борьбе со шпионажем, хотя в направленности их деятельности и в кадровом составе было много общего. Главным и единственным противником России, пусть и при большевистском правлении, для них являлись разведки Германии, Австро-Венгрии и Турции. Руководители контрразведывательных подразделений указанных военных структур, будучи офицерами старой армии, всячески стремились уклониться от использования подчиненных им сил и

средств для выявления и пресечения разведывательно-подрывной деятельности бывших союзников России, а тем более против антиправительственных сил внутри страны.

Это обстоятельство предопределило создание в структуре Оперативного отдела Наркомвоена, управлявшего всеми войсками на внутренних фронтах, контрразведывательного органа в виде отделения Военного контроля (ОВК). Он начал функционировать в конце мая 1918 года. Первым руководителем ОВК стал большевик, врач по образованию М.Г. Тракман²⁵¹.

Роль ОВК быстро возрастала, поскольку Оперативный отдел Наркомвоена становился ведущим среди других штабных аппаратов. М.Д. Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях писал: «Народ в Опероде подобрался молодой, энергичный, фронтовая публика явно предпочитала иметь дело с ним, а не с чопорными “старорежимными генералами” ВВС. Оперод, наконец, живо интересовал Ленина»²⁵².

Тракман особое внимание уделил укомплектованию ОВК партийными работниками. Костяк отделения составили лично известные ему по работе в Исполкоме Совета солдатских депутатов 12-й армии большевики, латыши по национальности. В отличие от ВЧК начальник ОВК считал возможным использовать бывших офицеров Генштаба в качестве консультантов. Однако это были фронтовики, закончившие Военную Академию лишь в 1917 году и не служившие ранее в контрразведке.

Отделение Военного контроля, как и сам Оперод, первоначально формировалось без какой-либо разработанной схемы и не имело ограничений в штатном расписании. Основным подразделением ОВК стала активная часть, которая осуществляла руководство внутренней агентурой и наружным наблюдением. В первые месяцы своего существования отделение сосредоточилось на организации работы в Москве и не имело подчиненных органов на местах. Инициатива

создания фронтовой контрразведки принадлежала реввоенсоветам, а ОВК по мере возможности оказывало им содействие.

Организационное строительство системы органов военного контроля активно началось только с сентября 1918 года, после учреждения Революционного военного совета Республики (РВСР), Главного командования и преобразования Оперода Наркомвоенна в Полевой штаб. Приказом РВСР были образованы фронты и армии. Через месяц высший орган военно-политического руководства принял решение об объединении всех органов контрразведки на базе отделения военного контроля. Головные аппараты соответствующих служб ВВС ВГШ прекращали свое существование²⁵³. Их личный состав подлежал увольнению.

Главнокомандующий И.И. Вацетис, члены РВСР С.И. Аралов, К.Х. Данишевский и И.Н. Смирнов 3 октября 1918 года утвердили «Положение о Военном контроле»²⁵⁴. ОВК получило статус отдела вновь созданного Регистрационного управления (РУ) Полевого штаба. Вскоре РУ вышло из ведения начальника штаба и было подчинено непосредственно Реввоенсовету Республики в лице его члена С.И. Аралова.

В «Положении о Военном контроле» указывалось, что отдел не только ведет борьбу со шпионажем в центральных государственных и военных учреждениях, но и руководит подчиненными ему органами контрразведки в округах, при реввоенсоветах фронтов и армий.

Руководство ОВК прилагало значительные усилия по конструированию и укреплению единой системы контрразведки. Работа велась одновременно по двум направлениям: во-первых, подготовка унифицированной нормативно-правовой базы и, во-вторых, взятие под контроль уже существовавших контрразведывательных органов, а также создание новых. К декабрю 1918 года в систему военного контроля, кроме центрального аппарата, входили органы ВК Петроградского, Московского, Орловского, Северо-Кавказ-

ского и Приволжского военных округов, Восточного, Южного и Северного фронтов. Соответствующие отделения были организованы во всех армиях и двадцать три пункта — в стратегически важных городах, а также на узловых железнодорожных станциях²⁵⁵.

В ряде случаев, особенно на Южном фронте, существовавшие контрразведывательные органы ВВС не ликвидировались, а переименовывались в отделения ВК. Зачастую сохранялся прежний личный состав, в том числе и бывшие офицеры, что дало повод Всероссийской ЧК развернуть острую критику всей системы органов Военного контроля. Позиция чекистов значительно укрепилась в результате вскрытия ими фактов враждебной деятельности контрразведчиков Морского Генштаба.

Антибольшевистский накал у флотских офицеров был значительно сильнее, чем в подавляющем большинстве сухопутных частей. В отличие от войск, где офицерский корпус на третьем году войны представляли в основном вчерашние студенты, учителя, инженеры, государственные служащие, на флоте по-прежнему доминировали кадровые офицеры, выходцы из дворянских семей, потомственные военные. Это была своего рода каста. Многие из них знали друг друга лично по учебе в единственном в стране морском кадетском корпусе или по службе на кораблях. Поэтому лишь отдельные «зараженные революционным духом» офицеры рисковали открыто обозначать свои идеи, заранее зная реакцию окружающих. В массе своей флотские офицеры имели монархические взгляды, готовы были сражаться за интересы Российской империи и вести борьбу до полного разгрома военного противника. Это в свою очередь предопределило их проантантовскую ориентацию, а точнее, проанглийскую. Именно с англичанами моряки поддерживали на протяжении мировой войны наиболее тесные связи.

С приходом к власти большевиков Регистрационная служба Морского Генштаба значительно активизи-

зировала свои контакты с английской морской разведкой. При самой деятельной поддержке последней и по инициативе секретаря российского посольства в Англии К.Д. Набокова в апреле—мае 1918 года создается строго законспирированная организация «ОК»²⁵⁶. Ее костяк составили офицеры флотской разведки и контрразведки. Первым ее начальником стал лейтенант Р.А. Окерлунд, возглавлявший в 1915—1917 годах морскую контрразведку в Скандинавии и уволенный со службы советскими властями.

Прибыв в Советскую Россию в мае 1918 года под предлогом сдачи дел и доклада о проделанной работе, Окерлунд установил связь с офицерами Морского Генштаба, в том числе с начальником Регистрационной службы В.А. Виноградовым, его заместителем, а затем преемником А.И. Левицким, начальником военно-морского контроля (бывшего контрразведывательного отделения) А.К. Абрамовичем и некоторыми другими сотрудниками²⁵⁷. Все они дали согласие сотрудничать в организации «ОК», зная, что она является антибольшевистской и действует фактически под контролем англичан. Окерлунд поддерживал личную связь с военно-морским атташе Англии капитаном Ф. Кроми. Таким образом, центральный орган флотских спецслужб фактически начал работать против советской власти.

ВЧК вряд ли смогла бы вскрыть враждебную деятельность моряков, поскольку ее розыскные аппараты в тот период еще не находились на должном уровне. Помог случай. Из Скандинавии возвратился крупный агент флотской контрразведки «Ланко», который в октябре 1918 года довел до сведения ВЧК и лично Ф.Э. Дзержинского сведения о шпионской работе сотрудников морской Регистрационной службы²⁵⁸. В результате проведенной чекистами операции почти все руководители и ответственные работники Регистрационной службы были арестованы²⁵⁹.

Подозрение пало даже на начальника Морского Генштаба Е.А. Беренса, поскольку он подписывал

телеграммы в адрес военно-морского агента в Швеции В.А. Сташевского, в текст которых члены организации «ОК» вносили развединформацию для англичан. Кроме того, следователям было известно, что Е.А. Беренс работал во флотской разведке с 1910 года, а после Февральской революции руководил иностранным отделением МГШ и лично хорошо знал арестованных. Нарушая установленные правила, он неоднократно перепоручал подпись телеграмм некоторым сотрудникам Регистрационной службы.

Выступая на заседании Верховного трибунала, он признал свои упущения, но заявил, что никакого отношения к преступной деятельности подследственных не имел. Более того, начальник МГШ заявил в зале суда, что уже давно намеревался реорганизовать подчиненную ему контрразведку в Военно-морской контроль. Однако, не найдя достойной замены имевшимся сотрудникам, не пошел на такой серьезный шаг²⁶⁰.

Политический комиссар МГШ Лукашевич, всячески отмежевываясь от подследственных, утверждал, что «контрразведка была умирающим учреждением, но реорганизация ее представлялась делом сложным»²⁶¹.

Следствие доказало, что комиссар не только самоустранился от контроля над деятельностью Регистрационной службы и Военно-морского контроля, но и выдал лично Окерлунду, не состоявшему уже в штате флотских спецслужб, удостоверение для «служебных» поездок из Петрограда в Москву.

Еще до начала судебного процесса с содержанием работы Регистрационной службы и ВМК самым внимательным образом ознакомился состоявший в распоряжении ВЧК член ВЦИК В.Э. Кингисепп. В итоговой докладной записке он изложил следующие свои выводы: «Регистрационная служба в совокупности с Морским контролем Генмора является филиальным отделением Английского Морского Генштаба. В сводках Морского Контроля совершенно отсутству-

ют данные, позволяющие предположить, что морская контрразведка была направлена против англо-французов и союзнического шпионства... главное внимание Морского Контроля Генмора было обращено на действия и распоряжения Наркомвоена Троцкого»²⁶². В заключении В.Э. Кингисепп предлагал немедленно расформировать Регистрационную службу, Морской Контроль и даже весь Морской Генеральный штаб, а их руководителей привлечь к ответственности²⁶³.

В архивных делах ФСБ России сохранился еще один доклад Кингисеппа, адресованный председателю Совнаркома В.И. Ленину, а также Я.М. Свердлову, Л.Д. Троцкому и заместителю председателя ВЧК Я.Х. Петерсу. Доклад этот более детализирован и содержит новые сведения, дающие представления о «борьбе» с иностранной агентурой. «Морская контрразведка, — отмечалось в нем, — за весь 1918 год не произвела ни одного ареста ни одного шпиона, не дала никаких сведений о противнике...»²⁶⁴ Начальник Военно-морского контроля А.К. Абрамович на допросе у В.Э. Кингисеппа показал, что твердо установленных штатов у ВМК не было еще при Временном правительстве, отпускаемые авансы составляли 10–12 тысяч в месяц по смете МГШ, из секретных сотрудников в наличии имелся только один, за двух «мертвых душ» деньги получал сам А.К. Абрамович²⁶⁵.

В.Э. Кингисепп вновь подтвердил свой вывод о необходимости расформирования морских спецслужб. «Пустое место русской советской морской контрразведки в результате такого постановления ни на миллиметр не увеличилось бы», — заключил следователь²⁶⁶.

Петроградское морское КРО и контрразведка Балтийского флота находились в трудном положении после резкого сокращения штатов, однако до их полного уничтожения дело не дошло. В соответствии с приказом МГШ от 25 января 1918 года КРО переименовали в отделения Военного контроля²⁶⁷. Но уг-

роза их существованию со стороны новых властей оставалась реальной. Поэтому в начале февраля комитет служащих отделения ВК БФ провел экстренное заседание, где поднимался вопрос об ответной реакции на указание помощника комиссара флота о ликвидации ОВК. Участники заседания решили просить морскую Регслужбу взять на себя руководство отделением, чтобы избежать волюнтаристских действий отдельных флотских комиссаров. При этом они выразили готовность принять комиссара, специально назначенного для контроля за работой отделения²⁶⁸. Одновременно предлагалось осуществить реформу ОВК, исходя из условий дислокации основных сил флота, его штаба и самого отделения в Гельсингфорсе.

Члены комитета считали необходимым иметь в составе ОВК два отдела. Первый (административно-судебный) — для поддержания контактов с соответствующими финскими властями и решения спорных вопросов при реализации оперативных материалов. Второй (осведомительный) должен был вести борьбу со шпионажем и создать «прочный фундамент зданию нашей будущей разведки в пределах Финляндии и смежных с нею скандинавских государств»²⁶⁹. Кроме указанных отделов, предполагалось иметь регистрационное и делопроизводственное подразделения.

Данный план реорганизации ОВК БФ на практике реализовать не удалось, поскольку в Петрограде, и в частности в ВЧК, состояние контрразведки флота представлялось в негативном свете.

В этот период по заданию Ф.Э. Дзержинского его секретный сотрудник А.Ф. Филиппов осуществил негласную проверку ОВК и других подразделений контрразведки в Финляндии. В отчете он писал: «Все эти учреждения имеют в себе недостатки прежнего режима и, за небольшим исключением, состоят из чиновников, интересующихся только жалованием, но отнюдь не результатами работы»²⁷⁰. Филиппов ре-

комендовал председателю ВЧК немедленно осуществить новую, теперь уже коренную реорганизацию всех аппаратов по борьбе со шпионажем.

В связи с угрозой захвата кораблей германскими войсками и началом Гражданской войны в Финляндии флот был в течение февраля—мая 1918 года перебазирован в Кронштадт, где ОВК БФ и продолжал свою работу еще почти год, а затем последовало его слияние с Особым отделом Петроградского военного округа. Ликвидация ОВК БФ как самостоятельного органа дала отрицательные результаты. Уже в начале 1919 года проверявшая флот комиссия установила «полное отсутствие агентурной и контрразведывательной работы»²⁷¹. Поэтому член Реввоенсовета Республики С.И. Аралов дал указание восстановить контрразведку Балтфлота, но председатель Особого отдела ВЧК М.С. Кедров посчитал это излишним.

Спустя несколько месяцев, в конце августа 1919 года, начальник морских сил А.П. Зеленой и члены Реввоенсовета, ввиду активной деятельности белогвардейских и английских разведчиков против Балтийского флота, обратились в РВСР с просьбой воссоздать контрразведку в виде Особого отдела БФ, так как Петроградская ЧК была перегружена своими делами и не уделяла морякам должного внимания. Данное предложение из РВСР направили на заключение к Дзержинскому²⁷². Однако от него и вообще из ВЧК ответа не последовало.

Тогда РВС БФ проявил инициативу и в октябре 1919 года своим решением образовал Особый отдел при Реввоенсовете флота. Начальником его был назначен бывший председатель Кронштадтской чрезвычайной комиссии А.К. Егоров.

Только в середине 1920 года ВЧК учредила Особый отдел Черного и Азовского морей²⁷³.

Толчком к началу дальнейшего строительства особых отделов в военно-морских силах страны, несомненно, явилось кронштадтское восстание. В ча-

стности, председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский осенью 1921 года дал указание своему заместителю сформировать в Особом отделе ВЧК морскую часть. «Иначе, — писал он, — флот всегда будет вне нашего ока»²⁷⁴.

Завершив рассмотрение процесса организационных изменений контрразведки в структуре военных ведомств, следует остановиться и на попытках руководителей ВЧК создать собственную службу по борьбе со шпионажем.

ВЧК с самого начала своего существования рассматривалась ее создателями не только как орган борьбы с контрреволюцией, но прежде всего как важнейший инструмент большевистской партии, средство реализации ее идеологической доктрины. ВЧК была организована непосредственно при Совете Народных Комиссаров, и сферы ее деятельности не ограничивались.

Согласно постановлению СНК от 7(20) декабря 1917 года об образовании ВЧК она учреждалась для борьбы с контрреволюцией и саботажем²⁷⁵. Позднее на ВЧК были возложены задачи по разоблачению спекулянтов и лиц, совершивших должностные преступления, а также других преступников²⁷⁶.

Однако функция контрразведки на комиссию не возлагалась. По сравнению с другими угрозами для новой власти шпионаж был далеко не на первом месте.

Кроме того, в СНК, определяя задачи ВЧК, исходили из наличия в стране органов контрразведки старой армии, хотя особого доверия к ее кадрам со стороны большевиков не имелось. Сам Дзержинский как бывший руководитель Военно-революционного комитета, установивший через своих комиссаров контроль за всеми контрразведывательными органами, предполагал их скорую реорганизацию, а затем и ликвидацию.

В то же время председатель ВЧК и его коллеги уже в первые месяцы работы столкнулись с факта-

ми, когда враждебные проявления инспирировались, финансировались и даже непосредственно организовывались иностранными агентами, включая и сотрудников разведслужб союзников России в мировой войне. Данное обстоятельство приводило чекистов к мысли о необходимости создания собственной службы по борьбе со шпионажем. Первую попытку организационно оформить такого рода структуру председатель ВЧК предпринял в начале января 1918 года. Непосредственным поводом к важному решению явилось обращение к Дзержинскому крупного агента царской разведки и контрразведки Константина Александровича Шевары (Войцицкого) с предложением создать контрразведку во Всероссийской ЧК²⁷⁷. Учтя почти десятилетний стаж работы Шевары в секретных службах, а также его революционные взгляды, руководитель ВЧК поручил ему сформировать контрразведывательное бюро (КРБ).

На решение организационных вопросов ушло несколько дней, и не позднее 12 января КРБ ВЧК начало функционировать²⁷⁸. Основной задачей, поставленной Дзержинским перед КРБ, являлось вскрытие деятельности иностранных разведок путем разработки контрабандистов и герmanoфилов из числа известных монархистов. Свою деятельность КРБ разворачивало не только в самом Петрограде и его окрестностях, но и на территории Финляндии, где работала группа его штатных сотрудников во главе с заместителем начальника бюро Ю.И. Ариным²⁷⁹.

В отличие от органов контрразведки Всероссийского главного штаба и аналогичной флотской службы КРБ имело право проведения обысков и выемок, осуществления арестов подозреваемых лиц, что, несомненно, способствовало эффективной реализации оперативных материалов.

Объем проводимой КРБ работы требовал определенных кадровых ресурсов. При общем относительно небольшом штате ВЧК на начало 1918 года личный состав бюро насчитывал тридцать пять чело-

век²⁸⁰. Подавляющее большинство работников КРБ имели специальные мандаты на вымышленные фамилии, что обеспечивало определенную степень конспирации.

Необходимо подчеркнуть, что КРБ создавалось явочным порядком, фактически по личному решению председателя ВЧК. В протоколах заседаний Президиума Всероссийской ЧК за первый квартал 1918 года нет даже упоминания о КРБ. Никакого базового документа в виде положения о КРБ или его штатного расписания также не разрабатывалось. Некоторые организационные и кадровые вопросы обозначены лишь в перспективном плане работы КРБ, представленном руководству ВЧК.

В указанном документе предлагалось, в частности, усилить оперативную деятельность в столице, развернуть агентурную группу в Москве, создать собственный аппарат наружного наблюдения, независимый от уже функционировавших в ВЧК аналогичных подразделений. Шевара намечал развернуть работу по линии внешней контрразведки и направить агентов в некоторые города Германии и Польши, а также в оккупированные немцами области бывшей Российской империи²⁸¹.

Финансовые расходы на содержание КРБ, включая его заграничных сотрудников, определялись в восемьдесят тысяч рублей²⁸².

Для обеспечения операций по захвату разрабатываемых КРБ лиц и шпионских групп к нему был прикомандирован отряд балтийских матросов Наркомата по военным делам под командованием А.Я. Полякова²⁸³.

На заседании Президиума ВЧК 26 января 1918 года рассматривался вопрос о концентрации всего контрразведывательного дела в чекистском ведомстве, а следовательно, о повышении статуса КРБ. Членам президиума Д.Г. Евсееву и В.А. Александровичу было поручено в срочном порядке ликвидировать аппарат военной контрразведки ГУ ГШ и опечатать все его

дела²⁸⁴. Однако, как указывалось ранее, военные власти отстояли свой орган по борьбе со шпионажем, и он продолжал существовать самостоятельно вплоть до октября 1918 года.

Поддержанные председателем ВЧК инициативы Шевары в плане дальнейшего организационного оформления контрразведки в рамках ВЧК и развития деятельности КРБ до конца реализованы не были. 15 марта 1918 года на основании беспочвенных подозрений со стороны командира приданного отряда Полякова руководитель КРБ подвергся аресту и под предлогом попытки к бегству был расстрелян. С гибелью Шевары прекратило свое существование и контрразведывательное бюро.

Воссоздать орган противодействия разведкам противника попытался заместитель председателя ВЧК В.А. Александрович. Он предложил выделить денежные средства для развертывания работы созданному при штабе Красно-советского Финляндского отряда ВЧК контрразведывательному отделению. Другие члены Президиума ВЧК не поддержали данное решение и постановили осуществить проверку самолично созданной контрразведки, уделив особое внимание проверке ее личного состава²⁸⁵. В то же время руководящий орган Комиссии признал необходимым, чтобы «борьба со шпионажем и контрразведка проводилась под наблюдением ВЧК»²⁸⁶.

В этой связи чекисты предприняли новые шаги к реализации упомянутого нами выше постановления Президиума ВЧК от 26 января 1918 года. Однако время, когда военным ведомством руководила группа, по определению Н.В. Крыленко, «ведущих большую бумажную работу канцелярского делопроизводства»²⁸⁷ и не проявлявших заинтересованность в сохранении в своем ведении аппарата контрразведки, было упущено. Во главе Наркомата по военным делам стал Л.Д. Троцкий, стремившийся максимально сосредоточить все нити управления войсками и кон-

троля над ними в своих руках. Игнорировать его мнение чекисты не могли, но и отказываться от своих намерений тоже не хотели. 9 апреля 1918 года на заседании Президиума ВЧК начальник отдела по борьбе с контрреволюцией И.Н. Полукаров выступил с докладом о развитии германского шпионажа, отсутствии реального противодействия ему со стороны соответствующих военных органов. Он вынес на обсуждение предложение о «необходимости снестись с тов. Троцким, взять в ведение комиссии аппарат контрразведки, оставив ее под руководством самостоятельного заведующего»²⁸⁸. Президиум ВЧК полностью согласился с такой постановкой вопроса. Однако каких-либо организационных шагов по созданию контрразведки ВЧК не предпринималось. Как и многие другие решения ВЧК в первые месяцы ее существования, намеченные меры остались на бумаге, не будучи подкреплены реальными действиями²⁸⁹.

В первой половине 1918 года ВЧК и лично Дзержинский определяли как наиболее опасную для молодой Советской Республики именно немецкую разведку, поскольку она опиралась на монархические круги и поддерживала их подпольную контрреволюционную деятельность.

28 апреля на экстренном заседании Президиума Полукаров заявил, что концентрация монархических сил происходит при активном участии германского посольства, но соответствующего аппарата для квалифицированного наблюдения за иностранными дипломатическими и иными представителями нет²⁹⁰. Дзержинский предложил «сосредоточить борьбу с контрреволюцией, главным образом идущей со стороны Германии, а во вторую очередь союзнической»²⁹¹. Председатель ВЧК вновь настаивал на сосредоточении всей контрразведывательной работы в чекистском ведомстве. Члены Президиума дали указание отделу по борьбе с контрреволюцией подготовить детальный проект организации борьбы со шпионажем

и другими видами подрывной деятельности, проводимой иностранными государствами. Предполагалось рассмотреть данный документ в ближайшее время.

И опять проявился эффект низкой исполнительской дисциплины. Требование председателя ВЧК осталось нереализованным. В этих условиях Дзержинский предпринял попытку лично наладить работу по немецкой линии сначала в Петрограде, где размещалось германское консульство, а затем в Москве.

С самого образования Петроградской ЧК (ПЧК) в новой столице пристально следили за ее деятельностью. ВЧК затребовала в Москву все важные дела, а также арестованных по этим делам лиц для принятия по ним решения.

Подбор, зачисление и расстановку сотрудников взял лично на себя председатель ПЧК М.С. Урицкий. Сложилось такое положение, когда стиль работы комиссии стала определять группа людей с сомнительной репутацией²⁹². Доверить им контрразведывательную работу Дзержинский не мог и пытался организовать борьбу с немецким шпионажем на базе Центральной уголовно-следственной комиссии при Совнаркоме Союза северных коммун. Председатель комиссии Б. Орлинский (В.Г. Орлов) был известен как следователь по особо важным шпионским делам при Ставке Верховного главнокомандующего, зарекомендовавший себя активным борцом с разведкой военных противников России.

В начале июня 1918 года Орлинский докладывал в ВЧК, что создал агентурную сеть среди германских военнопленных, в германофильских кругах аристократии и финансистов, а также в немецкой дипломатической миссии²⁹³. В это же время Орлинский неоднократно выезжал в Москву для чтения лекций по контрразведке на курсах по подготовке руководителей разведки при местных ЧК.

Председатель ВЧК предполагал использовать опыт Орлинского и назначить его начальником контрразведки ВЧК, но встретил сопротивление в этом

вопросе со стороны Наркома юстиции Союза северных коммун Н.Н. Крестинского, не желавшего отпустить опытного следователя и организатора уголовного розыска²⁹⁴.

Одновременно с возложением на Орлинского задач по контрразведке Дзержинский лично организовал агентурную группу, известную как «организация Штегельмана». Группа первоначально также предназначалась для работы против немцев²⁹⁵.

И только в начале июня 1918 года в ВЧК принимается решение о создании в структуре отдела по борьбе с контрреволюцией секретного отделения по противодействию германскому шпионажу. Начальником отделения был назначен командированный в ВЧК Центральным Комитетом партии левых социал-революционеров Я.Г. Блюмкин. Его назначение явилось уступкой большевиков своим политическим оппонентам, чтобы снять подозрение в негласных контактах с германским посольством и кайзеровским правительством. Начальник отдела по борьбе с контрреволюцией и член Президиума ВЧК М.Я. Лацис констатировал, что «Блюмкин обнаружил большое стремление к расширению отделения в центр все-российской контрразведки и не раз подавал в комиссию свои проекты»²⁹⁶.

Однако руководство ВЧК не поддерживало их из-за опасения предоставить левым эсерам слишком большие возможности влияния не только на работу самой Комиссии, но и на внешнюю политику Советского государства. Согласно утверждениям Лациса, в конце июня 1918 года «отделение контрразведки» было ликвидировано по постановлению ВЧК, а сам Блюмкин оставался до начала левозсеровского мятежа в штабе Всероссийской ЧК, но без определенных занятий²⁹⁷.

Участие сотрудников ВЧК в убийстве немецкого посла вызвало волну критики в ее адрес. Под сомнение ставилась и репутация Дзержинского, поэтому он был вынужден уйти с поста председателя ВЧК.

Ситуацией воспользовались нарком по военным делам Троцкий и заведующий оперативным отделом наркомата Аралов. Они подали председателю Совнаркома Ленину специальную докладную записку, в которой предлагали следующее: дела по шпионажу разрабатываются только отделением военного контроля (ОВК) Оперода, то есть военной контрразведкой, руководство всей контрразведывательной работой в стране возлагается на ОВК, куда передаются имеющиеся материалы и личный состав секретного отделения ВЧК.

Как мы указали выше: отделение к этому времени расформировали, и передавать в военное ведомство было нечего. До ноября 1918 года ВЧК уже не ставила вопрос об организации собственной контрразведки и подчинении ей аналогичных служб Наркомвоена.

Таким образом, оказавшись у власти, большевики пошли проторенным Временным правительством путем: сократили численность КРО, ограничили их в финансировании и изгнали сомнительных сотрудников. Существование не связанных друг с другом контрразведывательных структур, наличие фактов предательства со стороны работавших в них бывших царских офицеров обусловили необходимость в дальнейшем сконцентрировать в руках ВЧК всю контрразведку.

Глава II

Становление советских органов военной контрразведки

Создание Особого отдела ВЧК

Заканчивался 1918 год — первый год существования Советской Республики. В тяжелых кровопролитных боях отстаивала она свое право на существование.

После окончания Первой мировой войны силы Антанты переключились на борьбу против страны Советов и намеревались, поддержав силы белой гвардии своими экспедиционными войсками, финансовыми и материальными средствами, задушить большевистскую власть. На исходе ноября 1918 года корабли французов и англичан вошли в черноморские порты Новороссийск, Севастополь, Одессу и высадили там десанты. Общая численность иностранных войск только на юге России превышала 100 тысяч человек. Сильные группировки войск интервентов имелись также на севере и на востоке страны. В декабре планировалось массированное наступление интервенционистских войск и белогвардейцев с черноморских плацдармов. Ранее соперничавшие силы прогерманской и проантантовской ориентации нашли определенное взаимопонимание на Дону, Украине, Северном Кавказе и Закавказье.

Части противника, оперировавшие на юге, приковали к себе около 60 процентов личного состава и практически половину боевых средств Красной Армии¹. Первые успехи, которых добились части Красной Армии на Восточном фронте, омрачились поражением 3-й армии и падением Перми.

В этой сложной обстановке политическое и военное руководство страны прилагало чрезвычайные уси-

лия для укрепления боеспособности Красной Армии. Она стала комплектоваться на основе всеобщей воинской повинности, была установлена единая организационно-штатная структура, созданы органы военного управления всех уровней. Активно действовали Реввоенсовет Республики и Полевой штаб при нем. Большую работу вели партийно-политические органы.

К декабрю 1918 года численный состав Красной Армии увеличился почти на 25% и достиг 1 миллиона человек². Оценивая результаты военного строительства за год, В.И. Ленин отмечал, что «от нашей полной незащитности... мы пришли к могучей Красной Армии»³.

Улучшилось снабжение действующей армии оружием, боеприпасами, продовольствием. Все, что было связано с оборонными вопросами, выдвигалось на первый план, страна превращалась в военный лагерь. Предстояла еще длительная, упорная и кровопролитная борьба на всех фронтах.

Чисто военные действия противника дополнялись подрывной работой разного рода подпольных организаций и групп в тыловых и прифронтовых районах, многие из них направляли свои усилия на разложение советских войск, склонение военных специалистов к переходу на сторону врага. Нередки были случаи измен со стороны бывших офицеров, факты шпионажа, связи с белогвардейскими и антантовскими штабами. В силу разных причин в частях Красной Армии имели место волнения, восстания, мятежи, что могло привести, а иногда и приводило к серьезным изменениям в обстановке на тех или иных участках фронта. Активно проявляли себя пропагандистские и разведывательные органы Деникина, Колчака, Юденича.

«Тысячи тысяч фунтов золота тратятся и будут еще истрачены врагами для создания таких организаций, которые, с одной стороны, должны выяснить существование Красной Армии, с другой — подорвать

успех ее формирования и снабжения», — отмечалось в одном из докладов военной контрразведки Реввоенсовета Республики, представленном В.И. Ленину, Я.М. Свердлову и Л.Д. Троцкому⁴.

Провозгласив цель создать трехмиллионную армию в рекордно короткие сроки, руководители высших политических и военных органов, конечно же, отдавали себе отчет в том, что необходимо значительно укрепить и расширить специальные аппараты, призванные бороться со шпионажем и контрреволюционными проявлениями в воинских частях. Понимание того, что эти два вида преступлений в условиях Гражданской войны представляют наибольшую опасность и неразделимы, обусловило необходимость сосредоточения в одном органе выявления и расследования шпионских и противоправительственных дел.

В ноябре—декабре 1918 года как в военном ведомстве, в частности в Революционном военном совете Республики, так и во Всероссийской чрезвычайной комиссии выработывались варианты создания единого органа. Военные и чекисты сходились во мнении, что наиболее правильным решением будет объединение аппаратов контрразведки (отделов и отделений Военного контроля) с фронтовыми и армейскими чрезвычайными комиссиями⁵. И чем быстрее это удалось бы осуществить, тем скорее Красная Армия получила бы столь необходимый ей орган защиты.

Но выявились различные, а порой диаметрально противоположные точки зрения на то, как, на какой основе объединять Военконтроль с действовавшими в армии чрезвычайными, где должна сосредотачиваться вся работа, в ВЧК или в РВСР, какими методами в своей работе будет пользоваться создаваемый единый аппарат и т.д. Развернулась самая настоящая борьба между группами ответственных работников Всероссийской чрезвычайной комиссии и Реввоенсовета Республики.

На совещании, состоявшемся 12 ноября 1918 года в Реввоенсовете Республики, специально созванном для рассмотрения вопроса о реорганизации контрразведки, был заслушан доклад члена РВСР А.П. Розенгольца. Участники заседания не спорили о необходимости создания единого органа по борьбе с контрреволюцией и шпионажем в армии. Два члена РВСР, С.И. Аралов, А.П. Розенголец, и председатель ВЧК Ф.Э. Держинский в итоге подписали постановление, в котором указывалось, что Военный контроль реорганизуется путем слияния его с армейскими комиссиями и на этой основе создается Особый отдел⁶. В реформированные органы Военного контроля (Особые отделы) предлагалось передать все относящиеся к их компетенции дела, разрабатываемые и расследуемые фронтовыми и армейскими ЧК, а также часть личного состава чрезвычайных комиссий. В постановлении Особым отделам определялись три основных задачи, а именно: 1) агентурная разведка в тылу противника; 2) контрразведывательная работа; 3) выявление контрреволюционных элементов в армии⁷.

Никто из участников совещания не высказал каких-либо существенных возражений по тексту постановления. Несколькими днями позднее, уже находясь на фронте, Розенголец предложил в своем докладе Аралову дополнить постановление, раскрыв внутреннюю структуру реорганизованного Военного контроля (Особых отделов) и подчеркнув необходимость усиления конспирации в его деятельности⁸.

Как это ни странно, но на совещании не поднимался один из основных вопросов о том, в военном ведомстве или при ВЧК должны организационно существовать органы военной контрразведки. И если военных еще понять можно, поскольку аппарат Военного контроля уже был в их ведении, то позицию Держинского, убежденного, как известно, сторонника строго централизованной, подчиненной ВЧК

системы органов борьбы с контрреволюцией, можно объяснить тем, что другие участники совещания смогли аргументированно убедить Феликса Эдмундовича. Розенгольц, например, будучи членом РВС Восточного фронта, имел прямое отношение к Военному контролю и армейским ЧК и направлял их работу. Аралов непосредственно участвовал в разработке положения о Военконтроле и осуществлял общее руководство военной контрразведкой за все время существования ее в этом виде.

Свою роль сыграло и то, что ответственные должности в отделе Военконтроля РВСР и в большинстве его местных органов занимали члены большевистской партии, не менее, чем чекисты, заинтересованные в надежном обеспечении безопасности Красной Армии и Флота. Обновленный ВК должен был подчиняться военным комиссарам — членам реввоенсоветов. Кроме того, в партийных кругах и в прессе в конце 1918 года активно дебатировался вопрос о существовании самой ВЧК как самостоятельного учреждения⁹.

На ноябрьском совещании в РВСР было решено создать комиссию по ревизии и реорганизации Военного контроля и армейских чрезвычайных комиссий. По итогам ее работы предстояло высказать практические соображения по конкретным вопросам слияния ВК и армейских ЧК, структуре создаваемого Особого отдела. Поскольку затрагивались интересы двух центральных учреждений — ВЧК и РВСР, — состав комиссии согласовывался с председателем ВЦИК В.М. Свердловым. В нее вошли бывший председатель ЧК по борьбе с контрреволюцией на Восточном фронте, член Коллегии ВЧК М.Я. Лацис (Судрабс), Р.С. Землячка (Залкинд), комиссар стрелковой бригады, и бывший заведующий военно-политическим отделением Оперода Наркомвоенна А.Г. Васильев¹⁰. Здесь уместно заметить, что по неизвестным причинам в комиссию не был включен ни один представитель от отдела Военного контроля

РВСР, местные аппараты которого как раз и подвергались ревизии.

План работы комиссии утвержден руководителями заинтересованных ведомств, к сожалению, не был. Да и сам план был набросан лишь в самых общих чертах. Отсутствовало, как утверждал руководитель комиссии Лацис, и постановление Реввоенсовета Республики, которым она могла бы руководствоваться в своей работе¹¹.

Перед выездом комиссии на Южный фронт было проведено совещание с участием представителей от ВЧК, Военного контроля и одного из членов РВСР. На нем обсудили лишь основные принципы работы комиссии, план слияния Военконтроля фронта и фронтовой ЧК. Интересно, что предполагалось ревизовать только органы Военного контроля, оставляя в стороне чрезвычайную комиссию фронта и армий¹².

Один из сотрудников Военного контроля, а позднее заведующий организационно-инспекторским отделением Особого отдела при ВЧК И. Зорин отметил негативную роль Лациса в этой комиссии. Еще на Восточном фронте в должности главного чекиста он отрицательно относился к военной контрразведке. Под его влиянием было распущено, например, Казанское отделение ВК, имело место столкновение с Вологодским отделением¹³. Возглавляя комиссию, Лацис не смог преодолеть очевидную свою предубежденность к Военному контролю и высказал свое откровенное намерение не реформировать Военконтроль, а ликвидировать его, передав функцию борьбы со шпионажем фронтовой ЧК. Лацис выехал отдельно от других членов комиссии, взяв с собой несколько чекистов, явно намереваясь укрепить ими Военный контроль, а вернее, армейские ЧК после его ликвидации. Так произошло, например, в Воронеже. Руководить контрразведкой (Особым отделом) там был поставлен чекист К. Пунке.

В Козлове, где располагался штаб Южного фронта, председатель фронтовой ЧК Г.И. Бруно, не дожидаясь прибытия комиссии, но, вероятно, зная о ее намерениях и первых шагах, стал самостоятельно реорганизовывать отдел Военного контроля и уже в начале декабря 1918 года создал Особый отдел. Отношение к сотрудникам органов Военного контроля можно проиллюстрировать тем фактом, что почти все старые сотрудники (190 из 230) были им уволены, а заведующий Военконтролем Е.А. Трифонов (член партии с 1904 года) обвинен в преступном бездействии¹⁴.

Возвратившись с Южного фронта, члены комиссии подготовили доклад и 12 декабря 1918 года представили его в РВСР¹⁵. В нем отмечалось, что существование Военного контроля и армейских ЧК приводит к параллелизму, столкновениям, к нерациональной трате сил, а посему их надо слить в единый орган. Основным тезисом в докладе Лациса было следующее: «Если взять нам Военный контроль и перестроить по образцу чрезвычайных комиссий, то мы как раз и получим тот аппарат, который нам необходим»¹⁶. В резких тонах он охарактеризовал органы Военного контроля и назвал их лишними. Таким образом, Лацис делал вывод о том, что надо не реорганизовывать Военконтроль и передавать ему функции армейских ЧК, как было решено на совещании в РВСР 12 ноября 1918 года, а фактически ликвидировать его, слив центральный аппарат с только что образованным Военным отделом ВЧК. Создаваемый Особый отдел Лацис видел как «аппарат надзора за армией»¹⁷. Именно надзор он считал его главной функцией.

Систему Особых отделов Лацис предлагал сделать строго централизованной, начиная от контрольных пунктов при дивизиях и завершая Военным (Особым) отделом при ВЧК. Возглавить его должен был член Реввоенсовета Республики, вводимый в Кол-

легию ВЧК. Ни о каком подчинении Особых отделов политическим комиссарам речь уже не шла.

К докладной записке Ладис приложил проекты общих положений о фронтовых и армейских Особых отделах¹⁸.

13 декабря 1918 года подготовленные Ладисом документы обсуждались членами Реввоенсовета Республики. С.И. Аралов, К.Х. Данишевский, И.Н. Смирнов и главком И.И. Вацетис их внимательно изучили и внесли свои коррективы¹⁹. Они согласились в принципе с предложениями Ладиса и своими подписями скрепили «Общее положение о фронтовых Особых отделах», а также аналогичный документ об армейских. Ими была одобрена структура нового органа²⁰.

Законно возникает вопрос. Почему члены РВСР и прежде всего Аралов, при непосредственном участии и руководстве которого создавался Военный контроль, согласились передать военную контрразведку в ВЧК? Думается, в основе такого решения лежит ряд причин. Главная состоит в том, что среди задач, которые призван был решать Особый отдел, а именно борьба со шпионажем и борьба с контрреволюцией, наибольшее значение приобретала последняя. За год существования советской власти в стране были вскрыты лишь единичные случаи шпионской деятельности лиц, совершенно не причастных к контрреволюционным организациям. Следовательно, чем активнее велась борьба с контрреволюционными элементами, тем больший удар наносился и по шпионажу. ВЧК имела уже значительный опыт подавления враждебных новому строю групп и организаций в тыловых районах страны, постепенно наработывала его и в армейской среде. Это члены РВСР, несомненно, приняли тогда во внимание.

Но сыграл свою роль и явно предвзятый доклад комиссии, выезжавшей для ревизии и реорганизации Военного контроля на Южный фронт.

Оппонировать на совещании докладчику Лацису и другому представителю ВЧК, начальнику ее Военного отдела М.С. Кедрову было некому. Ни один из руководителей Военного контроля почему-то на совещании не присутствовал. В этом видится несомненный просчет его организаторов, поскольку в ОВК имелся иной проект «Положения об Особом отделе».

Этот проект заметно отличался от того варианта, который докладывал в Реввоенсовете Республики Лацис. Нельзя не отметить, что в его подготовке непосредственно участвовали военные консультанты Г.И. Теодори и И.Д. Чинтулов. Они не были контрразведчиками-профессионалами, но окончили Академию Генерального штаба, где обязательно читался курс разведки и контрразведки, а следовательно, выпускники этого высшего военно-учебного заведения получали необходимые знания в столь специфичной области военной науки. Плюс к тому консультанты в отличие от бывших царских контрразведчиков осознавали необходимость участия органов Военного контроля (или Особых отделов) в борьбе с контрреволюционными проявлениями, что нашло свое отражение в Положении. Сформулировано это положение было следующим образом: «Общая задача Особого отдела состоит в изучении системы и методов действия органов неприятельской разведки и в обнаружении, обследовании и пресечении деятельности неприятельских шпионов, а также организаций и лиц, деятельность которых, преследуя военные интересы неприятеля, направляется во вред военным интересам Российской Социалистической Федеративной Советской Республики»²¹. В определении задач нет лишь самого термина «контрреволюция», но суть его изложена другими словами.

Исходя из этого, не следует столь категорично, как делает автор исторического очерка о военной контрразведке И.И. Васильев, утверждать, что слабость Положения заключалась в ненацеленности его

на борьбу с контрреволюцией²². К слабости он отнес и отсутствие указания на подчинение Особого отдела непосредственно чекистскому ведомству. Да, о подчинении действительно не говорилось, однако предусматривалось, что общее руководство Управлением Особого отдела (УОО) лежит на члене Реввоенсовета Республики, входящего постоянным членом в Коллегию Всероссийской чрезвычайной комиссии с правом решающего голоса. Это и должно было, по мысли авторов, обеспечить тесный рабочий контакт УОО с оперативными отделами ВЧК. В условиях войны, когда доминирующее значение имели вопросы, связанные с обороной Республики, такая постановка вопроса являлась более правильной²³.

«Положение об Особом отделе», представленное руководителем и консультантами отдела Военного контроля, фактически было известно и Аралову, и Вацетису, так как являлось лишь незначительно измененным «Положением о Военном контроле»: всего несколько дней назад они же поставили свои подписи под данным документом, утвержденным затем председателем РВСР и наркомом по военным и морским делам Л.Д. Троцким²⁴.

Преодолеть разногласия помогло бы общее совещание военных и чекистов. Но оно не состоялось, поскольку 18 декабря 1918 года, нарушив определенную конфиденциальность обсуждения вопроса о реорганизации Военного контроля, Лацис неожиданно выступил со статьей в самой влиятельной среди масс газете «Известия ВЦИК». Само название статьи «Трудноизлечимая язва» говорило о позиции автора. Отдавая себе отчет, что со статьей ознакомятся практически все руководящие партийные, советские и военные работники, в той или иной степени могущие повлиять на процесс слияния армейских чекистских органов с аппаратами Военного контроля, Лацис сознательно дискредитировал последние, используя отдельные факты предательства военных контрразведчиков²⁵.

Он представил Военконтроль чуть ли не филиалом разведки белогвардейцев, умолчав о том, что центральный аппарат ВК и подавляющее большинство его местных органов возглавляли представители правящей партии, зачастую такие же, как и сам Лацис, старые коммунисты²⁶. Многие положения статьи Лациса не просто глубоко ошибочны, как считает доктор исторических наук А.С. Велидов²⁷, а являются клеветническими. Статья явно предпослана заседанию Бюро ЦК РКП(б), намеченному на 19 декабря. Ведь именно на этом заседании предполагалось рассмотреть вопрос о слиянии Военного контроля с ВЧК.

Стенограмма указанного заседания Бюро ЦК РКП(б) не сохранилась. Неизвестно, кто делал доклад, каково содержание прений и прежде всего мнение Ф.Э. Дзержинского. Однако из решения Бюро видно, что участники высказали принципиальное несогласие с точкой зрения Лациса на использование отдельных военспецов в контрразведке, осудили его попытку опорочить деятельность сотрудников Военконтроля. В итоге было признано считать невозможной работу М.Я. Лациса в органах борьбы со шпионажем и контрреволюцией в армии²⁸.

Что же касается основной части рассмотренного вопроса, то Бюро ЦК РКП(б) постановило согласиться с выработанным при Реввоенсовете положением об объединении деятельности ВЧК и Военного контроля. Троцкому предлагалось переговорить с другими членами РВСР относительно кандидатуры Кедрова на должность заведующего Военконтролем²⁹.

Декабрьское решение Бюро ЦК РКП(б) исследователи процесса становления и развития органов госбезопасности в первые годы советской власти считают историческим, положившим конец затянувшемуся спору о месте и организационной форме военной контрразведки. И.И. Васильев предлагает признать 19 декабря 1918 года днем создания Особых отделов ВЧК³⁰.

Действительно, решение Бюро ЦК партии было исключительно важным во всех отношениях, но вопрос, к какому ведомству создаваемый объединенный орган должен был принадлежать, разрешен так и не был. В постановлении Бюро ЦК читаем о согласии с положением, выработанным при Реввоенсовете. Однако, как уже говорилось, положений было два (имеются в виду варианты М.Я. Лациса и В.Х. Штейнгардта с И.Д. Чинтуловым). На заседании Бюро ЦК партии 19 декабря предпринималась попытка синтезировать оба варианта, но за основу брался проект Военконтроля. Это подтверждается тем, что ВК не был признан бесполезной, а тем более наносящей вред Красной Армии организацией, чего добивался Лацис. Но об Особом или другом отделе Всероссийской чрезвычайной комиссии в постановлении не сказано. Кедров, представитель ВЧК, рекомендовался на должность заведующего именно Военным контролем³¹. Упомянувшийся уже нами ответственный сотрудник Особого отдела при ВЧК Зорин в одной из своих докладных записок указывал, что основное столкновение между руководством Военконтроля и ВЧК произошло позднее, уже в январе 1919 года³².

Таким образом, решение Бюро ЦК РКП(б) не устранило всех вопросов, не высказалось однозначно за передачу военной контрразведки в ВЧК³³.

29 декабря 1918 года консультант Регистрационного (разведывательного) управления РВСР офицер Генштаба Теодори подал рапорт Аралову (в копиях Троцкому и Свердлову) с обоснованием необходимости оставить контрразведывательную службу в ведении Реввоенсовета Республики и просил доложить его соображения В.И. Ленину³⁴. В своем рапорте Теодори отмечал, что на Военный контроль уже более месяца «ведется поход с целью его уничтожения. Эти усилия прилагаются людьми, не только не знающими сущности и работы ВК, но имеющими весьма слабые понятия о военном деле в его целом»³⁵.

Конечную цель этой атаки он видит в передаче функций Военконтроля в чрезвычайные комиссии. Теодори, исходя из того положения, что все в стране должно быть подчинено интересам обороны и доминировать должно именно военное ведомство — РВСР, предлагал следующее: срочно утвердить новое положение о Военном контроле; отменить все распоряжения, которые успела отдать комиссия Лациса — Землячки — Васильева; принять новый приказ о ликвидации (реализации) дел по шпионажу; выдать Военному контролю остаток денежных средств по утвержденной смете и, наконец, опубликовать в прессе сообщение о задачах Военного контроля для сведения всех организаций и лиц³⁶.

Прошло два дня, и 31 декабря Аралов получил сообщение о том, что у Кедрова, рекомендованного Бюро ЦК РКП(б) на пост заведующего Военным контролем, состоялась длительная беседа с Теодори и исполняющим обязанности начальника Военконтроля Штейнгардтом, а также консультантом Чинтуловым. Суть беседы свелась к тому, что Кедров считал утвержденное РВСР «Положение об Особом отделе» (т.е. незначительно измененное положение о ВК) условным и подлежащим изменению односторонним решением Коллегии ВЧК, а местные органы Особого отдела, по его мнению, следует полностью подчинить чрезвычайным комиссиям. Присутствовавшие на встрече не согласились с Кедровым и для окончательного решения вопроса просили Аралова прибыть из Серпухова в Москву на совместное совещание³⁷.

Вслед за этим сообщением 31 декабря приходит к Аралову телеграмма от Дзержинского. Ее текст подтверждает, что вопрос об Особом отделе окончательно к этому дню еще не был решен. Председатель ВЧК писал: «Ввиду необходимости вполне точно установить положение Особого отдела и внести дополнение прием дел Военного контроля откладывается. Необходим Ваш приезд»³⁸.

Судя по резолюции Аралова на первой телеграмме, совещание должно было состояться 2 января 1919 года.

На данном совещании руководитель ВЧК и член Реввоенсовета Республики смогли устранить многие противоречия и нашли компромиссные решения ради основной цели — объединения органов борьбы со шпионажем и контрреволюцией в Красной Армии.

Дзержинский уже на следующий день отбыл на Восточный фронт для расследования обстоятельств сдачи Перми, поэтому совместное решение двух ведомств в окончательном виде сформулировал уже Кедров. 4 января 1919 года он подписал и направил во все органы Военного контроля, губернские, фронтовые и армейские чрезвычайные комиссии приказ № 1 по Особому отделу Республики³⁹. В нем предлагалось на основе совместного постановления РВСР и ВЧК⁴⁰ немедленно приступить к слиянию как на фронте, так и в округах и губерниях аппаратов Военного контроля и военных отделов местных ЧК и образовать Особые отделы.

Основной задачей объединенного органа являлась борьба со шпионажем и контрреволюцией в частях и учреждениях армии. Поскольку выявление и пресечение разведывательной деятельности противника ставилось на первое место, то логично, что за основу организации Особых отделов бралась структура Военного контроля, а на должности руководителей назначались начальники соответствующих отделов ВК. В губерниях и округах предлагалось избрать заведующих Особыми отделами по соглашению между местной чрезвычайной комиссией и комитетом РКП(б) с последующим утверждением Особым отделом Центра⁴¹.

В соответствии с приказом Особые отделы должны были составить единую, строго централизованную систему. Военные комиссары округов и губерний могли давать Особым отделам лишь военные задания и контролировать их исполнение. Не опре-

делив взаимоотношения новых органов с реввоенсоветахми фронтов и армий, составители приказа допустили ошибку, и отрицательные последствия этого не замедлили сказаться. Кедров вынужден был обратиться к члену РВСР Аралову с письмом, где изложил факты вмешательства реввоенсоветов в работу Особых отделов, вплоть до самовольного освобождения арестованных⁴².

Понимая недопустимость подобных действий, Аралов в специальной шифротелеграмме дал разъяснение о том, что «фронтовые и армейские Особые отделы в административном и руководственном отношении подчиняются только центральному Особотделу в Москве, а потому в своей деятельности совершенно не зависимы от местных РВСов»⁴³. Со своей стороны Кедров еще раз указал начальникам Особых отделов, что они подчиняются исключительно Особотделу Республики⁴⁴.

Положения приказа № 1 нацеливали подчиненные органы на всемерное развитие активных (оперативно-розыскных) отделений и частей за счет сокращения численности административно-хозяйственных звеньев с целью поднять эффективность борьбы со шпионажем и контрреволюционными проявлениями. Однако одновременно из состава Особых отделов предписывалось выделить военную цензуру и ликвидировать следственные подразделения. На наш взгляд, это решение лишало создаваемые органы важных инструментов в их работе, так как и цензурирование почтовых отправок, и следствие давали информацию для проведения активных мероприятий. Из Особых отделов передавались штабам фронтов и армий аппараты агентурной разведки. В целом верное, но не получившее разъяснений решение привело на практике к ликвидации зафронтальной контрразведывательной работы, поскольку кадры и линии связи в тылу противника перешли в ведение воинских штабов, а задача проникновения в спецслужбы противника перед ними не ставилась⁴⁵.

Не владея в полной мере обстановкой на местах, Кедров приказал провести все организационные изменения в ускоренном темпе и завершить процесс объединения за десять дней. Фактически же создание единого органа растянулось на месяц⁴⁶. Однако и к этому времени не состоялось решения о принадлежности Особых отделов к системе ВЧК. Центральный аппарат органа борьбы со шпионажем и контрреволюцией в войсках продолжал носить название Особого отдела Республики.

Неопределенность порождала массу конфликтов как в центре, так и на местах. Ведь приказ Кедрова, строго говоря, мог и не выполняться. Решение о слиянии Военного контроля и Военного отдела ВЧК не было оформлено ни приказом РВСР, ни ВЧК. На это обстоятельство обратил внимание военный консультант теперь уже Особого отдела Чинтулов. Он писал в конце января Троцкому и члену РВСР Аралову: «Опыт истекающего месяца существования Особых отделов показывает, что неопределенность положения или, вернее, полное отсутствие положения, утвержденного и обязательного для Реввоенсоветов фронтов и армий и других органов государственного управления, приводит к постоянным недоразумениям. Эти недоразумения в большинстве сводятся к стремлению местных Реввоенсоветов подчинить себе Особые отделы»⁴⁷. Чинтулов, как известно, был не согласен с возможным вхождением Особых отделов в систему ВЧК.

Годовщина образования ВЧК ознаменовалась вступлением этой организации в полосу первого жесточайшего кризиса, когда встал вопрос о том, будет ли в прежнем виде существовать сама Всероссийская чрезвычайная комиссия. В январе 1919 года не только не затихла, но набирала новые обороты кампания против ВЧК. Острота критики усиливалась. В политику включались все новые лица, в том числе из высшего партийного эшелона. Некоторые руководящие большевистские деятели полагали законченной

самую опасную стадию борьбы с антиправительственными силами, и, следовательно, надобность в чрезвычайных комиссиях отпадала. Член Бюро ЦК РКП(б) и член Президиума ВЦИК Л.Б. Каменев 8 января направил В.И. Ленину проект резолюции о реформе революционных трибуналов и ЧК. В данном документе предусматривалось решение о немедленной ликвидации ВЧК и всех ее местных органов. Предлагалось передать функции борьбы с контрреволюцией революционным трибуналам, надзор за которыми сосредоточить в специальном отделе при ВЦИК⁴⁸. Категорически против такого решения выступил исполнявший обязанности руководителя ВЧК Я.Х. Петерс. 20 января он представил председателю СНК другой проект, где, в частности, предусматривалось не только сохранить ВЧК, но и сделать ее центральным органом для фронтовых ЧК, т.е. для Особых отделов⁴⁹. Свою позицию Я.Х. Петерс отстаивал и на заседании московского городского комитета РКП(б) 21 января. Резолюция в поддержку представленного им доклада была принята с перевесом всего в три голоса⁵⁰.

Через три дня «Известия» опубликовали постановление ВЦИК об упразднении уездных ЧК, что отдельными коммунистами расценивалось как начало демонтажа всей чекистской системы. 28 января руководители партийной организации ВЧК выступили в прессе с письмом, доказывая несправедливость многих нападок на ВЧК и утверждая свое ревностное исполнение всех директив РКП(б)⁵¹. Кроме того, ВЧК создала контрольно-ревизионную комиссию для разбора жалоб на деятельность отделов и конкретных сотрудников. Организация этой комиссии показала стремление чекистов оградить себя от огульной критики, сбить волну призывов к упразднению чрезвычайных органов.

В защиту ВЧК выступил и возвратившийся в Москву ее председатель Дзержинский. Он был явно обеспокоен тем, что даже член Бюро ЦК РКП(б)

И.В. Сталин, настаивая на ликвидации ВЧК, предлагал слить ее с Наркоматом внутренних дел, о чем написал в докладной записке на имя Ленина⁵².

На специально созванном 30 января заседании Московской городской партийной конференции Дзержинский выступил с докладом. Оценивая приведенные яростным противником ВЧК председателем Верховного революционного трибунала при ВЦИК Н.В. Крыленко документы как непроверенные и полученные от сомнительных лиц, руководитель ВЧК заявил, что борьба с ВЧК играет на руку врагам революции. Оппонируя Дзержинскому, Крыленко утверждал: «Впредь существующее положение ВЧК не может сохраняться; причиной этого были не те ошибки, которые там совершались, но тот факт, что сама организация чрезвычайных комиссий порождала эти ошибки и толкала на этот путь всех работников ЧК»⁵³.

В итоге большинство участников конференции не поддержало предложенную Дзержинским резолюцию, против нее высказались 98 из 123 голосовавших. Делегаты пришли к выводу, что необходимо изъять у ЧК право вынесения приговоров и оставить за ними только функции розыска, предупреждения и пресечения⁵⁴. Однако вопрос о ликвидации ВЧК и ее местных органов был снят и не дебатировался. Более того, прошло и предложение об одобрении общей политики ВЧК и рекомендовалось сделать то же самое и ЦК РКП(б)⁵⁵.

Основываясь на этом решении столичной партийной организации, чекисты могли надеяться на сохранение ВЧК. 3 февраля 1919 года Дзержинский рассмотрел разработанный Лацисом и Кедровым, утвержденный единогласно членами Президиума ВЧК проект «Положения об Особых отделах» и передал его для утверждения во ВЦИК. Через три дня, 6 февраля, на заседании Президиума ВЦИК Положение было одобрено и утверждено специальным постановлением⁵⁶.

Таким образом, объединению органов Военного контроля РВСР с военными аппаратами ВЧК и созданию Особого отдела при ВЧК была придана юридическая форма в виде решения высшего органа государственной власти. Постановление ВЦИК законодательно закрепило место Особых отделов в общей системе советского государственного аппарата, они официально признавались составной частью ВЧК. Это положило конец затянувшейся на несколько месяцев дискуссии. Именно на Всероссийскую чрезвычайную комиссию возлагалась обязанность через ее Особый отдел организовать борьбу с контрреволюционными проявлениями и шпионажем в армии и на флоте, контролировать работу в этой области местных органов.

К последним ВЦИК отнес соответствующие аппараты в действующих войсковых объединениях (фронтowych и армейских), а также Особые отделы губернских чрезвычайных комиссий. Следует отметить, что в отличие от текста приказа № 1, подписанного Кедоровым месяцем ранее, в Положении уже не упоминалось об Особых отделах военных округов, хотя военно-административное деление страны сохранялось⁵⁷. Продолжали действовать лишь фронтowe, армейские и губернские аппараты, которые непосредственно подчинялись Особому отделу при ВЧК. Революционный военный совет Республики, РВС действующих войск и местные военные комиссариаты сохраняли за собой контроль над Особыми отделами, однако лишь в части, касающейся исполнения отдельных заданий, которые они давали чекистским органам.

Заведующим Особым отделом при ВЧК назначался один из членов коллегии Всероссийской ЧК по согласованию с РВСР, хотя, как указывалось в примечании к соответствующему пункту Положения, высший военно-политический орган страны имел право предложить своего кандидата на данную должность⁵⁸.

В постановлении ВЦИК подчеркивалось, что внесение любых изменений в «Положение об Особых отделах при ВЧК» и их внутреннюю конструкцию допускается исключительно по соглашению двух центральных органов — Всероссийской ЧК и Реввоенсовета Республики. Все учредительные документы об Особых отделах и органах Военного контроля, кем-либо изданные до опубликования указанного выше Положения, отменялись.

Принимая свое решение, Президиум ВЦИК не обозначил дату публикации такого важного документа в газетах. Препятствием к этому являлась необходимость рассмотрения и перераспределения полномочий чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов по вопросу вынесения приговоров и ведения следствия⁵⁹.

17 февраля 1919 года ВЦИК утвердил постановление о правах ВЧК и ревтрибуналов, которое внесло существенные дополнения и развивало положение о Всероссийской чрезвычайной комиссии от 28 октября 1918 года.

Теперь право вынесения приговоров по всем делам, возникающим в чрезвычайных комиссиях, а следовательно, и в Особых отделах, передавалось реорганизованным ревтрибуналам. Однако у чекистских органов не изымались следствие и право непосредственной расправы при наличии вооруженного выступления⁶⁰.

21 февраля 1919 года данный правовой акт с санкции ВЦИКа опубликовал его официальный печатный орган. Одновременно в этом же номере «Известий» было помещено и постановление об Особых отделах при ВЧК⁶¹.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что после продолжительных дискуссий и ведомственных согласований контрразведка была включена в чекистскую систему. В утвержденном Президиумом ВЦИК «Положении об Особом отделе» прямо указы-

валось, что он создается при ВЧК. Однако военная разведка оставалась в Полевом штабе РСФСР.

Становление и развитие Особого отдела ВЧК в годы Гражданской войны

В исторических исследованиях 1919 год часто называют годом решающих побед Красной Армии. И это действительно так. Однако надо отметить, что в этот период Советское государство не раз попадало в критическую ситуацию, и контролируемая большевистским правительством территория сжималась как шагреновая кожа.

Провал открытой военной интервенции в 1918 году не означал, что попыток свергнуть советскую власть предпринято больше не будет. Антантовские руководители убедились лишь в одном: их собственные войска не могут активно использоваться в России в силу многих причин, в том числе из-за широкого недовольства интервенционистской политикой в своих странах и разложения войсковых частей, находившихся в нашей стране. Выступая на заседании Совета десяти в Париже 21 января 1919 года, премьер-министр Англии Ллойд-Джордж заявил: «Если Британия попытается послать новые войска в Россию, они восстанут»⁶². Его прогноз оказался правильным. Подтверждением тому было восстание во французском флоте в апреле 1919 года, которое подтолкнуло французское командование к эвакуации своих войск из Севастополя и Одессы.

В силу указанных обстоятельств главная роль в борьбе с большевистским режимом отводилась вооруженным силам белогвардейских правительств и армиям приграничных буржуазных государств, таких как Польша и Румыния, а также Литва, Латвия, Эстония, на территории которых с помощью интервентов удалось свергнуть советскую власть. Союзники обещали им широкомасштабную поставку оружия, боеприпасов, снаряжения.

Конечно же, основной ударной силой являлись войска адмирала А.В. Колчака, генералов А.И. Деникина и Н.Н. Юденича.

Ранней весной начался колчаковский поход на Москву. И уже к середине апреля, понеся большие потери, советские войска оставили противнику территорию в 290 600 км² с населением в 5043 тысячи человек⁶³. В это же время части атамана А.И. Дутова перерезали железную дорогу между Оренбургом и Актюбинском и во второй раз изолировали Туркестан от России. Только к маю, накопив необходимые резервы, части Красной Армии перешли в контрнаступление на Восточном фронте и в декабре дошли до Иркутска. Колчаковский фронт перестал существовать.

Непростое положение сложилось в полосе действий армий Западного фронта. Под давлением превосходящих сил противника части Красной Армии были вынуждены к июлю 1919 года отступить из Прибалтики, а развернувшееся в Белоруссии наступление польских войск удалось остановить только в августе.

Однако в результате маневра силами, переброски на Западный фронт подкреплений советское командование смогло переломить ситуацию. Удалось успешно отразить два наступления армии Юденича на Петроград и в итоге разгромить ее⁶⁴.

В мае 1919 года тяжелое положение создалось на Южном фронте. Наступление войск фронта практически захлебнулось, и деникинцы сами начали наступать. Под их контролем оказались Донская область, Донбасс, Харьков, Белгород, Царицын. Предпринятые в августе контрудары несколько улучшили обстановку, но основные силы деникинцев вновь двинулись вперед, взяли Киев, Одессу, Курск, Воронеж, Орел. Впереди была заветная цель белых — Москва. Но красные войска активно сопротивлялись и в октябре сами предприняли наступление. К началу 1920 года Добровольческая армия уже не представляла реальной силы⁶⁵.

В течение 1919 года исключительно сложной была обстановка с точки зрения действий антисоветских сил внутри страны, а также в рядах Красной Армии и Флота. Всякий раз при наступлении белогвардейских армий контрреволюционные элементы активизировали свою деятельность, организовывали диверсии на коммуникациях, уничтожали запасы боеприпасов, путем соответствующей агитации добивались перехода на сторону противника целых подразделений. Удачно подготовленный военный заговор, особенно в крупных городах и столице, мог в корне изменить ситуацию.

Достаточно указать на мятежи на фортах Красная Горка, Серая Лошадь и Обручев, оборонявших подступы к Кронштадту и Петрограду. Своевременная ликвидация крупнейшей подпольной организации «Национальный центр» («НЦ») и ее боевой структуры «Штаб Добровольческой армии Московского района» устранила серьезную и абсолютно реальную угрозу безопасности центральных партийных, правительственных и военных органов. Среди многочисленных документов, захваченных чекистами, было и донесение «НЦ» деникинскому штабу, где ставился вопрос о необходимости скоординировать действия с наступавшими белыми войсками⁶⁶. Организация имела разветвленную агентурную сеть в штабах и частях Красной Армии.

Достигнуть успехов в борьбе с внешним и внутренним противником стало возможным только в результате крайнего напряжения сил в оборонной сфере, реального превращения страны в военный лагерь. Решающим фактором в этом отношении было форсированное укрепление Красной Армии, резкое повышение ее боеспособности. Если весной 1919 года в Красной Армии находилось около 1800 тыс. человек⁶⁷, то к декабрю уже 3 млн⁶⁸. В распоряжении Реввоенсовета Республики имелись 61 стрелковая и 12 кавалерийских дивизий, а также сводный конный корпус⁶⁹.

Для дальнейшего строительства армии огромное значение имели решения VIII съезда РКП(б), в том числе о переходе от политики нейтрализации среднего крестьянства к тесному союзу с ним. На съезде в качестве самостоятельного пункта повестки дня рассматривался вопрос: «Военное положение и военная политика»⁷⁰.

Принятая по нему резолюция отразила основные направления дальнейших действий большевистской партии, очередные и перспективные задачи укрепления армии и флота. Предлагалось, в частности, проводить классовый принцип мобилизации в армию, продолжать активно привлекать военных специалистов, совершенствовать и усиливать контроль за ними с целью не допустить их измены советской власти⁷¹. Стратегические решения съезда неуклонно проводились в жизнь, тактика же их реализации нуждалась в необходимых коррективах, диктуемых обстановкой на фронтах и в тылу.

В поле зрения партийного и военного руководства постоянно находились и вопросы укрепления дисциплины в армии, борьбы с массовым дезертирством, подготовки красных командиров, укрепления органов снабжения и многие другие.

В истории строительства вооруженных сил Советской Республики в годы Гражданской войны особое значение имеет Пленум ЦК РКП(б), который состоялся 3—4 июля 1919 года. Наряду с общеполитическими на нем рассматривались 19 военных вопросов. Участники заседания, в частности, решили: сменить главкома, переместить аппарат РВСР и Полевой штаб из Серпухова в Москву, поручить Оргбюро подобрать работников для Особого отдела, назначить новых командующих Восточным, Южным и Западным фронтами, усилить составы некоторых фронтовых и армейских реввоенсоветов, решительно реорганизовать Реввоенсовет Республики, сократив его состав до шести фактически работающих в нем членов⁷².

Такие действия отвечали требованиям обстановки и обеспечили необходимые предпосылки повышения эффективности работы всего комплекса органов по руководству обороной страны и управления ее вооруженными силами. Слаженнее и активнее стал действовать РВСР, между членами которого были четко распределены обязанности⁷³. После осуществленной в начале июля 1919 года реорганизации РВСР центральный аппарат руководства советскими войсками уже никаким существенным изменениям не подвергался до полного окончания Гражданской войны⁷⁴.

Одновременно с совершенствованием органов военного управления шло становление и развитие Особых отделов и Управления Особого отдела при ВЧК, в частности. Наладка столь важного механизма проводилась, что называется, на ходу. Серьезнейшее положение на фронтах не давало времени на раскачку, на составление четкого долгосрочного плана, что не исключало серьезных издержек и перекосов.

Как уже отмечалось, Особый отдел с февраля 1919 года стал одним из подразделений Всероссийской ЧК, на которую возлагалось общее руководство борьбой с контрреволюцией и шпионажем в армии и на флоте, а также финансирование всей системы Особых отделов в работе.

Вместе с тем Особый отдел с самого начала своего функционирования занял обособленное положение и пользовался значительно большей самостоятельностью и влиянием среди других отделов. И для этого имелись объективные основания. Во-первых, только Особый отдел действовал на основе утвержденного высшим органом государственной власти Положения о нем. Во-вторых, кандидатура заведующего отделом в обязательном порядке согласовывалась с военным ведомством, а конкретно с Реввоенсоветом, который имел право выдвигать своего кандидата. Кроме того, РВСР мог давать Особотделу

поручения, минуя Коллегию ВЧК и ее председателя, и контролировать ход их выполнения. В-третьих, отдел представлял собой высший орган разветвленной и поначалу строго централизованной системы, охватывающей все оперативные, а также административные функции в области выявления и пресечения шпионских и контрреволюционных проявлений в военной среде на фронте и в тылу. В-четвертых, в условиях усиленного натиска белогвардейских войск боеспособность и безопасность Красной Армии стали первостепенным фактором, которому пристальное внимание уделяли высшие государственные и партийные органы. В связи с этим авторы организационной части «Отчета ВЧК» совершенно справедливо указали на то, что «центр тяжести работы переносится на Особый отдел»⁷⁵. Другие подразделения ВЧК уходили как бы на второй план.

Наряду с объективными факторами, определившими роль и место Особотдела в общей системе Всероссийской чрезвычайной комиссии, существовали и субъективные. Не принимая их во внимание, трудно объяснить отдельные, но существенные моменты в организационном строительстве, кадровой политике и оперативно-следственной деятельности Особого отдела при ВЧК, а также и его периферийных органов. Прежде всего они были связаны с руководителем аппарата М.С. Кедровым, его завышенной самооценкой, конфликтностью, стремлением к расширению своих прав и фактической неспособностью применить их для созидательной работы.

Победив при активной поддержке Ф.Э. Держинского в принципиальном споре с РВСР по поводу ведомственной принадлежности Особого отдела, Кедров с первых месяцев 1919 года стремился достичь фактической независимости возглавляемого им органа теперь уже от самого председателя и Президиума ВЧК, лишь формально сохраняя отдел в общей чекистской системе.

Проявления эти были многообразными. К примеру, несмотря на то, что должность Кедрова (согласно Положению) именовалась «заведующий», уже в феврале все официальные документы он подписывает как «Председатель», а отдел стал именоваться «Управлением Особого отдела при ВЧК»⁷⁶. Кедрова устраивало и то, что всю первую половину 1919 года Особый отдел территориально находился отдельно от всего аппарата ВЧК, в помещении бывшего Военного контроля РСФСР⁷⁷. Внешние признаки отражали общую направленность местнической политики Кедрова.

Для борьбы с сепаратистскими явлениями, а также различными недостатками в работе отделов могла бы служить Контрольно-ревизионная коллегия (КРК) при ВЧК, которую в январе 1919 года предполагалось реорганизовать в орган внутриведомственного контроля⁷⁸. Она предназначалась для контроля деятельности подразделений ВЧК, отдельных ее сотрудников и устранения недостатков через Президиум. Однако проект реализован не был, так как советское правительство признало необходимым ликвидировать контрольные органы в центральных государственных учреждениях. 17 февраля 1919 года КРК пришлось упразднить⁷⁹, и ее функции перешли в основном к органам Рабоче-крестьянской инспекции и частично к Инструкторскому отделу ВЧК, который в силу своего статуса не мог как-либо влиять на Особый отдел и его руководство.

Реальная обособленность одного из подразделений стала беспокоить членов Президиума ВЧК, и они принимали необходимые меры к ликвидации сложившегося положения.

18 февраля 1919 года Дзержинский потребовал от Кедрова доложить на заседании Президиума ВЧК о проделанной работе⁸⁰. Еще через две недели Президиум внес в повестку дня своего заседания вопрос «Об оторванности и безотчетности Особого отдела»⁸¹. Такая острая формулировка, несомненно, имела под

собой почву, и, рассмотрев ситуацию, участники заседания поручили заместителю председателя ВЧК И.К. Ксенофонтову лично сноситься с М.С. Кедровым. Данное решение необходимо рассматривать как форму внутриведомственного контроля.

Предпринятые чекистским руководством шаги в некоторой степени повлияли на председателя Особого отдела, и последний в течение марта-апреля несколько раз выступал с отчетами о деятельности подчиненного аппарата.

Однако следует иметь в виду, что протоколы заседаний Президиума ВЧК велись конспективно. В подавляющем большинстве случаев в них не содержится даже изложения выступлений, высказываний оппонентов, поэтому практически невозможно установить, насколько полными были доклады Кедрова, каких конкретно проблем они касались, какова была реакция присутствовавших. В постановляющей части лишь отмечалось, что доклад принимается к сведению⁸².

Учитывая, что в условиях войны важность своевременной информации со стороны органа, ведущего работу в армии и на флоте, исключительно велика, Дзержинский 3 мая предложил на заседании Организационного бюро, «чтобы представитель Особого отдела ВЧК еженедельно делал доклады члену ЦК Сталину для доклада Оргбюро или непосредственно Оргбюро»⁸³. Присутствовавшие единогласно поддержали председателя ВЧК и постановили известить об этом Кедрова.

Намерением расширить зону контроля за Особым отделом продиктовано было и решение, принятое Президиумом 27 июня 1919 года. В нем указывалось, что Особый отдел обязан доставлять в Президиум ВЧК подготовленные им сводки, а также копии показаний арестованных по наиболее важным делам⁸⁴.

Одновременно с усилением внутриведомственного контроля Дзержинский предпринял ряд решений в кадровой сфере. Он, в частности, поддержал пред-

ложение заведующего секретно-оперативным отделом М.Я. Лациса и провел через Президиум ВЧК назначение бывшего руководителя чрезвычайной комиссии 5-й армии, а затем Уфимской ЧК И.П. Павлуновского вторым заместителем Кедрова⁸⁵. Чтобы укрепить влияние на Особый отдел, Дзержинский добился принятия ЦК РКП(б) постановления о включении в состав Коллегии ВЧК первого заместителя председателя Особотдела А.В. Эйдука с одновременным назначением его заведующим одним из основных подразделений чекистского ведомства — секретно-оперативным отделом⁸⁶. В конце марта 1919 года ЦК РКП(б), а затем и Совнарком постановили ввести в состав новой Коллегии ВЧК и самого Кедрова, реализовав тем самым (пусть и с опозданием) один из пунктов «Положения об Особых отделах при ВЧК», где указывалось, что заведовать их центральным аппаратом должен член Коллегии⁸⁷.

Поднятие статуса руководителей Особого отдела определенным образом повлияло на постепенное затухание местнических тенденций с их стороны. Этому же способствовало и открытие финансирования отдела из общей сметы ВЧК. Удалось погасить его задолженность другим ведомствам и прежде всего РВСР, которая составила к концу апреля 1919 года значительную сумму⁸⁸.

Таким образом, путем организационных, кадровых и финансовых мер Дзержинский сумел поднять уровень управляемости Особым отделом, реально подчинить его деятельность общей работе ВЧК по борьбе с посягательствами на советскую власть, обороноспособность страны.

Однако более радикально искоренять ведомственный сепаратизм стало возможным лишь после устранения Кедрова с поста председателя Особого отдела. На заседании Организационного бюро ЦК РКП(б) 18 августа 1919 года Дзержинский был утвержден на эту должность, оставаясь одновременно и председателем всей ВЧК⁸⁹.

Подводя итог рассмотрению положения Особого отдела среди других подразделений ВЧК, объективно сложившейся и усиленной субъективными факторами его обособленности, следует подчеркнуть, что Президиум Всероссийской ЧК как рабочий руководящий орган не проявил должной настойчивости и в итоге не добился надлежащего влияния на Особый отдел. Это отрицательно сказалось на совершенствовании его структуры, подборе, расстановке и воспитании кадров, координации усилий с коллективами секретно-оперативного, транспортного, следственного и иногороднего отделов ВЧК.

Изучение протоколов заседаний Президиума ВЧК показывает, что на рассмотрение выносились наиболее актуальные вопросы, как то: назначение и перемещение сотрудников (прежде всего руководящего звена), ход расследования уголовных дел, утверждение приговоров местных органов о высшей мере наказания, организация и реорганизация отделов центрального аппарата ВЧК, отчеты о проведенных инспекционных поездках в губернские ЧК, разбор правонарушений со стороны сотрудников и принятие к ним соответствующих мер.

Особый отдел выпадал из общего ряда. Подтверждением тому служит следующее: в первой половине 1919 года на состоявшихся 67 заседаниях (в повестке дня каждого — от 2 до 15 и более пунктов) вопросы, имеющие прямое отношение к армейским чекистам, ставились Президиумом всего 17 раз. Из них организационно-штатные — 7, назначение руководящего состава — 1, поручения и запросы — 5. В то время как руководители других отделов ВЧК выступали на Президиуме ВЧК по несколько раз в месяц, Кедров и его заместители отчитывались о проделанной работе в указанный выше период лишь 4 раза⁹⁰. И это при том, что в отличие от некоторых подразделений (секретно-оперативного, транспортного, иногороднего, следственного) Особый отдел был образо-

ван только в январе и проходил стадию организационного становления, укомплектования штатами.

Несколько изменилось положение во втором полугодии, в основном за счет рассмотрения вопросов кадрового пополнения Особого отдела Московской ЧК.

До назначения Дзержинского председателем Особого отдела руководители этого подразделения ВЧК присутствовали на заседаниях (их состоялось 104) не более 20 раз⁹¹. Во многом это недоработка членов Президиума, поскольку своим решением они обязали постоянно присутствовать только заведующих секретно-оперативным и инструкторским отделами. Остальные приглашались по мере надобности⁹². Не рассматривалось и назначение председателя Особотдела ВЧК постоянным членом Президиума⁹³.

Не был достигнут должный уровень взаимодействия между Особым отделом и РВСР. В Положении прямо указывалось, что Особый отдел при ВЧК находится под контролем Революционного военного совета Республики и выполняет все его задания⁹⁴. Такое решение ВЦИК определялось тем, что РВСР с момента своего создания в сентябре 1918 года фактически являлся высшим органом военного управления и политического руководства войсками. Организационные и многие другие мероприятия РВСР осуществлял, как правило, в правовой форме. Он издавал приказы, постановления и иные акты, регламентирующие процесс строительства и укрепления армии, ее боевую деятельность, права и обязанности военнослужащих и т.д.⁹⁵ РВСР руководил и высшим судебным-следственным учреждением армии — Революционным военным трибуналом Республики (РВТР)⁹⁶.

Казалось бы, согласившись с передачей военной контрразведки во Всероссийскую ЧК, скрепив своими подписями проект «Положения об Особых отделах», утвержденный затем ВЦИК, руководители РВСР и прежде всего народный комиссар по военным делам и председатель РВСР Троцкий должны

были реально влиять на структуру, кадры, финансирование, а главное, на практическую деятельность отдела, протекавшую преимущественно в военной среде. Однако в действительности все обстояло иначе. Большую часть членов РВСР первоначально составляли крупные военные работники фронтового и армейского звена, которые редко приезжали в столицу для участия в заседаниях. В первой половине 1919 года на заседаниях РВСР К.А. Мехоношин и А.П. Розенгольц присутствовали по одному разу, А.И. Окулов — 2, а К.Х. Данишевский, И.Н. Смирнов, К.К. Юренев, Н.И. Подвойский, В.А. Антонов-Овсеенко и И.В. Сталин не были вообще⁹⁷. Иногда в заседаниях участвовали всего 2 человека. Те из членов РВСР, кто входил в «московскую» группу, были перегружены решением текущих проблем непосредственно военного строительства, обеспечения всем необходимым вооруженных сил. Даже на обсуждение проблем боеспособности, боевой подготовки войск и методов боевых действий у них почти не оставалось времени⁹⁸.

К числу вопросов, наименее удостоившихся внимания высшего военного органа, относилась борьба с контрреволюционными проявлениями и шпионажем в армейской среде. Изучение протоколов заседаний РВСР за 1919 год, обнаруженных в Российском государственном военном архиве, показывает, что в повестках дня только 7 раз Особые отделы фигурируют в той или иной связи⁹⁹. Правда, во всех случаях инициатором обсуждения являлись члены Реввоенсовета. За целый год не было ни одного случая участия руководителей Особого отдела ВЧК или их представителей в заседаниях. Информационные сводки Особого отдела ВЧК стали поступать в РВСР лишь с июля 1919 года¹⁰⁰.

Председатель Реввоенсовета Троцкий не имел реальной возможности оказывать постоянное влияние на функционирование Особого отдела ВЧК, находясь в длительных поездках по фронтам. Он месяцами не

присутствовал даже на заседаниях РВСР, главой которого был¹⁰¹. Поэтому еще 26 декабря 1918 года, то есть за несколько дней до появления упоминавшегося нами циркулярного приказа № 1 о создании Особого отдела, РВСР принял следующее постановление: «М.С. Кедров назначается начальником управления Особого отдела. Общее руководство Особым отделом по указанию РВСР лежит на обязанности члена РВСР С.И. Аралова, входящего постоянным членом с правом решающего голоса в коллегия ВЧК»¹⁰².

На наш взгляд, такое решение создавало реальный механизм не только влияния Реввоенсовета на организационную, оперативно-розыскную, следственную и иную деятельность Особого отдела, но и тесной увязки работы последнего с другими подразделениями ВЧК, проведения единой политики в области борьбы со шпионажем и контрреволюцией в Красной Армии.

Однако постановление РВСР в жизнь проведено не было из-за упорного сопротивления чекистов. После утверждения ВЦИК «Положения об Особых отделах при ВЧК» Троцкий направил в Москву телеграмму, в которой говорилось, что «члену РВСР т. Аралову поручается наблюдение над работой Особого отдела»¹⁰³. Как видно из приведенного текста, речь уже не идет ни об общем руководстве, ни о вхождении военного представителя в Коллегию ВЧК. Все это заменено расплывчатым термином «наблюдение», предопределившим пассивную позицию РВСР по отношению к Особому отделу. И все же наблюдение несет в себе элемент участия в происходящем. Но мог ли Аралов, находясь постоянно в подмосковном городе Серпухове, где располагались аппарат РВСР и Полевой штаб, руководя оперативным управлением, военно-политическим отделом, военной разведкой, являясь комиссаром штаба и членом Военно-революционного трибунала Республики¹⁰⁴, реализовать указание Троцкого? Практика показала, что в

силу указанных обстоятельств наблюдение за деятельностью Управления Особого отдела при ВЧК со стороны РВСР свелось в основном к запросам информации о причинах арестов тех или иных военнослужащих, разрешению различных конфликтных ситуаций, оказанию содействия в разъяснении местным военно-политическим органам роли Управления Особого отдела при ВЧК.

Так, например, в феврале 1919 года Аралов и Кедров совместно разбирались с затяжным конфликтом между членами РВС Южного фронта и руководителем Особого отдела Бруно. Военные настаивали на его замене и присылке ответственного сотрудника Управления Особого отдела при ВЧК для урегулирования всех вопросов взаимоотношений с особистами¹⁰⁵. В результате Бруно был отозван в Москву.

Председатель РВСР Троцкий через Реввоенсовет и даже через ЦК РКП(б) не раз протестовал по поводу арестов Особыми отделами крупных военных чинов, таких, к примеру, как комбриг Афонский, член РВС Западного фронта Семашко и штабной работник Кутырев¹⁰⁶. Управление Особого отдела каждый раз представляло соответствующие разъяснения, а в необходимых случаях рекомендовало местным органам отменить принятые к военнослужащим меры пресечения¹⁰⁷.

В свою очередь Управление Особого отдела при ВЧК инициативно информировало РВСР и его председателя, в частности, о проведении наиболее крупных операций. В качестве примера можно привести рапорт Дзержинского и заместителя председателя Особотдела И.П. Павлуновского о раскрытии заговора в Полевом штабе¹⁰⁸.

Чтобы укрепить контакт РВСР с УОО при ВЧК, на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) было принято решение назначить подчиненного Реввоенсовету заместителя председателя РВТР Б.В. Леграна одновременно и заместителем председателя Особого отдела¹⁰⁹. Позднее, по настоянию Троцкого, ЦК РКП(б) при-

нял специальное решение, где говорилось следующее: «Поручить т. Дзержинскому сообщить всем членам Особого отдела, чтобы они знакомили т. Леграна с делами и документами всякий раз, когда т. Троцкий поручает ему выяснение того или иного дела»¹¹⁰.

РВСР в ряде случаев готовил рекомендации по организационно-штатным вопросам, касающимся самого Особого отдела ВЧК, а также его местных органов. Делалось это, как правило, по поручению высших партийных и государственных учреждений.

В марте 1919 года открылся VIII съезд РКП(б). Как известно, одним из основных вопросов, рассмотренных делегатами, был военный. В ходе выступлений выявились различные точки зрения на такие аспекты строительства Красной Армии, как использование военных специалистов, выборность командного состава, содержание и формулировки уставов, руководство всеми вооруженными силами из единого центра. Многие военные коммунисты требовали усиления роли и расширения самостоятельности реввоенсоветов фронтов и армий. В итоге съезд утвердил ряд практических мер в военной сфере, в том числе о спешной переработке положения о комиссарах и реввоенсоветах с точки зрения более точного определения их прав¹¹¹. Это был шаг в сторону удовлетворения требований группы делегатов, составивших «военную оппозицию». Один из выступавших от указанной группы, член партии с дореволюционным стажем, комиссар 1-й армии Восточного фронта К. Козлов поднял вопрос и об Особых отделах. Он заявил, что «они совершенно не соответствуют своему назначению»¹¹². По мнению оратора, такое положение возникло из-за действий ВЧК, не согласованных с Реввоенсоветом. Его поддержал делегат от 4-й армии, утверждавший, что Особые отделы арестовывают не белогвардейцев, а коммунистов и рядовых солдат¹¹³.

Среди участников заседания военной секции не было сотрудников Особых отделов и вообще ВЧК¹¹⁴.

По имеющимся сведениям, председатель Особого отдела Кедров присутствовал в качестве гостя на съезде¹¹⁵, но он не был приглашен для необходимых разъяснений, а сам инициативы в этом не проявил. Делегат съезда с решающим голосом Дзержинский также остался в стороне от обсуждения военных мер.

В итоге в перечне практических мер появился следующий пункт, гласивший: «Признать необходимым подчинение “Особых отделов” армии и фронтов соответственно комиссарам армии и фронтов, оставив за “Особым отделом” Республики функции общего руководства и контроля над их деятельностью»¹¹⁶.

Решение высшего органа большевистской партии состоялось, и дальше речь могла идти только о механизме его реализации. За разработку его взялись в ВЧК и РВСР. По разным причинам проект постановления Совета обороны (а именно в такую правовую форму предполагалось облечь указание съезда РКП) удалось подготовить лишь через месяц.

Дзержинский и Кедров предложили свой вариант, в котором требование о подчинении Особых отделов соответствующим реввоенсоветам трансформировалось в «контроль и наблюдение за деятельностью»¹¹⁷. Данная формулировка, естественно, больше устраивала чекистов, не сумевших продвинуть ее на партийном съезде. Кроме того, они предложили отметить, что Особому отделу ВЧК предоставляется право отвода назначенного в указанных целях члена реввоенсовета. Тезис об оставлении за УОО ВЧК только общего руководства фронтовыми и армейскими органами вообще не нашел отражения.

Аппарат РВСР и лично Аралов не согласились с чекистским проектом. Участник, а зачастую и председатель всех комиссий по вопросу о военной контрразведке, не так давно вынужденный уступить ВЧК в споре о ее ведомственной принадлежности, он отчетливо понимал, что в случае разрушения централизованной системы резко снизится значение и вли-

яние Управления Особого отдела и вообще ВЧК в каких-либо военных вопросах. В этом, несомненно, был заинтересован и председатель РВСР Троцкий. В одной из записок, направленных в РВСР для передачи в ЦК РКП(б), он писал: «Поскольку Особый отдел считает себя независимым от столь властных авторитетных органов, как Реввоенсоветы, Особые отделы впадают в оппозицию, занимаются мелким интриганством»¹¹⁸. Глава РВСР крайне негативно оценил деятельность Особого отдела Южного фронта, когда получил от него докладную записку с обвинениями членов реввоенсовета фронта И.И. Ходоровского и А.Л. Колегаева, а также начальника политотдела в предательстве¹¹⁹. Такое положение вещей Троцкий относил за счет оторванности центрального и местных Особых отделов от РВС, отсутствие их подчиненности военно-политическим органам.

Поэтому Аралов кардинально переработал поступивший из ВЧК проект и подготовил свой вариант. Приведем его основные положения. Во-первых, Особые отделы фронтов и армий непосредственно должны подчиняться одному из членов соответствующего реввоенсовета; во-вторых, реввоенсоветам предоставлялось право отвода заведующих Особыми отделами; в-третьих, реввоенсоветам предлагалось срочно назначить одного из своих членов для руководства «своим» Особым отделом, о чем следовало поставить в известность УОО ВЧК¹²⁰.

Почти до середины мая проходило согласование единого проекта постановления. Чекистам удалось снять ряд позиций. В частности, они смогли отстоять крайне важное право назначения и освобождения от должности руководителей Особых отделов фронтов и армий, чтобы за счет их двойной зависимости (от УОО ВЧК и РВС) сохранить централизованную систему, пусть и в ослабленном виде.

13 мая 1919 года Совет Обороны принял подготовленное РВСР, но с серьезными поправками ВЧК по-

становление о подчиненности Особых отделов¹²¹. Оно вводилось в действие по получению телеграфного сообщения.

Однако военные на этом не успокоились. На объединенном заседании Политического и Организационного бюро ЦК РКП(б), в котором участвовали два члена РВСР (председатель РВСР Троцкий и начальник политуправления Л.П. Серебряков), но не было ни одного представителя ВЧК, принимается решение, окончательно подорвавшее централизацию Особых отделов. Военные добились права для реввоенсоветов назначать и увольнять заведующих этих органов¹²². Более того, Оргбюро ЦК и Дзержинскому поручалось «найти ответственных руководителей для Особого отдела ВЧК»¹²³. Здесь явно речь шла о желательности замены Кедрова.

Дело в том, что председатель Особого отдела ВЧК уже в мае 1919 года вместо кропотливой работы по укреплению и совершенствованию центрального аппарата, разработки стратегических вопросов деятельности всей системы по борьбе со шпионажем и контрреволюцией в военной среде, налаживания устойчивой связи с подчиненными органами, совершенствования правовой базы и многих других вопросов сформировал специальный поезд и курсировал в нем по Западному и Южному фронтам, явно подражая Троцкому¹²⁴. Находясь в Петрограде в июне 1919 года, он лично участвовал в оперативных мероприятиях, вплоть до обысков в домах и иностранных миссиях¹²⁵. После Петрограда Кедров выехал в Вологду. Действовал он решительно, проводя массовые облавы, обыски и аресты в духе времен красного террора¹²⁶. После северных районов председатель Особого отдела ВЧК двинулся на Южный фронт. После нескольких дней пребывания во фронтовой зоне на его деятельность обратил внимание Троцкий. Давняя неприязнь между ними вылилась в данном случае в телеграмму председателя РВСР, адресованную В.И. Ленину, членам руководящих орга-

нов ЦК РКП(б) Е.Д. Стасовой и Н.Н. Крестинскому. По данным Троцкого, руководитель Особого отдела производил аресты ответственных военных без согласия и предварительного уведомления Реввоенсовета, что приводило к дезорганизации. Глава РВСР своим решением освободил большинство из них. В заключение он писал: «Предлагаю немедленно отозвать Кедрова, в случае дальнейших его дезорганизаторских действий буду вынужден выслать его из пределов Южфронта»¹²⁷.

Таким образом, к июлю 1919 года Кедров фактически углубил конфликт с председателем РВСР и влиятельнейшим членом Политбюро ЦК РКП(б), с одной стороны, и не приобрел поддержки у членов Коллегии и Президиума Всероссийской ЧК — с другой. Учитывая это, 18 августа 1919 года Организационное бюро ЦК РКП(б) приняло решение утвердить Дзержинского в должности председателя Особого отдела¹²⁸.

Приход к руководству отделом главы всей ВЧК создавал предпосылки к более полному «встраиванию» армейских чекистов в общую работу Комиссии, укреплению управляемости им.

Постепенно происходило формирование внутренней структуры Особого отдела. Согласно Положению на центральный аппарат Особого отдела ВЧК возлагались три основные задачи, которые во многом определяли его правовое положение. От них зависело определение места отдела в системе ВЧК и вообще военных органов. От решаемых задач зависело также определение круга прав и обязанностей Особого отдела ВЧК. Задачи были следующие: оперативный розыск, производство следствия и всех связанных с ним действий и организационно-инспекторская работа. В этом отношении Особый отдел при ВЧК практически не отличался от отдела Военного контроля РВСР, на базе которого фактически и был сформирован¹²⁹. Сохранение задач ОВК РВСР за Особым отделом предопределило и внутреннюю струк-

туру последнего. Каких-либо кардинальных изменений она не претерпела. Подразделением, ведущим оперативно-розыскную работу, осталось активное отделение. Основная часть его сотрудников была задействована в добывании так называемой общей информации, то есть выявлении лиц, проводящих антиправительственную агитацию, нелегальных групп различной направленности, получении сведений о моральном состоянии личного состава частей и учреждений Красной Армии¹³⁰. Один из помощников начальника отдела занимался исключительно контрразведкой, организуя обслуживание иностранных дипломатических и иных правительств, различных комиссий, носящих международный характер, а также всех центральных советских учреждений, включая и Наркомат иностранных дел. На активное отделение возлагалась также задача по созданию и руководству работой агентуры за границей и в оккупированных иностранными державами и занятых белогвардейцами областях¹³¹.

Однако в отличие от отдела Военного контроля РВСР в Особом отделе при ВЧК не уделяли должного внимания поддержанию развития внешней контрразведки, проникновению в разведывательные органы противника. В самом начале 1919 года председатель Особого отдела Кедров и член РВСР Аралов распорядились передать агентурную разведку в ведение Регистрационного управления Полевого штаба Реввоенсовета Республики¹³². Поскольку разведка и внешняя контрразведка находилась в руках одних и тех же лиц, перешедших на службу в РУ РВСР, во фронтовые и армейские регистрационные органы, Особый отдел практически свернул работу в указанном направлении¹³³. Воссоздание внешней контрразведки началось лишь в конце 1919 года, причем этот процесс инициировался местными Особыми отделами¹³⁴.

Аппарат помощника начальника активного отделения по контрразведке состоял лишь из двух упол-

номоченных и восьми штатных агентов внутреннего наблюдения. Понятно, что такими ограниченными силами эффективно противодействовать шпионажу со стороны иностранных государств и органов разведки белогвардейских войск было невозможно. Поэтому усилия концентрировались в основном на военных учреждениях, часть из которых, включая и высший оперативный орган Главного командования Красной Армии — Полевой штаб РВСР, еще в конце 1918 года передислоцировались из Москвы в город Серпухов. Особый отдел при ВЧК направил туда своего сотрудника С.М. Портнова. Однако крайне малые денежные средства, полученные им на создание отделения, а также отказ местных советских и партийных органов выделить людей для укомплектования штата не позволили в короткий срок развернуть необходимую работу. До апреля 1919 года отделение фактически существовало лишь на бумаге. «При таких условиях работать невозможно, — докладывал Портнов своему руководству в Москве, — пользы от такой работы предвидеть нельзя... все мои доклады, посланные в Управление Особого отдела, остались гласом вопиющего в пустыне»¹³⁵.

Действуя в направлении политического розыска, то есть вскрытия и пресечения деятельности противоправительственных элементов и подпольных организаций, активное отделение не могло не выходить за рамки казарм и военных учреждений. Связи объектов наблюдения зачастую вели в гражданскую среду, к кадетским, эсеровским и монархическим группам. Данное обстоятельство в ряде случаев приводило к параллельной с секретно-оперативным отделом ВЧК разработке одних и тех же лиц, что в итоге заканчивалось конфликтом между сотрудниками, ставило под угрозу расшифровки проводимые мероприятия.

Поэтому начальник секретно-оперативного отдела и одновременно первый заместитель Кедрова по Осо-

ботделу А.В. Эйдук поставил на заседании Президиума ВЧК 15 апреля 1919 года вопрос об объединении возглавляемого им подразделения с активным отделением Особого отдела¹³⁶. Однако Кедрову удалось отстоять свой оперативно-розыскной аппарат и отложить решение этого вопроса на неопределенный срок¹³⁷. Вместе с тем, понимая опасность дублирования, председатель Особого отдела при ВЧК отдал приказание о передаче всей информационно-осведомительной работы в дислоцированных в Москве воинских частях в Особый отдел Московской чрезвычайной комиссии¹³⁸.

Осознавая, что без накопления и систематизации добываемых в центре и на местах сведений будет невозможно эффективно действовать, руководители Особого отдела сохранили в его структуре такое важное подразделение, как Регистрационное отделение. Штаты последнего не претерпели изменений по сравнению с аналогичным подразделением прежнего отдела Военного контроля РСФСР. Свою работу Регистрационное отделение строило на основе специальной инструкции. Анализ ее текста показывает, что это практически точное повторение инструкции, подготовленной еще сотрудниками Военконтроля¹³⁹.

Задачами Регистрационного отделения являлись сбор и обработка материалов о шпионских и контрреволюционных организациях, применяемых ими приемах преступной деятельности. Специальные учетные карточки заводились на подозреваемых, задержанных и осужденных за указанные деяния лиц, официальных представителей и служащих иностранных миссий, на тех, кто вел с ними переписку, а также на членов антисоветских политических партий, принимающих участие в борьбе с советской властью¹⁴⁰. В отделении имелся стол учета личного состава Особых отделов и фотолаборатория¹⁴¹.

Учитывая, что в Регистрационное отделение поступало большое количество запросов о бывших офице-

рах, военных чиновниках, включая продолжающих службу уже в рядах Красной Армии, и членах их семей, в апреле 1919 года в его составе создается Бюро учета командного состава¹⁴². Оно работало в тесном контакте с Особой комиссией по учету бывших офицеров при Управлении делами РВСР¹⁴³. Бюро предоставляло по запросам Особых отделов, реввоенсоветов, политкомов губерний и ГубЧК сведения об указанных выше категориях лиц, при условии, что они проживали в пределах Московского гарнизона¹⁴⁴.

В плане усиления борьбы со шпионажем и для затруднения членам подпольных антибольшевистских организаций возможности координировать свои действия с белогвардейскими центрами требовалось навести жесткий порядок въезда в прифронтовую и пограничную полосы. Для этого Особый отдел при ВЧК разработал специальные правила, утвержденные затем Реввоенсоветом Республики, наркоматами внутренних дел и путей сообщения¹⁴⁵. В начале марта 1919 года правила были опубликованы для всеобщего сведения, а в структуре Особого отдела образовано Бюро пропусков¹⁴⁶. Ему поручалось определять возможность допуска того или иного лица в прифронтовую зону, устанавливать подлинность представленных документов, а в случае сомнений ориентировать активное отделение.

В организационную структуру Особого отдела при ВЧК входили также следственное, общее (секретариат), казначейское отделения¹⁴⁷ и комендантская часть.

Одним из наиболее важных подразделений Особого отдела, несомненно, являлось организационно-инспекторское отделение. На протяжении всего 1919 года, особенно в первой его половине, оно сыграло заметную роль сначала в объединении аппаратов Военного контроля с военными чрезвычайными комиссиями, а затем в строительстве и активизации деятельности Особых отделов в действующей армии и при губернских ЧК. Отделение представляло собой

административный центр всей системы Особых отделов. Оно выполняло следующие функции: во-первых, организаторскую; во-вторых, инструкторскую; в-третьих, ревизионную. Свою деятельность оно начало с подготовки приказа № 1 от 4 января 1919 года, где говорилось о создании Особых отделов. Затем последовала объяснительная записка к временным штатам и инструкция, разъясняющая задачи, общую схему работы отделов и некоторые методы деятельности¹⁴⁸.

Вскоре во все Особые отделы в войсках и при ГубЧК были разосланы новые штаты, инструкция по регистрации и другие основополагающие документы. Более 50 материалов организационно-штатного характера, затрагивающих всю систему Особых отделов, а также инструкций по отдельным направлениям работы подготовило отделение за 1919 год. Инспекторы-организаторы многократно выезжали для оказания всесторонней помощи в периферийные аппараты. Причем наиболее интенсивно трудились сотрудники отделения в первые четыре месяца. И это объяснимо: шло становление периферийных органов.

Однако если мы ограничимся только количественной стороной дела, то не сможем дать реальную оценку управляющего ядра Особого отдела ВЧК. А оценка вырисовывается далеко не блестящая.

Начнем с того, что первоначально костяк отделения составляли сотрудники, работавшие еще в отделе Военного контроля РВСР, которые не безропотно воспринимали далеко не всегда продуманные нововведения Кедрова. Они открыто высказывали свои взгляды и пытались отстаивать их. К сожалению, руководитель отдела не стремился эффективно использовать их опыт. Отделение лихорадило. За первые четыре месяца сменилось три начальника отделения. Из-за несогласия с решением Кедрова ликвидировать окружные Особые отделы и лишиться управленческих функций фронтовые органы, сведя их роль

лишь к обслуживанию аппарата фронтового управления, рапорт об уходе подал Т.В. Матузков¹⁴⁹. Вскоре был отстранен от должности И. Зорин. В своем докладе Кедрову он прямо указал, что, «разрушая существующий аппарат, мы не создали нового...». По его мнению, оперативно-розыскная работа велась в тот период «в искаженном виде или как попало»¹⁵⁰.

Частая смена начальников отделения и особенно уход из Особого отдела достаточно опытных работников, таких как Матузков и Зорин, замена их на совершенно неподготовленного сотрудника отрицательно сказались на эффективности управленческой деятельности Особого отдела.

Обобщенную картину серьезных недостатков в этом вопросе со стороны руководителя Особого отдела ВЧК и подчиненного ему организационно-инспекторского отделения дали участники съезда Особых отделов в декабре 1919 года. Так, начальник Особого отдела 6-й армии И. Воронцов отмечал: «Первоначально, в период т. Кедрова, не было никакой связи. Были распоряжения, изменения, носившие характер неясности и противоречия одного другому. Наши запросы оставались совершенно без ответов, а если и отвечали, то с крайней медлительностью...»¹⁵¹ Ему вторил заведующий Особым отделом Петроградской ЧК Н. Комаров: «Что касается связи с центром, то с января по июль связь с центром была формальная»¹⁵². Итог подвел заведующий Особым отделом Юго-западного фронта Н. Скрыпник: «Организация наша была партизанская... Особый отдел ВЧК также плохо руководил»¹⁵³.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что образованное в основном на базе отдела Военного контроля РВСР Управление Особого отдела при ВЧК заняло важное место в общей системе Всероссийской ЧК. Однако провозглашенный контроль за Особым отделом со стороны РВСР реализован на практике не был. Кроме того, М.С. Кедров как руководитель

армейских чекистов не принимал необходимых мер по совершенствованию организационно-штатной структуры Особого отдела, а также проводил политику выдавливания наиболее квалифицированных кадров, что негативно сказалось на работе отдела.

Воссоздание и совершенствование централизованной системы Особых отделов

К середине лета 1919 года состояние Особых отделов в действующей армии представляло довольно пеструю картину. На Восточном фронте обстановка была относительно стабильной, разворачивалась подготовка к наступательным действиям под руководством Революционного военного совета, представлявшего собой высшую власть в пределах всей фронтовой полосы. Много внимания уделял боевым действиям против колчаковских армий председатель РВСР Троцкий. Он всячески поддерживал командование фронтом во главе с И.И. Вацетисом, а затем настоял на назначении последнего главкомом вооруженных сил Республики¹⁵⁴.

На других фронтах ситуация развивалась не в пользу большевистской власти. На западных подступах к Петрограду стояла 7-я армия. Длительная неподвижность линии фронта тяжело отразилась на ней. Первый же мощный удар войск генерала Н.Н. Юденича заставил армию отступать, а затем вести тяжелые оборонительные бои.

Особенно тяжелое положение сложилось на юге страны, управление которым оказалось дезорганизованным в результате масштабного наступления денкинцев. Как и другие военные органы, Особые отделы армий, входивших в состав фронта, а также и фронтовой аппарат оказались в сложном положении. В своем отчете председателю РВСР начальник Особого отдела Южного фронта О.П. Хинценберг отмечал, что с февраля происходили сплошные реорганизации, по много раз обновлялся не только ру-

ководящий, но и оперативный состав, Особые отделы армий действовали вне всякой связи между собой. Подводя итог, он констатировал, что «не могло быть и разговора о какой-либо серьезной работе по борьбе с контрреволюцией и шпионажем»¹⁵⁵.

Серьезным ударом по системе управления Особыми отделами явилось решение председателя УОО ВЧК Кедрова замкнуть на центр все армейские аппараты. «Функции организующего и руководящего характера, — говорилось в подписанной им шифротелеграмме в Особый отдел Южного фронта, — от вверенного Вам отдела отпадают»¹⁵⁶. На основании указанного документа активная борьба с контрреволюцией и шпионажем ограничивалась пределами фронтовых учреждений, и фронтовой Особотдел превращался преимущественно в регистрационный орган, хотя и сохранил право давать оперативные задания своим армейским коллегам.

Таким образом, обстановка на фронтах Гражданской войны, степень развитости и устойчивости системы централизованного управления войсками, а также недальновидные указания УОО ВЧК сказывались на организационном строительстве и в разрешении кадровых вопросов Особых отделов.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что продолжалась борьба руководителей военного ведомства, а также реввоенсоветов за недопущение укрепления влияния ВЧК в оборонной сфере, и прежде всего в Красной Армии. Как мы уже отмечали, VIII съезд РКП(б), состоявшийся в конце марта 1919 года, по инициативе военных делегатов принял решение подчинить Особые отделы комиссарам армий и фронтов, оставив за Особым отделом ВЧК лишь общее руководство¹⁵⁷.

13 мая Совет Обороны утвердил подготовленный Реввоенсоветом Республики по указанию Троцкого проект постановления, где говорилось о передаче Особых отделов всецело в ведение одного из членов

армейских и фронтовых РВС¹⁵⁸. Полного контроля над Особыми отделами военным удалось достигнуть после объединенного заседания Политического и Организационного бюро ЦК РКП(б), состоявшегося 2—4 июня 1919 года. Теперь реввоенсоветам предоставлялось право назначать и смещать с должностей заведующих Особыми отделами¹⁵⁹. Централизованной системы органов ВЧК в армии больше не существовало. В подчинении Управления Особого отдела ВЧК остались лишь соответствующие отделы губернских чрезвычайных комиссий. При организационной и кадровой слабости УОО ВЧК иного и быть не могло. Без сильного руководящего органа невозможно строить централизованную систему.

Особому отделу ВЧК явно недоставало авторитета в глазах высших партийных и военных руководителей. Троцкий, к примеру, писал в ЦК РКП(б), что во главе особистов стоят люди психически неустойчивые, и если в Москве придают серьезное значение работе военно-чекистского аппарата, то необходимо поставить во главе его ответственное лицо, способное разбираться в людях и важных делах¹⁶⁰.

Со своей стороны руководитель РВСР предпринимает меры к централизации системы Особых отделов на уровне фронтовых звеньев, понимая, что раздробленность и несогласованность отрицательно сказываются на борьбе с контрреволюционными проявлениями и шпионажем. По указанию Троцкого еще в конце мая на Восточном фронте армейские аппараты были подчинены фронтовому Особому отделу. Без согласования с УОО ВЧК начальником последнего стал Г.И. Бокий. Своему назначенцу председатель РВСР планировал подчинить одновременно и все губернские ЧК в прифронтовой зоне, в чем убеждал и Дзержинского¹⁶¹. Через месяц Троцкий провел мероприятия по централизации Особых отделов на Южном фронте и издал соответствующий приказ¹⁶². Начальником отдела он назначил бывшего офицера,

члена большевистской партии с дореволюционным стажем О.П. Хинценберга.

Необходимость централизации osobистских аппаратов как органов, обеспечивающих безопасность централизованной военной структуры, осознается к лету 1919 года и Дзержинским. В июне он рекомендовал Реввоенсовету Западного фронта назначить начальником Особого отдела бывшего руководителя аналогичного органа на Южном фронте члена ВЦИК Г.И. Бруно. Председатель ВЧК подписывает ему мандат, согласно которому все губернские ЧК в зоне ответственности РВС Западного фронта подчиняются Особому отделу фронта. Аналогичный мандат, но в отношении подчинения Бруно Особых отделов армий выдает и Управление Особого отдела ВЧК¹⁶³.

Итак, к концу июня на Восточном, Южном и Западном фронтах восстанавливается функция фронтовых Особых отделов как руководящего органа, причем этим процессом в основном руководят военные и, в частности, Троцкий. Чекисты же предпринимают первые попытки довести дело до логического завершения, то есть до возвращения на практике к утвержденному ВЦИК в феврале «Положению об Особых отделах», где в четвертом параграфе говорилось: «Общее руководство вышеуказанной борьбой (т.е. борьбой с контрреволюцией и шпионажем в армии и на флоте. — А.З.) возлагается на ВЧК, которая через свой Особый отдел руководит работой местных Особых отделов, контролирует их деятельность...»¹⁶⁴.

25 июня 1919 года состоялось заседание Коллегии ВЧК, на котором было решено «усилить организационную связь центрального Особотдела с местными», а также суммировать в докладах ВЧК работу по военной линии¹⁶⁵. Это решение Коллегии, инициатором которого выступил Дзержинский, следует считать поворотным моментом, поскольку председатель ВЧК теперь уже не оставляет без внимания работу

Управления Особого отдела и проблемы, связанные с его кадровым укреплением. Дзержинский предпринимает также ряд мер, направленных на усиление роли и влияния особистов в решении важных проблем.

Он, в частности, возбудил перед Лениным вопрос о давно назревшей чистке Полевого штаба РВСР и переводе его из Серпухова в Москву, что позволяло особистам более эффективно ограждать главный оперативный орган Красной Армии от разведывательных происков противника¹⁶⁶. В начале июля Управление Особого отдела арестовало группу бывших офицеров, ответственных сотрудников Полевого штаба, по подозрению в контрреволюционной и шпионской деятельности. Тогда же имел место беспрецедентный за всю историю органов безопасности факт: был арестован Главнокомандующий вооруженными силами Республики Вацетис. Экстраординарность данного шага чекистов могла вызвать негативную реакцию Троцкого, поэтому председатель ВЧК незамедлительно подготовил телеграмму руководителю РВСР и настоял, чтобы ее также подписали председатель Совнаркома Ленин, член ЦК РКП(б) Н.Н. Крестинский и заместитель председателя Реввоенсовета Э.М. Склянский¹⁶⁷.

Главным результатом раскрытия так называемого заговора в Полевом штабе являлось (в плане нашего исследования) то, что Управление Особого отдела ВЧК оказалось в фокусе внимания высших партийных, государственных и военных органов страны. Началось постепенное осознание важности данного органа в плане обеспечения безопасности большевистского строя и лично руководителей страны¹⁶⁸. На заседании Совета Обороны 11 июля Ленин огласил разработанный по его поручению проект постановления о мерах борьбы с контрреволюционными элементами в армии и предложил ознакомиться с ним, а при необходимости доработать Дзержинскому, Склянскому и члену РВСР И.Т. Смильге¹⁶⁹. Вы-

полнение постановления возлагалось на Особые отделы и реввоенсоветы.

Летом 1919 года при непосредственном участии заместителя председателя Особого отдела ВЧК были проведены операции по ликвидации контрреволюционных заговоров в Петрограде и на Северном фронте, нити которых тянулись в Москву.

Ввиду повышения значимости Управления Особого отдела ВЧК Политическое и Организационное бюро ЦК РКП(б) 24 июня постановляют поручить Ф.Э. Дзержинскому найти ответственных руководителей для этого органа¹⁷⁰. Поиски кандидатов продолжались до 18 августа 1919 года, когда ЦК РКП(б) постановил назначить наркома внутренних дел, председателя ВЧК Дзержинского одновременно и председателем ее Особого отдела¹⁷¹. Данное решение не было спонтанным, а продиктовано двумя важными обстоятельствами. Во-первых, фактический руководитель Красной Армии Троцкий не раз высказывал недовольство работой Особых отделов вообще и УОО ВЧК во главе с Кедровым, в частности. Во-вторых, и это было определяющим, Центральному Комитету стало известно от чекистов о существовании разветвленной белогвардейской организации в столице под названием «Национальный центр». Опасность была столь велика, что ЦК решил сосредоточить руководство ее разгромом в руках одного человека, доказавшего свою способность действовать решительно, объединять для достижения цели все звенья розыскной и карательной системы¹⁷².

Выявление, а затем и ликвидация «Национального центра», а также связанной с ним подпольной военной организации «Штаб Добровольческой армии Московского района» явились той критической точкой, пройдя которую Управление Особого отдела ВЧК начало развиваться по восходящей, укрепляться организационно и в кадровом отношении.

В УОО ВЧК возобновляет работу Коллегия, до этого времени существовавшая лишь номинально. По

предложению Дзержинского для усиления контакта с РВСР в коллегии Особого отдела ВЧК вводится представитель высшего военно-политического органа. Назначение такого лица подлежало утверждению со стороны ВЧК¹⁷³. Он наделялся правом делать доклады в Реввоенсовете Республики о работе Особого отдела¹⁷⁴. Одновременно председатель ВЧК ставит перед Организационным бюро ЦК РКП(б) вопрос о переходе на работу в Управление Особого отдела члена Президиума ВЦИК, члена Коллегии ВЧК В.А. Аванесова и мотивирует свою просьбу важностью работы этого органа¹⁷⁵.

Председатель ВЧК настаивает в партийных инстанциях также и на привлечении известного партийца, кандидата в члены Политбюро Н.И. Бухарина к расследованию дел о шпионаже, находящихся в производстве Управления Особого отдела¹⁷⁶. Аналогичные просьбы поступают в ЦК и в отношении члена РВС 5-й армии И.С. Кизельштейна и А.С. Енукидзе, секретаря ВЦИК. Оргбюро рассматривает все вопросы положительно¹⁷⁷. С сентября 1919 года в УОО ВЧК вводятся должности особоуполномоченных, которые должны были участвовать в расследовании дела «Национального центра»¹⁷⁸. По решению ЦК РКП(б) на одну из этих должностей был назначен бывший нарком финансов, а затем генеральный консул РСФСР в Берлине, член партии большевиков с 1902 года В.Р. Менжинский¹⁷⁹. С личного разрешения Ленина аналогичный пост занимает секретарь Малого Совнаркома Я.С. Агранов¹⁸⁰. Заместитель наркома госконтроля К.И. Ландер, ответственные сотрудники ВЧК А.Х. Артузов и В.Д. Фельдман также становятся особоуполномоченными.

Приход в УОО ВЧК известных в партийных кругах лиц, в основном большевиков с дореволюционным стажем, значительно поднял авторитет центрального аппарата Особого отдела. Всецело поддерживаемые Дзержинским, пользуясь плодами разгрома «Национального центра», особисты стали актив-

но действовать в направлении создания единой системы органов борьбы с контрреволюцией в Красной Армии.

Уже в первой половине октября 1919 года УОО подготовило и разослало на места инструкцию по организации и работе Особых отделов армий. В разделе данного документа, определяющего их подчиненность, прямо указывалось: «Армейские Особотделы через своих начальников подчиняются во всех отношениях Особому отделу ВЧК»¹⁸¹. В оперативной работе они обязывались исполнять все задания фронтовых Особых отделов. Приведенное положение инструкции красноречиво говорит о том, что ее инициаторы фактически игнорировали упомянутое нами ранее решение VIII съезда партии большевиков, Совета Оборона, Политического и Организационного бюро ЦК ВКП(б) о подчиненности Особых отделов соответствующим реввоенсоветам.

В этой связи следует обратить внимание на отсутствие какой-либо реакции не только со стороны Реввоенсовета Республики, но и постоянно действующих высших органов ЦК РКП(б). Данный факт дает основание по-новому подойти к устоявшемуся в исторической литературе утверждению о наличии систематического и предметного партийного руководства в целом органами ВЧК и Особым отделом в частности. Последний фактически имел самостоятельный статус и лишь номинально являлся подразделением Комиссии, в связи с чем требовал к себе повышенного внимания, в том числе с точки зрения организации контроля за его оперативной практикой. Однако проведенный анализ показывает, что ЦК партии в основном занимался перераспределением кадров с учетом инициатив Дзержинского¹⁸².

Избранный руководством ВЧК курс уже не менялся до конца Гражданской войны. Он был обусловлен реальной обстановкой, сложившейся осенью 1919 года по линии борьбы с контрреволюцией как на внешних фронтах, так и внутри страны. Однако

многое зависело и персонально от тех, кто возглавил в этот период Управление Особого отдела ВЧК.

Первые мероприятия на пути реорганизации, принятые заместителем председателя Особого отдела ВЧК И. П. Павлуновским, не учитывали реально-го состояния дел на местах и показали только одно: не проработанные организационные решения неминуемо приводят к резкому снижению эффективности деятельности Особых отделов фронтов и армий. Он, в частности, утвердил новую структуру и штаты местных органов, на основании которых ликвидировались активные и следственные отделения Особых отделов. Все сотрудники должны были непосредственно замыкаться на начальнике армейского или фронтового органа¹⁸³.

Учитывая огромную загруженность, последние не смогли бы глубоко вникать в суть оперативно-розыскных и следственных действий, что хорошо понимали многие практические работники. Так, например, заведующий следственной частью Особого отдела Западного фронта В. И. Музыкант докладывал руководству, что из беседы с Павлуновским понял о его расчете не на знание следователями своего дела, а «на честную совесть коммуниста»¹⁸⁴. Будучи сам членом большевистской партии с 1908 года, подпольщиком, бывшим офицером и учителем по образованию, Музыкант рассматривал такое толкование реалий как фикцию, расчет на которую способен привести к серьезным нарушениям в производстве следствия, поскольку абсолютное большинство следователей Особых отделов, по его меткому выражению, «еле водят пером»¹⁸⁵. На практике начальники следственных отделений (частей) зачастую являлись единственными относительно грамотными работниками, способными контролировать ход исследований по имеющимся в производстве делам. Сокращение этих должностей, по мнению автора доклада, было равносильно развалу следствия, а ответствен-

ный за всю работу начальник Особого отдела в итоге представлял перед ревтрибуналом.

К аналогичным выводам, как явствует из письма председателю ВЧК, пришел и начальник Особого отдела 16-й армии А.М. Дижбит, который резко выступил против сокращения должностей начальников следственного, а также активного отделений¹⁸⁶.

Несмотря на резкие отзывы с мест, Павлуновский пытался навязать свое решение. Однако оно всячески саботировалось и фактически не материализовалось на практике.

Из приведенных примеров отчетливо видно, что, во-первых, к октябрю 1919 года еще устойчиво не проявилась такая важная составляющая централизованной системы, как полное подчинение нижестоящих органов вышестоящим, во-вторых, центр слабо владел обстановкой на местах, в результате чего эпизодически отдавал, по сути, волюнтаристские указания. Организационная рыхлость УОО ВЧК, порожденная во многом Кедровым и Павлуновским, стала очевидной для председателя ВЧК¹⁸⁷.

Прежде чем активизировать действия по дальнейшей реорганизации и централизации военно-чекистских органов, следовало реформировать и укрепить само Управление Особого отдела. Исполнять это поручалось человеку «со стороны» — Г.Г. Ягоде.

Руководитель авторского коллектива «Отчета ВЧК за четыре года ее деятельности» М.Я. Ладис справедливо указал, что с назначением Ягоды в УОО ВЧК начался новый этап организационной работы¹⁸⁸.

Известно, что после расформирования (в соответствии с приказом РВСР от 8 сентября 1919 года)¹⁸⁹ Высшей военной инспекции (ВВИ) ее управляющий делами Ягода некоторое время занимается созданием военной и морской инспекции при РВСР и военного отдела Наркомата госконтроля. Несомненно, что и по прежней должности его знали заместители председателя Особого отдела Павлуновский и Аванесов, да и сам председатель ВЧК Дзержинский. Ведь дея-

тельность Высшей военной инспекции протекала в контакте с Особым отделом. Нередко материалы проведенных инспекционных поездок в те или иные штабы и части Красной Армии являлись сигналом для особистов о возможном враждебном умысле в провалах отдельных военных операций, срыве снабжения, волнениях среди военнослужащих. Кроме того, находясь на посту управляющего делами ВВИ, Ягода в июне 1919 года лично подготовил доклад «Об организации комиссий по усилению командного состава фронтов»¹⁹⁰, предусматривающий, в частности, проведение точного учета всех бывших офицеров, в чем опять же объективно были заинтересованы и Особые отделы¹⁹¹.

Таким образом, Ягода не был совершенно неизвестной личностью для особистского руководства. Не осталось без внимания и то, что он проявил незаурядные организаторские способности в Высшей военной инспекции. Такой человек, несомненно, привлек к себе ищущий «кадровый» взор Дзержинского и его заместителя — фактического руководителя УОО ВЧК Павлуновского. 4 ноября 1919 года последний подписывает приказ № 23, в первом параграфе которого говорилось: «Управляющим делами Особого отдела временно назначается т. Г.Г. Ягода»¹⁹². Как видим, он назначался на должность временно. Это могло означать как то, что он приглашен в Особый отдел, что называется, «поставить дело» и уйти на привычную для него военную работу, так и возможно состоявшуюся договоренность с Дзержинским и Павлуновским о последующем продвижении в ближайшее время по линии чекистского ведомства. Судя по дальнейшим событиям, более вероятно второе¹⁹³.

Управление делами как некий регулирующий деятельность всего Особого отдела, «штабной», по военной терминологии, орган замысливалось еще до прихода Ягоды. Однако его предшественник ничего существенного в организационном плане не смог сде-

дать в силу личных качеств и отсутствия какого-либо влияния на руководство Особотдела, будучи совершенно не известным в высших военных и политических сферах страны¹⁹⁴. Ягода с самого начала пребывания в УОО ВЧК ставит целью превратить Управление делами из вспомогательного подразделения в центр по реорганизации всего центрального аппарата. Именно этого — быстрой реорганизации и укрепления ведущего среди других структурных единиц ВЧК органа, каковым за годы Гражданской войны постепенно становился Особый отдел, — ждали от Ягоды и Дзержинский, и Павлуновский. Поддерживая его начинания, они не вмешивались в повседневную работу управляющего делами. Достаточно сказать, что почти весь ноябрь в УОО ВЧК издаются только приказы, подготовленные Ягодой¹⁹⁵.

Свою позицию в новой должности Ягода сформулировал в первый же день пребывания в ВЧК. В объявленном во всех отделениях приказе он писал: «Придавая большое значение внутреннему правильно функционирующему административному аппарату Особого отдела, от правильности которого зависит быстрое и точное исполнение операций, от быстроты коего зависит исход нашей борьбы, я первый и последний раз обращаюсь ко всем товарищам сотрудникам... помочь мне в наикратчайший срок наладить аппарат Особого отдела ВЧК. Для каждого должно быть ясно, что при правильно поставленном аппарате каждый из нас будет давать максимум при меньшей затрате энергии. Я напоминаю всем... что Особый отдел есть военно-полевое учреждение, боевая линия фронта в тылу со всеми вытекающими отсюда последствиями...»¹⁹⁶

В этом же приказе буквально по минутам расписано, кто и что обязан доложить ему для скорейшего вхождения в курс работы отдела и всех его структурных единиц.

Буквально за два дня реорганизовав само управление делами, Ягода сосредоточивается на аналогич-

ных действиях в масштабе всего УОО ВЧК. Руководители отделений на основании изданного приказа представили ему подробные схемы своих аппаратов и объяснительные записки к ним, а также предложения о необходимости изменения штатов¹⁹⁷. Согласования и уточнения всех организационных вопросов шли интенсивно до 20 ноября. Чтобы сформулировать конкретные, выдвигаемые практикой изменения, по указанию Дзержинского при Управлении делами создается временная комиссия, куда вошли, кроме его начальника, заведующий организационно-инспекторским отделением А.Г. Шайкевич и финансист¹⁹⁸. Комиссия рассмотрела, уточнила и представила к утверждению новые штаты, а также денежные сметы для центрального аппарата и местных Особых отделов.

В результате проделанной работы уже 2 декабря 1919 года Павлуновский и Ягода подписали приказ № 4 о новой организационной структуре Управления Особого отдела ВЧК.

Главное, что лежало в основе проводимой реформы, была необходимость обеспечить эффективную реализацию всего объема деятельности УОО ВЧК через совершенствование структуры. Именно содержание труда сотрудников управления подталкивало, стимулировало развитие и преобразование организационной схемы данного органа.

Для головного подразделения функция управления подчиненными Особыми отделами, безусловно, являлась основной. Отсюда и значение вновь созданного административно-организационного отдела, который замыкался непосредственно на председателе Особого отдела ВЧК¹⁹⁹. В составе отдела имелось несколько отделений. На организационное отделение возлагалась задача привести все подчиненные Особые отделы к единой структуре для каждого уровня, разработать типовые штаты, определить должностные оклады руководителям и рядовым сотрудникам. Отделение должно было составлять и кор-

ректировать схему дислокации Особых отделов, готовить предложения по усилению существующих и созданию новых аппаратов по борьбе с контрреволюцией и шпионажем в войсках. Здесь же должны готовиться проекты оперативных инструкций и директив, ориентировки об изменениях в тактике деятельности противника.

Административное отделение ведало учетом действующих сотрудников как в центральном аппарате, так и в нижестоящих органах, разрабатывало предложения о перемещениях руководящих кадров. Отделение должно было представить председателю Особого отдела и его заместителям реальную ситуацию с кадровым потенциалом во всей системе Особых отделов. Необходимо особо подчеркнуть, что при административном отделении впервые создавался резерв для назначения, куда зачислялись (судя по сохранившимся приказам) начальники фронтовых и армейских аппаратов, а также руководители активных, следственных и инспекторских подразделений. Это нововведение позволяло обогатить УОО ВЧК наиболее квалифицированными специалистами, получившими большой организационный и практический опыт в боевой обстановке.

Ротация кадров была крайне необходима, иначе управлению грозила закостенелость, хроническое отставание от потребностей фронта и бюрократизация, признаки которой серьезно проявились к осени 1919 года.

Одновременно руководители с мест проходили «обкатку» в центральном аппарате, силами которого были раскрыты крупнейшая белогвардейская организация «Национальный центр» и связанный с ней «Штаб Добровольческой армии Московского района».

Важной составной частью административно-организационного отдела являлось инспекторское отделение. Проверка состояния дел в подчиненных особых отделах была необходима с учетом низкой эф-

фективности работы как на фронте, так и в губернских ЧК. Должности инспекторов фактически приравнивались к статусу начальников Особых отделов армий, а в некоторых случаях они наделялись правами руководителей фронтовых аппаратов. На каждую командировку им оформлялся специальный мандат, на основании которого инспекторы имели возможность в полном объеме ревизовать деятельность любого органа, реорганизовывать его, отстранять от работы отдельных сотрудников, вплоть до начальников особых отделов армий и губернских ЧК, докладывая об этом для утверждения в Москве. В мандате специально оговаривалось, что виновные в неподчинении приказам инспектора будут привлекаться к военно-полевому суду²⁰⁰.

В соответствии с упомянутым выше приказом № 4 в структуре Особого отдела ВЧК создавался и секретный отдел²⁰¹. Отдел также замыкался непосредственно на председателе Особого отдела, которому начальник его докладывал обо всех вопросах, связанных с оперативной деятельностью.

Отдел строился по линейному принципу, что обеспечивало достаточную гибкость и быстроту в регулировании труда сотрудников, простоту согласования конкретных мероприятий. Структурно отдел состоял из пяти отделений (частей)²⁰². Выявлением контрразведывательных элементов и шпионов в высших военных и морских учреждениях, а также в Наркомате иностранных дел ведало информационное отделение, которое насаждало в указанных ведомствах сеть осведомителей. Полученные от осведомителей данные, указывающие на наличие в поведении конкретных лиц подозрительных признаков, передавались для более глубокой проработки в оперативную часть, которая использовала в своей работе и возможности агентурного отделения (наружного наблюдения). Кроме того, в отделе имелись следственное и регистрационное отделения²⁰³.

Как видим, к середине декабря 1919 года Особый отдел ВЧК приобрел четкую внутреннюю структуру, соответствующую его статусу головного управленческого и оперативного органа.

Обосновать необходимость такой системы и закрепить ее существование предстояло на съезде начальников Особых отделов.

Такая форма организационной работы как съезд была впервые предложена Ягодой особистскому руководству в лице Дзержинского и Павлуновского и поддержана ими. Начальник административно-организационного отдела Особого отдела ВЧК учел опыт проведения трех конференций губернских ЧК, совещаний работников диввоентрибуналов и заведующих агентурной разведкой фронтов и армий, а также состоявшегося 12 декабря 1919 года съезда заведующих политотделов, на котором с докладом выступил Павлуновский²⁰⁴.

Чтобы организованно провести съезд, одобрить на нем подготовленные основополагающие нормативные документы, требовалось четко сформулировать подлежащие обсуждению вопросы. За подписью заместителя председателя Особого отдела ВЧК 24 ноября на места был направлен циркуляр, в котором указывалось на необходимость участникам съезда подготовиться к выступлению по следующим вопросам: этапы контрреволюционного движения в России, методы борьбы с подрывной деятельностью противника, организационное строительство Особых отделов²⁰⁵.

Учитывая стремление отдельных начальников Особых отделов действовать сепаратистски, игнорировать указания Центра, Павлуновский подписал подготовленное Ягодой циркулярное письмо, в котором, в частности, говорилось: «Особотделы как фронтовые, так и тыловые приобретают в настоящее время первостепенное значение. Медлительность в организации их должна быть оставлена решительно, незамедлительно. Всем завосботделами категорически приказываю приступить к действительно активной организаци-

онной работе, взяв неуклонно за основу следующие положения: 1) все особотделы, объединяемые, руководимые исключительно Особотделом ВЧК, должны представлять из себя единый аппарат... 3) внутренняя конструкция особотделов должна строго соответствовать инструкциям Особотдела ВЧК»²⁰⁶.

Далее следовало предупреждение о применении жестких административных мер к тем, кто не проявит энергии в проведении на практике указанных выше положений. Самовольно ушедшие с постов объявлялись злостными дезертирами со всеми вытекающими последствиями. Руководителям на местах дали ясно понять: курс на централизацию всей системы Особых отделов будет проводиться жестко, а реввоенсоветы потеряют былое влияние на деятельность чекистских органов в войсках.

Первый всероссийский съезд особых отделов фронтов и армий открылся в Москве 22 декабря 1919 года. Заседания продолжались четыре дня²⁰⁷. На съезд прибыли представители (в основном начальники) 22 (из 25 существовавших) Особых отделов фронтового и армейского ранга²⁰⁸. Судя по анкетным данным, приведенным в изданном в начале 1920 года «Кратком отчете» о съезде, все участники являлись членами большевистской партии, однако лишь пять человек имели дореволюционный стаж²⁰⁹.

В президиум съезда делегаты избрали председателя ВЧК и наркома внутренних дел Дзержинского, его заместителей Ксенофонтова и Лациса, наркома юстиции Курского, а также заместителей председателя Особого отдела ВЧК Павлуновского, Аванесова и начальника административно-инспекторского отдела (одновременно и управляющего делами) Ягodu.

С основным докладом по текущему моменту в розыскной работе выступил Павлуновский. Он дал характеристику контрреволюционного движения в России, сопоставив его с этапами развития Красной Армии. Как основную угрозу безопасности вооруженным силам Советской Республики он назвал «техни-

ческую контрреволюцию», т.е. захват реальными или потенциальными сторонниками белогвардейцев командных высот в армии и на флоте, проведение ими действий, направленных на развал военного аппарата, подрыв боеготовности частей и соединений. В этой связи Павлуновский предложил резко усилить информационную работу через осведомителей²¹⁰.

Все, что связано с обсуждением основного доклада, достаточно полно освещено в специальной исторической литературе²¹¹. Для нашего исследования представляют особый интерес дискуссия и итоги обсуждения по организационному вопросу. Несмотря на то что в повестке дня съезда он значился последним, реальное его значение сопоставимо с основным докладом, поскольку только хорошо организованная и централизованная система Особых отделов могла обеспечить, особенно в период войны, получение серьезных результатов в борьбе с противником.

Фактически об организационных вопросах говорилось и в «докладах с мест» (пункт 2-й повестки дня). Если суммировать мнения выступавших, то их можно свести к следующему. На деятельности Особых отделов отрицательно сказывалось отсутствие сильного управляющего центра, что выразилось в слабой связи местных органов с Москвой. Зависимость Особых отделов от реввоенсоветов привела к организационной рыхлости фронтовых и армейских аппаратов, разнородной их структуре и частой смене руководителей. Все это в совокупности не способствовало эффективной работе на местах. Все присутствовавшие на съезде согласились с начальником Особого отдела 16-й армии Я.К. Ольским, который заявил: «что касается связи с центром, то общее явление, что эта связь была слабая... наш особотдел пережил фазы смены начальников... не было никакой системы и никакой продуктивности»²¹².

С учетом этого Ягода построил свое выступление и доработал итоговые документы. Он понимал, что

без опоры на мнение прибывших с фронта делегатов нельзя провести решения, противоречащие постановлению VIII съезда РКП(б), последующим документам высших партийных и государственных инстанций по вопросу о подчиненности Особых отделов.

Для повышения статуса начальников фронтовых и армейских органов и усиления влияния на принятие важных решений он настаивал на целесообразности дать право руководителям Особых отделов участвовать в заседаниях соответствующих реввоенсоветов, хотя бы и с совещательным голосом²¹³. В результате обсуждения большинство делегатов (13 из 22) проголосовало за включение данного положения в резолюцию съезда²¹⁴.

Павлуновский и Ягода провели в своих выступлениях мысль о необходимости возврата к принятому ВЦИК 6 февраля 1919 года постановлению, где говорилось, что реввоенсоветы могут лишь давать задания Особым отделам и проверять ход их выполнения. Все вопросы организации и функционирования Особых отделов сосредоточивались в Особом отделе ВЧК²¹⁵.

Еще одна важная инициатива была поддержана участниками съезда: о необходимости ликвидировать финансовую зависимость Особых отделов от реввоенсоветов и наладить снабжение деньгами из ВЧК.

По предложению президиума съезда Ягода возглавил секцию по выработке штатов. Он предложил увеличить количество сотрудников в Особом отделе армии до 60 человек и до 80 — во фронтовом аппарате²¹⁶. В обсуждении штатного расписания приняли участие практически все желавшие, что позволило аккумулировать накопленный опыт организационного строительства. Ограничения диктовались лишь лимитом денежных средств.

Необходимо подчеркнуть, что штаты определялись исходя из основного предназначения Особых отделов как розыскных органов по борьбе с контрреволюционными элементами, в число которых входили и

шпионы. По предложению Павлуновского фронтовым и армейским органам лишь в исключительных случаях предоставлялось право непосредственной расправы. Для вынесения приговоров при Особом отделе ВЧК организовывалась специальная коллегия, которую утверждал Президиум ВЧК²¹⁷. По предложению начальника Особого отдела Юго-Восточного фронта Н.А. Скрыпника участники съезда поддержали идею создания «троек» по вынесению приговоров во фронтовых и армейских органах. Члены «тройки» подлежали утверждению Особым отделом ВЧК.

По единодушному мнению участников съезда, все намеченные оперативные и организационные меры должны быть обеспечены подбором соответствующих кадров. Как заявил в своем выступлении Дзержинский, «нам надо бороться за то, чтобы наша партия давала нам выдающихся членов с большим стажем»²¹⁸.

Подводя итоги съезда, присутствовавшие приняли детально обсужденную резолюцию²¹⁹. В ней зафиксирована оценка оперативной обстановки на конец 1919 года, сделан прогноз на завершающий период Гражданской войны и намечены серьезные меры по повышению эффективности работы, по организационно-кадровому укреплению Особых отделов²²⁰.

Решения съезда в декабре 1919 – январе 1920 года были реализованы в виде приказов, инструкций, циркулярных писем и типовых штатных расписаний. Всего на местах получили из центра 14 руководящих документов, которые в совокупности составили единую правовую базу, обеспечивающую организацию и функционирование чекистских аппаратов в войсках.

Наиболее важной являлась «Инструкция Особого отдела ВЧК особым отделам фронтов и армий»²²¹. В ней четко были прописаны стоящие перед отделами задачи: борьба с контрреволюцией в войсках и учреждениях Красной Армии; раскрытие, предупреждение и пресечение работы шпионских организаций как осведомительного, так и вредительского харак-

тера; организация закордонной агентуры по выявлению контрреволюционных организаций, засылающих шпионов на территорию Советской Республики и пр.²²²

Большая часть Инструкции посвящена организационным вопросам. Для нашего исследования принципиально важным является пятый параграф. В нем сказано: «Особотделы представляют собою военную организацию с централизованным управлением, во всех отношениях непосредственно подчиненную ВЧК, а в оперативном отношении Реввоенсовету Республики в пределах даваемых им заданий и контроля за выполнением последних»²²³.

Систему Особых отделов составляли: Особый отдел ВЧК, соответствующие отделы фронтов, армий, особые отделения и пункты, а также Особотделы губернских ЧК.

Раздел четвертый Инструкции был абсолютно новаторским: в нем впервые были зафиксированы права Особого отдела ВЧК и его начальника. Особый отдел ВЧК, согласно Инструкции, мог самостоятельно организовывать фронтовые, армейские и губернские аппараты, определять районы их деятельности, руководить работой, ревизовать и инспектировать их деятельность, назначать и увольнять руководителей всех рангов и рядовой состав, распределять отпущенные ВЧК кредиты.

Относительно начальника Особого отдела указывалось, что он назначается ВЧК по согласованию с РВСР. В его обязанности входило утверждение инструкций по всем оперативным и административно-организационным вопросам, а также сметных предложений и финансовых отчетов²²⁴.

Подводя итоги работы съезда в сфере организационного строительства, можно констатировать следующее:

1. было закреплено положение о том, что Особые отделы являются централизованной системой, руководимой из единого центра;

2. контрразведывательная функция перешла целиком в органы государственной безопасности в лице ВЧК, а военные власти потеряли контроль за работой чекистов в Красной Армии и на Флоте;

3. Особые отделы стали более управляемой, а значит, и более эффективной работающей подсистемой Всероссийской ЧК;

4. именно в Особых отделах зародилась и получила развитие совершенно новая для ВЧК линия работы — политическая разведка и внешняя контрразведка, позже организационно оформленная в виде Иностранного бюро, а затем и соответствующего отдела.

Большое значение имело обращение участников съезда в ЦК РКП(б) с просьбой обязать Политуправление РСФСР, а также московскую и петроградскую партийные организации «делегировать наиболее ответственных, испытанных и старых партийных работников на работу в особые отделы»²²⁵.

Уже 5 января 1920 года Павлуновский доложил решения съезда на заседании Организационного бюро ЦК РКП(б), и текст указанного выше обращения практически в неизменном виде был включен в постановление.

В свою очередь Особый отдел ВЧК стал вести жесткую линию на закрепление osobистских кадров (прежде всего руководящих), стремясь не допускать их перехода в другие чекистские аппараты, не говоря уже о военном и иных ведомствах.

Стремительное усиление роли и значения Особого отдела в конце 1919 — начале 1920 года вызвало негативную реакцию у отдельных членов Коллегии ВЧК. Это проявилось еще на стадии подготовки к съезду. Первоначально предполагалось пригласить на него и заведующих Особыми отделами губернских ЧК, поскольку, согласно разработанной инструкции, они подчинялись напрямую центру. Этому воспротивился заместитель председателя ВЧК Ксенофонтов. Он выступал за укрепление губернских чрезвычайных комиссий путем полного подчинения им мест-

ных Особых отделов. При этом Ксенофонтов и те, кто его поддерживал в аппарате ВЧК, опирались на решения по вопросу о советском строительстве со- званного в первой декаде декабря 1919 года VII Все- российского съезда Советов.

Как известно, с основным докладом от организа- ционной секции съезда выступил Т.В. Сапронов. Ос- новываясь на тезисах, разработанных VIII парткон- ференцией, он настаивал на устранении жесткой централизации по линии ведомств и объединении всей работы на местах исполкомами губернских со- ветов²²⁶. Эту идею поддержали в своих докладах на съезде Ленин, Калинин, Троцкий. Последний даже издал специальный приказ РВСР, где указывалось, что, отражая волю партии, «окружным, губернским и уездным военным комиссариатам надлежит в сво- ей повседневной работе плотнее примкнуть к мест- ным советским учреждениям...»²²⁷.

Придерживаясь аналогичных взглядов, Ксенофон- тов настоял на необходимости провести съезд пред- ставителей только от Особых отделов фронтов и ар- мий, а проблемы аналогичных губернских органов рассмотреть на очередной конференции чрезвычай- ных комиссий, созыв которой планировался на фев- раль 1920 года.

Руководители Особого отдела ВЧК (Павлуновский и Ягода) были настроены отстаивать на созываемой конференции целесообразность сохранения верти- кальной подчиненности своих территориальных ап- паратов. В связи с этим уже 4 января 1920 года было подготовлено и разослано циркулярное письмо в Особые отделы ГубЧК, где их начальникам предла- галось прибыть в Москву за два дня до открытия конференции и представить доклады по нижеследую- щим вопросам: о желательной организации, штатах и порядке финансирования отделов; существующих и желательных взаимоотношениях с ГубЧК, а так- же условиях работы²²⁸. Из текста письма ясно, что предполагалось активно поработать с подчиненными

и выйти на конференцию с консолидированным мнением в противовес позиции Ксенофонтова.

Пытаясь склонить на свою сторону председателя ВЧК, особысты представили ему 31 января организационный доклад, в котором отмечалась отлаженность механизма управления местными органами²²⁹. Доклад готовился Ягодой при содействии Менжинского, фактически выполнявшего обязанности заместителя председателя Особого отдела ВЧК и являвшегося еще большим, чем его предшественник Павлуновский, сторонником единой и централизованной системы Особых отделов.

Однако Дзержинский в своей речи при открытии IV конференции 3 февраля 1920 года лишь констатировал факт наличия противоречий во взаимоотношениях губернских Особых отделов с руководством и другими подразделениями ГубЧК²³⁰.

С учетом того, что председательствовал на конференции Ксенофонтов, а подавляющее большинство участников являлись председателями губернских чрезвычайных комиссий, содержание итоговых документов было в их пользу.

В отличие от «Положения об особых отделах ГубЧК», принятого на III конференции, новый основополагающий документ предусматривал назначение начальника Особого отдела коллегией ГубЧК, а за Особым отделом ВЧК осталось лишь утверждение данного решения²³¹. Санкции Особого отдела ВЧК на увольнение начальника Особого отдела теперь не требовалось. Коллегии ГубЧК предоставлялось право контроля всей деятельности Особого отдела, а также расходования финансовых средств по гласным и секретным кредитам. Вместе с тем представителям Особого отдела ВЧК удалось отстоять непосредственную подчиненность центру губернских Особых отделов в руководственном и организационном отношениях²³².

Результаты работы IV конференции губернских чрезвычайных комиссий не удовлетворили обособо-

ванных претензий армейских чекистов. Назначенный 1 февраля 1920 года заместителем председателя Особого отдела ВЧК, а с учетом загруженности Дзержинского фактически руководителем отдела Менжинский полностью разделял мнение Ягоды о том, что подчиненный им аппарат за несколько месяцев стал самым эффективным в системе ВЧК. Он действительно мог теперь управлять местными органами, обеспечивать реализацию вытекающих из условий военного времени задач. Как никто другой, особысты понимали скоротечность «передышки», прогнозировали столкновение с Польшей и необходимость добивать белые армии на юге страны. Еще предстояло изгнать белогвардейцев и японских интервентов с Дальнего Востока.

Выступая на конференции, Дзержинский явно недооценил реальную ситуацию, когда заявил о необходимости переключить внимание органов ВЧК на экономическую жизнь и, в частности, на транспорт, а особистам сконцентрироваться на обеспечении трудовых армий²³³.

В апреле 1920 года началась советско-польская война. В отличие от белогвардейцев поляки сумели наладить разветвленную разведывательно-диверсионную сеть на территории Украины, Белоруссии, в центральных областях России, насадить крупные резидентуры в Москве и Петрограде²³⁴.

Опытом борьбы со шпионажем обладали в основном Особые отделы²³⁵. Уже в мае-июне указанные выше резидентуры были разгромлены, а их руководители перевербованы²³⁶. Роль других органов ВЧК в противодействии польской разведке можно оценить как второстепенную.

Исходя из сложившихся реалий, в том числе в связи с отъездом в начале мая²³⁷ Дзержинского на Украину, особистское руководство вновь предприняло ряд попыток занять доминирующее положение в аппарате ВЧК, поднять роль местных Особых отделов. В «Отчете ВЧК за четыре года ее деятельности»

Лацис скромно оценил предпринятые Менжинским и Ягодой шаги как «организационные искания по части образовавшейся обособленности Особого отдела от ВЧК и некоторого параллелизма, существовавшего в их работе»²³⁸.

Члены Президиума ВЧК, группировавшиеся вокруг Ксенофонтова, отдавали себе отчет в том, что Особый отдел наиболее приспособлен к военным условиям, пользуется авторитетом в ЦК РКП(б), получает лучшие партийные кадры как в центре, так и на местах, а следовательно, действует более эффективно. Вместе с тем Президиум стремился уравнивать Особый отдел с другими отделами, полностью контролировать его деятельность.

Знаковым явлением в противостоянии osobистского руководства с ведущими членами Президиума (Ксенофонтовым и Лацисом) стала попытка ввести в действие разработанное в Особом отделе ВЧК «Положение об окружных особых отделах»²³⁹. В случае его применения на практике роль губернских чрезвычайных комиссий была бы существенно подорвана, они превратились бы во вспомогательный орган, выполняющий задание окружных Особотделов. Такая перспектива не устраивала членов Президиума ВЧК. Назревал раскол Всероссийской ЧК на ВЧК как таковую и самостоятельный Особый отдел. Учитывая критический настрой к существованию чрезвычайных комиссий в партийной среде, включая некоторых влиятельных в ВКП(б) деятелей, мог вообще вновь возникнуть вопрос о ликвидации ВЧК.

Получив соответствующую информацию, Дзержинский написал личное письмо своему заместителю по Особому отделу ВЧК. Глубина конфликта и серьезная озабоченность складывающейся в этой связи ситуацией видна из следующих строк письма: «Чувствую, что с моим долгим пребыванием в Харькове между Вами (Особым отделом) и президиумом ВЧК пробегает все более черная кошка. Этому необходимо противодействовать в интересах дела. Если бы необ-

ходимость существования ЧК сознавалась партией и рабочими так же, как необходимость, скажем, органов снабжения, тогда можно было бы позволить роскошь расчленения одного целого ВЧК на ведомственные органы... Вячеслав Рудольфович, Вы должны стать патриотом ВЧК как единого боевого органа и не проводить линии обособления...»²⁴⁰

Председатель ВЧК высказал в указанном письме свой концептуальный подход в организационном строительстве чекистских органов: борьба с контрреволюцией и шпионажем должна быть сосредоточена в едином органе, а отделы ВЧК — это дополняющие друг друга части целого.

Для приглушения конфликта Дзержинский полагал необходимым ликвидировать Президиум ВЧК, а Менжинского ввести в Коллегию ВЧК²⁴¹. По предложению председателя ВЧК состоялось решение ЦК РКП(б), а затем был подписан совместный с РВСР приказ о назначении Менжинского начальником Особого отдела ВЧК²⁴².

В период кратковременного пребывания в Москве перед отъездом на Западный фронт Дзержинский рекомендовал выделить для систематических докладов в ЦК РКП(б) о наиболее важных делах от Коллегии ВЧК именно начальника Особого отдела²⁴³.

Восприняв критику и учтя состоявшиеся решения, особисты прекратили попытки противопоставления другим подразделениям ВЧК и избрали объединительную тактику, но с явным доминированием своих кадров. Действия Менжинского и Ягоды осенью и зимой 1920 года получили в литературе название «четвертого организационного периода ВЧК»²⁴⁴.

С окончанием советско-польской войны и приближением завершения войны гражданской роль Красной Армии в защите страны уменьшалась, зато роль органов госбезопасности, и контрразведки в частности, наоборот, возрастала. Это требовало совершенствования аппарата борьбы с контрреволюцией и шпионажем.

На основании постановления Совета труда и обороны от 24 ноября 1920 года охрана всех границ РСФСР была возложена на Особый отдел ВЧК²⁴⁵. Отдел стал ведать всеми пограничными вопросами, но главное внимание сосредоточил на закордонной работе, принятии мер по недопущению проникновения в страну разведчиков и диверсантов противника, борьбе с контрабандой. В структуре Особого отдела ВЧК функционировало пограничное отделение.

Получают дальнейшее развитие политическая разведка и внешняя контрразведка. Иностранное осведомительное бюро было преобразовано в отделение, а затем и в отдел, организационно входивший в состав Особого отдела²⁴⁶, что подчеркивало его основную задачу — выявлять замыслы иностранных и эмигрантских спецслужб и тем самым способствовать контрразведывательной работе.

Практика показала, что работа агентурной разведки разных стран имеет свои особенности. Поэтому принимается решение о создании в рамках Особого отдела ВЧК специальных отделений (13-е — разведки Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Румынии; 14-е — восточное; 15-е — разведки стран Антанты). Кроме того, были сформированы спецотделения по борьбе с контрреволюцией в армии и по работе среди бывших офицеров²⁴⁷.

В начале ноября 1920 года под руководством Дзержинского состоялось заседание Коллегии ВЧК, на котором рассматривался вопрос о слиянии параллельных отделов ВЧК и Особого отдела ВЧК. Члены Коллегии постановили: «объединить административные отделы и управления делами»²⁴⁸.

Что касается секретно-оперативного отдела ВЧК и оперода Особого отдела, то для дальнейшей проработки процесса возможного слияния создавалась специальная комиссия в составе двух особистов (Менжинского и А.Х. Артузова) и начальника секретно-оперативного отдела ВЧК Т.П. Самсонова.

Основные руководящие посты в Управлении делами и созданном 20 декабря 1920 года административно-организационном управлении ВЧК заняли особисты²⁴⁹.

Завершение реорганизации центрального аппарата ВЧК относится к 14 января 1921 года, когда было создано секретно-оперативное управление²⁵⁰.

Основными его подразделениями стали особый, оперативный и секретный отделы. Возглавил управление Менжинский, которому подчинялся также и иностранный отдел ВЧК.

В сфере контрразведки головным подразделением остался особый отдел, который вырабатывал стратегию борьбы со шпионажем, планировал и осуществлял контрразведывательные операции, накапливал и обрабатывал в этих целях информацию, добытую в том числе другими отделами.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что в области строительства Особых отделов была решена объективно назревшая задача по созданию единого государственного учреждения, в деятельности которого слились две функции — госбезопасности и военной контрразведки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате деятельности по развитию организационной структуры отечественной контрразведки с лета 1914 по конец 1920 года был накоплен богатый и ценный опыт. Ценность этого опыта определяется прежде всего тем, что эти неполные семь лет для истории России были поистине уникальными: две войны — Первая мировая и Гражданская — и две революции — Февральская и Октябрьская 1917 года. В этих сложных условиях менялись и уточнялись взгляды на контрразведку, ее задачи и организацию деятельности. Используя большое количество новых архивных материалов, малодоступные эмигрантские издания и труды зарубежных историков, автор стремился быть объективным в своем исследовании, выявить как позитивные, так и негативные стороны в организации деятельности контрразведывательных органов, одновременно оценить ее с современных позиций.

Новизна исследования состоит в том, что на основе концепции взаимосвязанных критических периодов в развитии нашей страны — последних лет Российской империи, периода буржуазно-демократической республики, а затем власти Советов — и тщательного анализа происходивших событий выработан во многом новый взгляд на эволюцию органов контрразведки и основные особенности их деятельности, выявлено то, что может обогатить современную практику организационного строительства спецслужб и обеспечения государственной безопасности в целом.

Во-вторых, исходя из понимания контрразведки как сложного социального организма, автор стремился раскрыть решающую роль человеческого фактора в истории ее становления и развития. По мере вступления страны в критический период развития орга-

ны контрразведки испытывают объективную необходимость перемен. Этот важнейший этап развития прокладывает себе дорогу через человеческие интересы. Последние всегда многообразны и крайне противоречивы: от передовых и альтруистических до сугубо ведомственных, групповых и даже своекорыстных. В этом ряду стоит угроза всему разумному — профессиональная некомпетентность. Вот почему автор уделяет особое внимание изучению роли конкретных личностей в истории контрразведки, их влиянию на развитие событий.

В-третьих, определенные дополнительные возможности для более полного учета исторического опыта открываются при анализе альтернативных проектов различных инструкций, положений, приказов. При этом в речь не идет о фантазировании по принципу «что было бы, если...». Рассмотрение не реализованных на практике проектов позволяет увидеть и оценить направленность и глубину мыслей заинтересованных в укреплении контрразведки должностных лиц, столкновение идей, процесс рождения итоговых документов, предопределивших дальнейшее организационное строительство и развитие кадрового потенциала органов контрразведки.

Русская контрразведка не была готова к Первой мировой войне, что послужило в определенной степени причиной отсутствия в 1914 году каких-либо серьезных результатов по борьбе со шпионажем противника. Все попытки реформирования контрразведки в предреволюционный период фактически закончились безрезультатно. Руководители русской армии так и не осознали объективной необходимости создания органов безопасности в войсках, на которые возлагалась бы одновременно и борьба с разведдеятельностью противника. Императорская армия и флот разрушались и теряли свою боеспособность не столько от действий германских и австрийских лазутчиков во фронтовой зоне, сколько от целенаправленных усилий со стороны различных антигосударственных сил, преследующих свои политические и экономические интересы.

Естественно, что органы полиции и контрразведки не смогли бы спасти царский режим и обеспечить победу в мировой войне, но объединенные, поддерживаемые высшими военными и гражданскими властями, они бы значительно эффективнее противостояли внешним и внутренним противникам императорской России.

Решения Временного правительства об упразднении Отдельного корпуса жандармов и Департамента полиции со всеми их структурами на местах, организованные и направляемые пришедшими к власти революционными и либеральными лидерами, гонения на жандармов и полицейских привели к резкому ослаблению контрразведки, т.к. именно они на 90% составляли руководящее звено контрразведывательных отделений фронтовых штабов и округов. Агентурный аппарат был практически уничтожен. Понимая, что идет процесс фактической ликвидации КРО, наиболее думающие военные руководители предпринимали некоторые меры по укреплению их личного состава за счет офицеров Генштаба и юристов. В определенной степени эту задачу удалось решить только к концу лета 1917 года.

Легализация КРО, разработка основополагающих документов по их организации и деятельности позволили создать основу для повышения эффективности борьбы со шпионажем. В случае, если бы Временное правительство удержалось у власти, контрразведка могла выйти на качественно новый уровень. В это время начался процесс реального превращения контрразведки в систему с единым руководящим центром, осознания необходимости централизации. В период пребывания у власти Временного правительства впервые в истории отечественных спецслужб была предпринята попытка создания общегосударственной контрразведки и трансформации военной контрразведки в органы безопасности в войсках.

Придя к власти, большевики не имели заранее намеченного плана реорганизации контрразведки. Как и после свержения самодержавия, революцион-

ные военные деятели из-за отсутствия в их среде специалистов-контрразведчиков пошли проторенным Временным правительством путем, сокращая число КРО и их штаты, ограничивая финансирование, изгоняя из органов «сомнительных» сотрудников. Контрразведка как система фактически перестала существовать. Многоцентрие в военном управлении неминуемо должно было привести и привело к появлению независимых друг от друга контрразведывательных структур, которые, за исключением военного контроля Оперода, обозначали свою деятельность, сосредоточившись лишь на разработке различных проектов будущей системы по борьбе со шпионажем.

С учетом работы в военных контрразведывательных органах бывших царских офицеров и реальных фактов предательства с их стороны, фактического перехода под контроль англичан флотской спецслужбы в ВЧК рождались планы концентрации в ее рамках всей контрразведки. Имели место попытки создания собственной спецслужбы по борьбе со шпионажем. В силу ряда объективных и субъективных причин, включая противодействие со стороны военного руководства в лице Л.Д. Троцкого, чекистам последовательно и в полном объеме не удалось реализовать свои замыслы до конца 1918 года.

В условиях Гражданской войны, которая осенью 1918 года приняла масштабный и ожесточенный характер, отделить на практике шпионаж от контрреволюционной деятельности было невозможно. Это осознавали и в военном ведомстве, и в ВЧК. Требовалось объединить соответствующие структуры двух ведомств. Однако возникли разногласия по поводу вопроса о принадлежности единого органа.

В связи с дискуссией по поводу целесообразности существования самой ВЧК ее руководящие сотрудники, включая и Ф.Э. Дзержинского, не решались на активные действия по включению контрразведки в чекистскую систему. Однако после того как высший государственный орган (ВЦИК) подтвердил своим постановлением необходимость деятельности ВЧК для

находящейся в состоянии Гражданской войны страны, оппоненты чекистов в РВСР отступили. В подготовленном в ВЧК и утвержденном в феврале 1919 года Президиумом ВЦИК «Положении об Особом отделе» прямо указывалось, что он создается при Всероссийской ЧК. Военная разведка осталась в Полевом штабе РВСР. В основу Особого отдела при ВЧК была положена структура отдела Военного контроля Регистрационного управления РВСР. Костяк кадров на первых порах составили бывшие сотрудники Военного контроля.

Особый отдел при ВЧК занял важное место в общей системе Всероссийской ЧК. Это вытекло из политической, экономической и военной обстановки, которая хотя и изменялась, но оставалась достаточно тяжелой для Советской Республики на протяжении всего 1919 года. Обеспечение боеспособности Красной Армии, надежности ее частей и соединений, своевременное вскрытие и пресечение контрреволюционных проявлений и фактов шпионажа были в числе важнейших задач ВЧК, реализуемых через Особый отдел.

Перенесение центра тяжести в работе ВЧК на Особый отдел, который действовал на основе Положения, утвержденного ВЦИК, наличие в прямом подчинении довольно разветвленной системы местных органов, специфический, отличный от других отделов ВЧК объект деятельности — Красная Армия и Флот — объективно давали ему больше самостоятельности и независимости от такого коллективного руководящего органа, как Президиум ВЧК. Наметившаяся оторванность и бесконтрольность Особого отдела в рамках центрального аппарата Всероссийской ЧК усилилась за счет личных качеств его первого руководителя М.С. Кедрова, проводившего местническую политику. Результаты такой политики удалось постепенно устранить благодаря некоторым организационным и кадровым решениям Президиума ВЧК и непосредственно Ф.Э. Дзержинского. Повышение управляемости Особым отделом произошло

лишь после отстранения М.С. Кедрова и назначения председателем Особого отдела руководителя ВЧК.

Провозглашенный в Положении контроль за Особым отделом со стороны РВСР на практике реализован не был. РВСР занял в данном вопросе пассивную позицию и ограничился контактами с Особым отделом ВЧК по поводу конфликтов «особистов» с местными военными властями, арестов командиров разного уровня. Лишь в одном вопросе — о передаче Особых отделов фронтов и армий под полный контроль соответствующих реввоенсоветов — РВСР настойчиво проводил свою линию и добился успеха. За Особым отделом на несколько месяцев 1919 года осталось лишь общее руководство указанными органами.

Внутренняя структура Особого отдела в период его становления практически не изменялась и соответствовала задачам, изложенным в Положении. Однако обстановка менялась, а М.С. Кедров как руководитель армейских чекистов не принимал должных мер по совершенствованию организационно-штатной структуры, что в совокупности с политикой выдвигания наиболее квалифицированных сотрудников (работавших ранее в отделе Военного контроля РВСР) сказывалось на эффективности функционирования отдела по всем направлениям.

Изучение новых архивных материалов и их комплексный анализ показывают, что назначение в августе 1919 года председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского одновременно и руководителем ее Особого отдела было связано с серьезными недостатками в работе М.С. Кедрова, необходимостью укрепления взаимодействия с РВСР, с учетом сложной военной обстановки на фронтах Советской республики.

Прагматическое ленинское руководство страны, поставленное перед крайним историческим выбором: победа или смерть, в области строительства Особых отделов реализовало самую смелую организационную идею своих предшественников и антиподов из лагеря царизма. Она заключалась в создании единого государственного учреждения, в котором было осуще-

ствлено слияние двух функций: госбезопасности и военной контрразведки.

Этот исторический прорыв в организации специальных служб государства был успешно реализован в конце 1919 года. Их руководители, не стесненные ни традициями, ни правительством страны, смогли осуществить централизацию Особых отделов ВЧК. В результате этой энергично проведенной акции военная контрразведка советского государства заняла лидирующие позиции в системе органов госбезопасности и в этом своем качестве способствовала победе красных войск в Гражданской войне.

Возникнув и созрев в качестве государственной функции, разведка и контрразведка не исчезают, несмотря ни на какие социальные потрясения. Краткий период (конец 1917 года и практически весь 1918 год) игнорирования этой государственной функции красноречиво показал новому руководству России невозможность стабильного существования вооруженных сил и государства в целом в этих условиях. Как известно, попытки подобных волонтаристских действий в начале 1990-х годов дорого стоили новой России.

Мудрость руководителей страны проявляется и в том, что они, вовремя распознав глубинный смысл такой государственной функции, как организация контрразведывательной деятельности, должны настойчиво и последовательно, проявляя волю и твердый характер, добиваться адекватного ее оформления с точки зрения организации. Самодержавный строй, переживавший кризис, обострившийся в годы Первой мировой войны, оказался неспособным на это. Между тем лучшие умы и специалисты тех дней безупречно определили вектор развития специальных служб государства. На путь пересмотра взглядов на данную проблему удалось встать уже в послефевральской, демократической России, правда, с определенными колебаниями и издержками. Однако до реализации нового курса дело по известным причинам не дошло. Большевицкие руководители страны лишь в разгар Гражданской войны не пожалели усилий

для строительства специфических на тот период органов — Особых отделов ВЧК — и добились победы в этой войне. Таким образом, организационно-штатная структура контрразведывательных органов не должна быть застывшей и неизменной, а обязана совершенствоваться в условиях меняющейся обстановки.

«Чистые» разведка и контрразведка как самостоятельные, независимые виды деятельности возможны только в теории. Они являются специфическими отраслями (подсистемами) единой системы, именуемой государственной безопасностью. Раздельное их существование наносит существенный ущерб государству. Это положение — социальное и организационное единство спецслужб и органов госбезопасности — в условиях царизма не было реализовано. Тщетными оказались аналогичные попытки и в период деятельности Временного правительства. Ленинское руководство, не связанное ни с государственными традициями, ни с морально-нравственными аспектами в политике, смело наделило органы госбезопасности всеми возможными карательными полномочиями. Особые отделы ВЧК — контрразведка и органы политической охраны в армейской среде — в конечном счете заняли лидирующее положение в системе госбезопасности. Краткого срока их лидерства оказалось достаточно для победы в Гражданской войне. Достигнутое ленинским правительством в области строительства спецслужб государства явилось гигантским по своим последствиям в мировой практике историческим прорывом в данной сфере. Он может быть поставлен в один ряд с организацией и деятельностью не побежденной в ходе мировой войны спецслужбы кайзеровской Германии. Таким образом, в любой общественно-политической ситуации должно обеспечиваться единство разведывательных и контрразведывательных структур, которое достигается подчинением их единому органу, отвечающему за государственную безопасность.

Проведенное исследование подтвердило, что необходимо бережно относиться к кадрам контрразвед-

ки, создавать условия для их плодотворной работы и поддерживать на должном уровне материальное благосостояние. Важно избегать различного рода кампаний по массовому увольнению сотрудников в связи с изменением политической конъюнктуры. Смена режимов в стране в 1917 году привела к массовым увольнениям в рядах контрразведки, вызванным недоверием новых властей к старым специалистам. Это на первых порах существенно снизило результативность контрразведывательной работы. Поэтому в любых обстоятельствах следует подходить индивидуально к каждому специалисту, определяя, нужны ли его знания, опыт и практические навыки для контрразведки.

В теоретическом и практическом отношении изучение и учет исторического опыта критических лет развития, полученного в 1914–1920 годы, весьма важны под углом зрения перемен, связанных с распадом СССР и созданием новой российской государственности. Несомненно, это время тоже являлось критическим периодом для нашей страны и ее спецслужб. Автор был свидетелем и непосредственным участником подготовки управленческих решений по организационной и кадровой перестройке органов госбезопасности в начале 1990-х годов. Тогда, в 1991–1992 годах, разработчикам новых структур явно не хватало научных знаний о трансформациях контрразведки в более ранние периоды ее истории. Поэтому кардинальные решения принимались во многом субъективно, подчас с проявлением волюнтаризма. Оторванные от жизни организационные формы, утвержденные соответствующими указами и ведомственными нормативными документами, отрицательно влияли на эффективность работы органов противодействия иностранным спецслужбам. Поэтому данное исследование может помочь руководящим кадрам и аналитикам контрразведки, а также соответствующим представителям Министерства обороны и других заинтересованных ведомств страны в работе по дальнейшему организационному укреплению органов контрразведывательной деятельности.

Примечания

Введение

¹ Агафонов В.К. Заграничная охранка. Пг., 1918.

² Лемке М.К. 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915 – 2 июля 1916 гг.). Пг., 1920.

³ Былое. 1924, № 26.

⁴ Каторга и ссылка. 1929, № 5 (54).

⁵ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 7 т. М.-Л., 1926–1927.

⁶ Звонарев К.К. Агентурная разведка. 1914–1918 гг. Т. I, II. М., 1929, 1931.

⁷ Николай В. Тайные силы. М.: Изд. РУ штаба РККА, 1925; Ронге М. Разведка и контрразведка. М., 1939; Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930; Курлов П.Г. Гибель императорской России. Париж, 1930; Устинов С.М. Записки начальника контрразведки (1915–1920). Берлин, 1923; Демьянов А. Моя служба при Временном Правительстве – Архив русской революции. Т. IV. Берлин, 1922.

⁸ Никитин Б.В. Роковые годы (Новые показания участника). Париж, 1937.

⁹ Батюшин Н.С. Тайная военная разведка и борьба с ней. Лекции на зарубежных Высших военно-научных курсах проф. генерала Головина в Белграде (1933–1938 гг.). София, 1939.

¹⁰ Справочник о материалах контрразведывательных органов царской России. Под ред. Г. Старова. М., 1946.

¹¹ Никитинский И.И. Из истории русской контрразведки. Сборник документов. М., 1946. И.И. Никитинский известен не только как составитель и редактор нескольких сборников документов, но и как автор лекционного курса по истории политического розыска, разведки и контрразведки царской России, прочитанного в школе НКГБ и изданного там в 1946 году отдельным оттиском.

¹² Венедиктов Б.Н. Органы русской военной контрразведки (1911–1917 гг.). – Труды ВШ КГБ. 1979, № 18.

¹³ Рукопись имеет аналогичное со статьей название, депонирована в библиотеке Академии ФСБ в 1982 году, № 26893 н.

¹⁴ Достаточно отметить, что из более чем двухсот страниц рукописи лишь двадцать приходится на интересующую нас главу «Система контрразведывательных органов русской армии в годы Первой мировой войны и их задачи».

¹⁵ Яковлев Л.С. Военная контрразведка России в период империализма. Дисс. на соиск. уч. степени канд. юр. наук. М.: ВКШ КГБ, 1981.

¹⁶ Известия, 18 декабря 1918 г.

¹⁷ Климов М.Е. Очерки по истории карательных органов. М.: ВШ ОГПУ, 1928; Мосолов Ф.И. Курс лекций по истории ВЧК-МГБ. М., 1949; Петрихин А.И. Органы ВЧК в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918-1920 гг.). М., 1950; Дорошенко И.А. История органов и войск госбезопасности СССР. Ч. 1. М., 1959; Софинов П.Г. Очерки истории ВЧК (1917-1922 гг.). М., 1960; Кошелев Н. Из истории Особых отделов. - Сборник КГБ. 1967, №1.

¹⁸ Долгополов Ю.Б. Правовое положение органов советской военной контрразведки. М.: ВШ КГБ, 1966.

¹⁹ Велидов А.С. Коммунистическая партия - организатор и руководитель ВЧК (1917-1920 гг.). М.: ВКШ КГБ, 1970.

²⁰ Васильев И.И. Создание советской военной контрразведки (октябрь 1917 - февраль 1919 гг.). М.: ВКШ КГБ, 1973.

²¹ Barron J. KGB today. The hidden hand. New York, 1983; Knight W. The KGB's special departments in the soviet armed forces. New York, 1984; Stephan P.W. Death to spies: the story of Smersh (soviet military counterintelligence during world war II). Michigan university, 1987; Dziak Y. Chekisty. A history of the KGB. Toronto, 1988; Foglesong D. America's secret war against bolshevism. London. 1995.

²² Leggett George. The Cheka (Lenin's political police). New York, 1986.

²³ Отчет Всероссийской чрезвычайной комиссии за четыре года ее деятельности (организационная часть). М., 1921; Из истории русской контрразведки. Сборник

документов М., 1946; Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК—ОПГУ. Сборник документов и материалов. М., 1971; Советская военная контрразведка. Сборник документов. Вып.1 (1918—1922). М., 1978.

Глава I

¹ Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 197.

² Из истории русской контрразведки. Сборник документов. М., 1946. С. 164. Командование Казанского военного округа неоднократно обращалось в ГУ ГШ по поводу организации КРО, однако оно было создано лишь в конце 1916 года.

³ Создание органов контрразведки во фронтовых штабах в предложениях специалистов вообще не предусматривалось.

⁴ Из истории русской контрразведки. С. 136.

⁵ Там же. С. 95.

⁶ К середине 1913 года районные охранные отделения были ликвидированы, а необходимые коррективы в планы штабов не вносились.

⁷ КРО при штабах Кавказской и 7-й армий удалось создать только в конце 1915 года. Контрразведка 10-й армии формировалась вообще из случайных людей. — Российский государственный военно-исторический архив. Ф.2000. Оп.15. Д.829. Л.10 (далее: РГВИА).

⁸ Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб., 1914.

⁹ Данилов Ю.Н. На пути к крушению. М., 1992. С. 304.

¹⁰ Ростунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976. С. 92.

¹¹ РГВИА. Ф.2000. Оп.15. Д.829. Л.2.

¹² Там же. Д.828. Л.2.

¹³ Батюшин Н.С. Тайная военная разведка и борьба с ней. София, 1939. С. 93.

¹⁴ Яковлев Л.С. Военная контрразведка России в период империализма (канд. дис.). М., 1981. Академия ФСБ, инв. № 25692 Н. С. 66.

¹⁵ Ростунов И.И. Указ. соч. С. 112.

¹⁶ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 586.

¹⁷ На начало 1916 года из 23 начальников КРО в действующей армии звание подполковника имели 8 человек, ротмистра — 10, капитана — 4, есаула — 1. Подсчитано автором. — РГВИА. Ф.2000. Оп.16. Д.1048. Л.99 об.

¹⁸ Батюшин Н.С. Указ. соч. С. 94.

¹⁹ Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997. С. 135.

²⁰ Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. М., 1993. С. 109.

²¹ Батюшин Н.С. Указ. соч. С. 93.

²² РГВИА. Ф.2000. Оп.15. Д.828. Л.1-1 об.

²³ Там же. Л.2 об.

²⁴ Этот факт показывает отсутствие данного основополагающего документа в подавляющем числе КРО фронтов и армий.

²⁵ РГВИА. Ф.2000. Оп.15. Д.828. Л.7.

²⁶ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1957. С. 69.

²⁷ РГВИА. Ф.2000. Оп.15. Д.828. Л.10.

²⁸ В своей книге М.Д. Бонч-Бруевич как на серьезный недостаток указывает на использование жандармских офицеров в качестве начальников КРО. Данный тезис не более чем дань идеологической конъюнктуре 50-х годов. В изученных нами в РГВИА документах Бонч-Бруевича за 1915–1917 годы не только не содержится его отрицательной оценки деятельности жандармов в контрразведке, но, напротив, говорится о них положительно.

²⁹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Воспоминания М.Д. Бонч-Бруевича. С. 112.

³⁰ РГВИА. Ф.2000. Оп.15. Д.828. Л.97.

³¹ Былое. 1924, № 26. С. 223.

³² Из истории русской контрразведки. С. 165. Эта формулировка, данная М.Д. Бонч-Бруевичем, осталась и в окончательном варианте Наставления.

³³ Там же. С. 173.

³⁴ В Положении о КРО указывалось, что они «учреждаются для борьбы с военным шпионством и вообще для воспрепятствования тем мерам иностранных государств, которые могут повредить интересам обороны империи».

³⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп.15. Д.828. Л.21 об.

³⁶ Там же. Л.82 об.

³⁷ Ростунов И.И. Указ. соч. С. 115. К концу 1917 года аппарат Ставки значительно разросся и составлял шестнадцать управлений и три канцелярии с общим штатом в 250 человек.

³⁸ РГВИА. Ф.2000. Оп.15. Д.828. Л.31.

³⁹ Из истории русской контрразведки. С. 166.

⁴⁰ РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.1083. Л.3-4.

⁴¹ Там же. Л.4.

⁴² Там же. Л.9.

⁴³ Там же. Л.5.

⁴⁴ Вестник Академии ФСБ. 1996. Вып. 6. С. 14; Труды ВКШ КГБ. 1979, № 18. С. 92.

⁴⁵ Во-первых, между органами, входящими в систему, существуют прямые и жесткие структурно-функциональные связи субординации. Во-вторых, система внутренне организована, имеет собственную структуру, обособлена от других систем и возглавляется определенным организационным центром. В-третьих, органы взаимосвязи системы обладают значительной устойчивостью и выступают во вне в качестве единого специфического целого. В-четвертых, система (и соответствующие ее элементы) имеет собственный, только ей присущий тип взаимодействия с управляемыми объектами и другими субъектами управления. — Атаманчук Г.В. Государственное управление: проблемы методологии правового исследования. М., 1975. С. 164-165.

⁴⁶ Военная энциклопедия. М., 1994. Т. 2. С. 378.

⁴⁷ Как показывает изучение многочисленных исследований и воспоминаний видных военачальников периода Первой мировой войны, практически ни один из генкваров, за исключением М.Д. Бонч-Бруевича, В.Н. Клембовского, не уделял внимания вопросам организационного строительства и руководства контрразведкой.

⁴⁸ ГАРФ. Ф.102. Оп.316. Д.102. С. 105 об., 106.

⁴⁹ Архив Службы внешней разведки России (далее: АСВРР). Д.329. Т.2. Л.186.

⁵⁰ Из истории русской контрразведки. С. 301.

⁵¹ Там же. С. 184.

⁵² Бонч-Бруевич М.Д. Указ. соч. С. 69.

⁵³ Лемке М. 250 дней в царской Ставке. Пг., 1920. С. 533.

⁵⁴ Катков Г.М. Указ. соч. С. 142.

⁵⁵ РГВИА. Ф.2000. Оп.15. Д.828. Л.169 об.

⁵⁶ На конец 1915 года в Петрограде действовали КРО штабов Северного фронта, 6-й армии, Главного управления Генштаба, а также КРО штаба округа.

⁵⁷ РГВИА. Ф.2000. Оп.15. Д.828. Л.216. Поскольку отделение формировалось заново и подготовленных руководящих сотрудников в резерве не имелось, начальником КРО Литер «Б» назначили лично известного царской семье, но абсолютно не знакомого с вопросами борьбы со шпионажем капитана А. Соколова, бывшего преподавателя кадетского корпуса. По своему усмотрению он набрал личный состав, который, как оказалось, не отвечал предъявляемым требованиям.

⁵⁸ Из истории русской контрразведки. С. 166.

⁵⁹ РГВИА. Ф.2000. Оп.16. Д.516. Л.13. Агенты КРО ГУ ГШ работали в Австрии, Америке, Англии, Бельгии, Болгарии, Китае, Персии, Турции, Швеции и Японии.

⁶⁰ Там же. Л.14.

⁶¹ Там же. Л.3 об.

⁶² Там же. Л.4.

⁶³ РГВИА. Ф.2000. Оп.16. Д.426. Л.47.

⁶⁴ Там же. Л.47 об.

⁶⁵ РГВИА. Ф.2000. Оп.16. Д.429. Л.2 об.

⁶⁶ РГВИА. Ф.2000. Оп.16. Д.426. Л.41.

⁶⁷ РГВИА. Ф.2000. Оп.16. Д.1125. Л.1.

⁶⁸ Там же. Л.19 об.

⁶⁹ РГВИА. Ф.2000. Оп.15. Д.828. Л.13.

⁷⁰ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 222.

⁷¹ РГВИА. Ф.2000. Оп.15. Д.828. Л.107. Опираясь на поддержку великого князя Николая Николаевича, он еще в 1913 году запретил вести агентурную работу в войсках и расформировал наиболее дееспособные органы политической полиции – районные охранные отделения (см. Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 181, 218).

⁷² В Министерстве внутренних дел не имелось полного текста Наставления, и его пришлось запрашивать в ГУ ГШ в октябре 1915 года. – Из истории русской контрразведки. С. 199.

⁷³ ГАРФ. Ф.102. Оп.316. Д.356. Л.125. Нарекания военачальников в адрес некоторых начальников КРО из

числа жандармских офицеров во многом были обусловлены их слабым знанием розыскного дела.

⁷⁴ Из истории русской контрразведки. С. 198.

⁷⁵ ГАРФ. Ф.102. Оп.316. Д.356. Л.146.

⁷⁶ Р.Г. Моллов был уволен, так как являлся болгарин по национальности, а в конце октября Болгария вступила в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии.

⁷⁷ Из истории русской контрразведки. С. 198.

⁷⁸ Там же. С. 301.

⁷⁹ Там же. С. 301. Р.Г. Моллов не указал, следует ли передать в ГЖУ контрразведку военных округов вне ТВД либо и КРО действующей армии.

⁸⁰ Там же. С. 204. Некоторые ГЖУ, не дожидаясь указаний центра, активно включились в контрразведывательную деятельность, что зачастую создавало конфликтные ситуации с войсковыми штабами (РГВИА. Ф.2000. Оп.15. Д.828. Л.16).

⁸¹ Из истории русской контрразведки. С. 199. В отличие от своих сухопутных коллег высшие офицеры Морского генштаба охотно шли на контакт с Министерством внутренних дел и именно туда обращались за помощью в создании флотской контрразведки.

⁸² Лемке М. Указ. соч. С. 282.

⁸³ Там же. С. 734.

⁸⁴ Там же. С. 735.

⁸⁵ ГАРФ. Ф.102. Оп.316. Д.356. Л.146-147.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Лемке М.К. Указ. соч. С. 741.

⁸⁸ Там же. С. 742.

⁸⁹ Кобылин В.С. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. СПб., 1998. С. 13.

⁹⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. М., 1991. С. 106.

⁹¹ ГАРФ. Ф.102. Оп.316. Д.102. Л.95. Авторство А.С. Резанова в разработке проекта КПВ установлено автором на основе графологического исследования обнаруженного в ГАРФ рукописного варианта данного документа. Отдельные правки в проект внесены И.Ф. Манасевичем-Мануйловым.

⁹² Там же. Л.96.

⁹³ Падение царского режима. Т. 4. Ленинград, 1925. С. 514.

⁹⁴ Идею создания органа безопасности, подчиненного непосредственно правительству, реализовали большевики, учредив в декабре 1917 года ВЧК при СНК РСФСР.

⁹⁵ Богданов К.А. Адмирал Колчак. СПб., 1993. С. 30.

⁹⁶ Русское прошлое. СПб., 1996, №6. С. 53.

⁹⁷ Главный штаб ВМФ. История и современность (1696 – 1997 гг.). М., 1998.

⁹⁸ Арестант пятой камеры. Допрос адмирала Колчака. М., 1990. С. 255.

⁹⁹ Жандармским управлениям и охранным отделениям, в том числе в Санкт-Петербурге и в Кронштадте, в 1913 году было запрещено вести агентурную работу среди нижних чинов во флотских штабах, на береговых объектах и в судовых командах. Что касается КРО столичного округа, то оно охраняло прежде всего армейские секреты, хотя номинально оберегало и флот.

¹⁰⁰ Агафонов В.К. Заграничная охранка. Пг., 1918. С. 181.

¹⁰¹ РГВИА. Ф.2000. Оп.16. Д. 633. Л.1.

¹⁰² Там же. Л.1 об.

¹⁰³ Там же. Л.10.

¹⁰⁴ В Положении указано, что «контрразведывательные отделения учреждаются для борьбы с военным шпионством и вообще для воспрепятствования тем мерам иностранных государств, которые могут вредить интересам обороны империи». (Из истории русской контрразведки. С. 80.)

¹⁰⁵ РГВИА. Ф.2000. Оп.16. Д.633. Л.2.

¹⁰⁶ Там же. Д.1048. Л.12.

¹⁰⁷ Там же. Л.3.

¹⁰⁸ Там же. Л.12.

¹⁰⁹ Там же. Л.13.

¹¹⁰ Из истории русской контрразведки. С. 199.

¹¹¹ РГВИА. Ф.2000. Оп.15. Д.828. Л.203.

¹¹² Там же. Л.230а.

¹¹³ ГАРФ. Ф. 102. Оп.316. Д.356. Л.154.

¹¹⁴ Там же. Л.316. С. 56.

¹¹⁵ Там же. Д.179. Л.179 об.

¹¹⁶ Там же. Д.356. Л.16.

¹¹⁷ Там же. Л.327 об.

¹¹⁸ Там же. Т.2. Л.4 об.

¹¹⁹ Служба безопасности. М., 1997, № 1–2. С. 51.

¹²⁰ Новый военный министр генерал Д.С. Шуваев ко времени своего назначения семь лет руководил Интендантским управлением и, естественно, был далек от вопросов борьбы со шпионажем. Поэтому до января 1917 года, когда министерский пост занял генерал М.А. Беляев, согласование проекта шло только на рабочем уровне.

¹²¹ РГВИА. Ф.2000. Оп.13. Д.1. Л.1, 1 об.

¹²² В 1916 году Особое делопроизводство МГШ было преобразовано в Регистрационную службу, в состав которой вошли подразделения разведки и контрразведки.

¹²³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 1. Л.10.

¹²⁴ Там же. Л.19.

¹²⁵ В совещании приняли участие, помимо самого В.А. Виноградова, руководитель разведывательного делопроизводства ГУ ГШ полковник М.Ф. Раевский, начальник Центрального военно-регистрационного бюро ГУ ГШ полковник В.Г. Туркистанов, заместитель В.А. Виноградова подполковник А.И. Левицкий, начальник КРО штаба Петроградского военного округа полковник В.И. Якубов и глава Петроградского морского КРО полковник И.С. Николаев.

¹²⁶ РГВИА. Ф.2000. Оп.13. Д.1. Л.4. Журнал заседания был подписан участниками лишь 26 февраля 1917 года.

¹²⁷ Там же. Л.13.

¹²⁸ Идя навстречу Моргенштабу, Министерство внутренних дел согласилось специально ввести шесть штатных должностей (по числу морских КРО) помощников начальников ГЖУ.

¹²⁹ РГВИА. Ф.2000. Оп.13. Д.1. Л.15.

¹³⁰ Февральская революция. 1917 год. Сборник документов и материалов. М., 1969. С. 180-181. Военная комиссия существовала с 27 февраля по 3 апреля 1917 года.

¹³¹ Там же. С. 166.

¹³² РГВИА. Ф.2000. Оп.13. Д.1. Л.101.

¹³³ Там же. Л.97.

¹³⁴ Там же. Л.109.

¹³⁵ Там же. Л.98.

¹³⁶ ЦОА ФСБ РФ. Ф.1. Оп.6. Д.242. Л.13.

¹³⁷ Там же. Л.22.

¹³⁸ РГВИА. Ф.2000. Оп.13. Д.11. Л.16.

¹³⁹ Вечернее время, 23 июня 1917 г.

¹⁴⁰ Биржевые ведомости, 12 октября 1917 г.

¹⁴¹ Устинов С.М. Записки начальника контрразведки (1915–1920). Берлин, 1923. С. 26.

¹⁴² Никитин Б. Роковые годы. Париж, 1937. С. 17.

¹⁴³ Архив русской революции. М., 1991. Т. 11. С. 44.

¹⁴⁴ РГВИА. Ф.2000. Оп.15. Д.798. Л.17.

¹⁴⁵ ЦХИДК. Ф.198. Оп.9а. Д.12858. Л.181.

¹⁴⁶ РГВИА. Ф.2000. Оп.13. Д.22. Л. 4 об.

¹⁴⁷ Там же. Л.10.

¹⁴⁸ Там же. Л.6–7.

¹⁴⁹ В материалах КРО штабов военных округов автор не обнаружил упоминания о каких-либо специальных подразделениях милиции, исполнявших функции контрразведки в губернских городах и других стратегически важных центрах.

¹⁵⁰ РГВИА. Ф.2000. Оп.13. Д.1. Л.109 об.

¹⁵¹ Там же. Д.22. Л.1 об.

¹⁵² Там же. Д.1. Л.141.

¹⁵³ Там же. Л.39.

¹⁵⁴ Комиссия заседала до 20 апреля 1917 года. В ней приняли участие начальник разведывательного отделения ГУ ГШ М.Ф. Раевский, офицер штаба ВГК Н.В. Терехов, начальник Морской Регистрационной службы В.А. Виноградов, начальники КРО Петроградского (Б.В. Никитин) и Одесского (Ускал) военных округов, КРО штаба Северного фронта (Тихомиров), представитель Министерства внутренних дел Н.В. Волчинов.

¹⁵⁵ Предполагалось, что «Временное положение» утвердит непосредственно военный министр А.И. Гучков, однако он был в это время болен и его обязанности исполнял генерал Новицкий.

¹⁵⁶ РГВИА. Ф.2000. Оп.13. Д.1. Л.59.

¹⁵⁷ Яковлев Л.С. Военная контрразведка России в период империализма (канд. дис.). М., 1981. С. 76.

¹⁵⁸ Труды ВКШ КГБ. 1979, № 18. С. 94.

¹⁵⁹ Ростунов И.И. Указ. соч. С. 337.

¹⁶⁰ Первая мировая война. М., 1994. С. 163.

¹⁶¹ Данное положение утверждено Верховным главнокомандующим генералом М.В. Алексеевым 2 мая 1917 года.

¹⁶² РГВИА. Ф.2000. Оп.13. Д.1. Л.59 об.

¹⁶³ Там же. Л.61.

¹⁶⁴ Морское министерство имело свои органы контр-разведки.

¹⁶⁵ РГВИА. Ф.2000. Оп.13. Д.1. Л.62 об.

¹⁶⁶ Штат КРО штаба Московского военного округа составлял 75, а Казанского, Омского, Иркутского, Приамурского и Туркестанского – 60 человек.

¹⁶⁷ ЦОА ФСБ. Ф.1. Оп.6. Д.242. Л.1–7.

¹⁶⁸ Кроме КРЧ, 2-й генерал-квартирмейстер руководил также и военной разведкой.

¹⁶⁹ Начальники КРО штабов фронтов и их помощники назначались начальниками штабов, а армейских КРО – командующими армией. Руководство КРО военных округов на ТВД назначалось начальниками штабов соответствующих фронтов.

¹⁷⁰ См. Венедиктов Н. Указ. соч. С. 95.

¹⁷¹ До начала мировой войны Н.В. Терехов несколько лет работал по линии разведки и контрразведки в штабе Варшавского военного округа, а с началом боевых действий возглавил разведку 2-й армии. Ему принадлежит идея создания диверсионных групп для работы в тылу противника. С конца 1915 года участвовал в организации зафронтной контрразведывательной работы в Ставке. Приказом ВГК Терехов 24 мая 1917 года был назначен начальником КРЧ и оставался на этой должности до расформирования Ставки в феврале 1918 года.

¹⁷² РГВИА. Ф.2000. Оп.13. Д.1. Л.96–97.

¹⁷³ ЦОА ФСБ. Ф.1. Оп.6. Д.242. Л.2.

¹⁷⁴ РГВИА. Ф.2000. Оп.13. Д.1. Л.46.

¹⁷⁵ Там же. Д.22. Л.25.

¹⁷⁶ Там же. Л.94.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Даже следователь по особо важным делам при Верховном главнокомандующем В.Г. Орлов был прапорщиком крепостной артиллерии.

¹⁷⁹ РГВИА. Ф.2000. Оп.13. Д.1. Л.105.

¹⁸⁰ Труды ВКШ КГБ. 1978, № 18. С. 95.

¹⁸¹ РГВИА. Ф.2000. Оп.15. Д.797. Л.160 об.

¹⁸² Там же. Оп.13. Д.14. Л.54 об.

¹⁸³ Там же. Оп.13. Д.3. Л.17. Наибольшее увеличение штатов произошло в КРО Петроградского военного округа – со 167 до 218 человек.

¹⁸⁴ Там же. Д.809. Л.18.

¹⁸⁵ Там же. Л.15. Тексты проектов автору обнаружить не удалось; отдельные упоминания об этом Положении имеются в выступлениях участников съезда.

¹⁸⁶ Там же. Л.22—23.

¹⁸⁷ Там же. Л.27.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же. Л.19.

¹⁹⁰ Там же. Оп.13. Д.4. Л.58. Терехов указывал и на наиболее подходящего кандидата, каковым считал В.Г. Орлова, шесть лет занимавшегося исключительно делами о шпионаже.

¹⁹¹ Военно-исторический журнал. 1968, № 1. С. 63.

¹⁹² ЦОА ФСБ. Ф.1. Оп.6. Д.242. Л.1.

¹⁹³ Там же. Л.21.

¹⁹⁴ РГВИА. Ф.2000. Оп.14. Д.13. Л.11.

¹⁹⁵ Возрождение, 17 апреля 1929 г.

¹⁹⁶ Никитин В. Указ. соч. С. 16.

¹⁹⁷ ЦОА ФСБ. Ф.1. Оп.6. Д.242. Л.6.

¹⁹⁸ Возрождение, 17 апреля 1929 г.

¹⁹⁹ Архив УФСБ по СПб. и Лен. области. Уголовное дело № 10059. Л.255.

²⁰⁰ РГВИА. Ф.2000. Оп.13. Д.15. Л.1.

²⁰¹ Никитин В. Указ. соч. С. 15.

²⁰² РГВИА. Ф.2000. Оп.13. Д.15. Л.2.

²⁰³ Там же. Л.4 об.

²⁰⁴ Там же. Л.3.

²⁰⁵ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 40.

²⁰⁶ Архив УФСБ по СПб. и Лен. обл. Уголовное дело № 10059. Л.91.

²⁰⁷ ГАРФ. Ф.336. Оп.1. Д.3. Л.385 об.

²⁰⁸ Керенский А.Ф. Дело Корнилова. М., 1918. С. 98.

²⁰⁹ Там же. С. 98.

²¹⁰ Архив русской революции. М., 1991. Т. 4. С. 105.

²¹¹ Новая жизнь, 22 сентября 1917 г.

²¹² РГВИА. Ф.2000. Оп.13. Д.15. Л.18.

²¹³ Там же. Оп.15. Д.809. Л.22.

²¹⁴ Там же. Л.19.

²¹⁵ Армия и флот свободной России. 1917, 12 сентября.

²¹⁶ В.И. Ленин. Биохроника. Т. 4. М., 1973. С. 402.

²¹⁷ Военно-исторический журнал. 1998, № 3. С. 56.

²¹⁸ Военно-исторический журнал. 1998, № 1. С. 59.

- ²¹⁹ Там же. С. 62.
- ²²⁰ РГВИА. Ф.2000. Оп.13. Д.11. Л.172-175.
- ²²¹ Там же. Л.175.
- ²²² Армия и флот Рабочей и Крестьянской России. 3 (16) декабря 1917года.
- ²²³ Действия большевистских комиссаров ничем не отличались от действий представителей Временного правительства. Однако последние видели контрреволюционеров в бывших сотрудниках охранных отделений и жандармах, а посланцы Наркомвоена вообще не имели никаких критериев и увольняли контрразведчиков по своему усмотрению.
- ²²⁴ РГВИА. Ф.2000. Оп.13. Д.1. Л.191 об.
- ²²⁵ Там же. Оп.16. Д.2557. Л.8 об.
- ²²⁶ Там же. Д.11, Л.184 об.
- ²²⁷ ЦОА ФСБ. Уголовное дело № Н-417. Л.3. Одновременно с А.А. Чернявским был арестован и заведующий наружным наблюдением Захарьян. Арест носил характер устрашения, так как в апреле они снова приступили к работе.
- ²²⁸ РГВА. Ф.33988. Оп.1. Д.32. Л.94.
- ²²⁹ РГВА. Ф.11. Оп.1. Д.83. Л.7.
- ²³⁰ ЦОА ФСБ. Ф.1. Оп.2. Д.114. Л.233.
- ²³¹ РГВИА. Ф.2000. Оп.7. Д.16. Л.153.
- ²³² Военные контрразведчики. Особым отделам ВЧК-КГБ 60 лет. М., 1978.
- ²³³ ЦОА ФСБ. Ф.1. Оп.6. Д.242. Л.15.
- ²³⁴ Военно-революционные комитеты действующей армии (25 октября 1917 г. - март 1918 г.). М., 1977. С. 39.
- ²³⁵ Архив УФСБ по СПб. и Лен. обл. Ф.19. Д.322. Л.11.
- ²³⁶ Петров В.И. Отражение страной советов нашего шествия германского империализма в 1918 году. М., 1980. С. 98.
- ²³⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 234.
- ²³⁸ Архив УФСБ по СПб. и Лен. обл. Ф.19. Д.322. Л.11 об.
- ²³⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 234.
- ²⁴⁰ Молодцыгин М.А. Красная Армия. Рождение и становление. 1917-1920 гг. М., 1997. С. 65.
- ²⁴¹ Там же.
- ²⁴² Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991. С. 337.

- ²⁴³ Молодцыгин М.А. Указ. соч. С. 66.
- ²⁴⁴ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 523.
- ²⁴⁵ РГВА. Ф.3. Оп.1. Д.76. Л.64.
- ²⁴⁶ Военные контрразведчики. Особым отделам ВЧК—КГБ 60 лет. С. 29.
- ²⁴⁷ Согласно постановлению Совнаркома от 18 марта 1918 года, в Высший военный совет вошли Л.Д. Троцкий в качестве председателя, Н.И. Подвойский членом Совета, Э.М. Склянский и К.А. Мехоношин в качестве их заместителей. См.: Директивы главного командования Красной Армии (1917—1920). М., 1969. С. 26.
- ²⁴⁸ РГВА. Ф.11. Оп.4. Д.73. Л.191.
- ²⁴⁹ Военные контрразведчики. Особым отделам ВЧК—КГБ 60 лет. М., 1978. С. 29.
- ²⁵⁰ РГВА. Ф.33988. Оп.1. Д.32. Л.95.
- ²⁵¹ Военные контрразведчики. Особым отделам ВЧК—КГБ 60 лет. С. 30. Приказ об организации отделения Военного контроля состоялся 29 мая 1918 года. — РГВА. Ф.1. Оп.3. Д.45. Л.5.
- ²⁵² Бонч-Бруевич М.Д. Указ. соч. С. 256.
- ²⁵³ Васильев И.И. Создание советской военной контрразведки. С. 20.
- ²⁵⁴ РГВА. Ф.3. Оп.1. Д.76. Л.60—61. С. 115.
- ²⁵⁵ Леонов С.В. Рождение советской империи. М., 1997. С. 351.
- ²⁵⁶ ЦОА ФСБ. Ф.1. Оп.3. Д.522. Л.3. Название организации было дано по начальным буквам фамилии ее первого руководителя Р.А. Окерлунда.
- ²⁵⁷ Известия ВЦИК, 9 апреля 1919 г.
- ²⁵⁸ ЦОА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 229. Л. 51.
- ²⁵⁹ Известия ВЦИК, 9 апреля 1919 г.
- ²⁶⁰ Известия ВЦИК, 11 апреля 1919 г.
- ²⁶¹ Там же.
- ²⁶² ЦОА ФСБ. Ф.1. Оп.3. Д.349. Л.2.
- ²⁶³ Там же. Л.3 об.
- ²⁶⁴ Там же. Л.4.
- ²⁶⁵ По приговору Верховного трибунала в апреле 1919 года Р.А. Окерлунд и начальник ВМК А.К. Абрамович были расстреляны за шпионаж в пользу союзников. Начальник Регистрационной службы А.И. Левицкий, его помощник А.М. Сыроболярский заключены в концентрационный лагерь до окончания Гражданской войны, и дальнейшая судьба их неизвестна. Понесли на-

казание и другие офицеры, работавшие в спецслужбах флота (см. Известия ВЦИК, 12 апреля 1919 г.).

²⁶⁶ ЦОА ФСБ. Ф.1. Оп.3. Д.349. Л.8.

²⁶⁷ Архив УФСБ по СПб. и Лен. обл. Ф.19. Д.32. Л.87.

²⁶⁸ Там же. Л.34.

²⁶⁹ Там же. Л.97.

²⁷⁰ Очерки истории российской внешней разведки (1917–1933 гг.). Т. 2. М., 1996. С. 23.

²⁷¹ Архив УФСБ по СПб. и Лен. обл. Ф.19. Д.34. Л.16.

²⁷² РГВА. Ф.6. Оп.12. Д.14. Л.176.

²⁷³ РГВА. Ф.4. Оп.2. Д.1. Л.14.

²⁷⁴ Советская военная контрразведка: Сборник документов. Вып. 1 (1918–1922 гг.). М., 1978. С. 450.

²⁷⁵ В.И. Ленин и ВЧК: Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1987. С. 23.

²⁷⁶ Коровин В.В. История отечественных органов безопасности. М., 1998. С. 4.

²⁷⁷ ЦОА ФСБ. Ф.1. Оп.2. Д.8. Л.3–4. К.А. Шевара еще за 5 лет до начала мировой войны был завербован в качестве агента контрразведкой штаба Варшавского военного округа и работал за границей, окончил международную школу детективов. В военное время он занимался подготовкой и заброской в немецкий тыл секретных сотрудников КРО штаба Северного фронта, сам не раз выполнял рискованные задания.

²⁷⁸ Время начала работы КРБ установлено автором исходя из некоторых сохранившихся в ЦОА ФСБ документов. В частности, 12 января 1918 года председатель ВЧК утвердил отчет о проведенных КРБ первых операциях (см. ЦОА ФСБ. Ф. Ф.Э. Дзержинского. Д.241. Л.17).

²⁷⁹ ЦОА ФСБ. Ф.1. Оп.2. Д.8. Л.18.

²⁸⁰ Штатная численность КРБ определена автором по количеству подписанных председателем ВЧК мандатов сотрудникам бюро (ЦОА ФСБ. Ф.1. Оп.2. Д.8. Л.15). Общий штат центрального аппарата ВЧК на март 1918 года составлял 130 сотрудников (см. Леонов С.В. Указ. соч. С. 246).

²⁸¹ Вестник Академии ФСБ РФ. Вып. 6. М., 1996. С. 69–70.

²⁸² ЦОА ФСБ. Ф.1. Оп.2. Д.8. Л.51.

²⁸³ Там же. Уголовное дело № Н-267. С.2 об.

²⁸⁴ ЦОА ФСБ. Ф.1ос. Оп.2. Д.1. Л.4.

²⁸⁵ Там же. Л.47. Указанный отряд под командованием левого эсера Д.И. Попова принимал самое активное участие в событиях 6–7 июля 1918 года в Москве.

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Молодцыгин М.А. Указ. соч. С. 86.

²⁸⁸ ЦОА ФСБ. Ф.1ос. Оп.2. Д.1. Л.61.

²⁸⁹ Результаты предпринятого автором фронтально-го изучения протоколов заседаний Президиума ВЧК и других организационных материалов за 1918 год не дают основания для подтверждения вывода историка Ю.Б. Долгополова о создании КРО ВЧК на основании решения Президиума от 9 апреля: см. Долгополов Ю.Б. Война без линий фронта. М., 1981. С. 27.

²⁹⁰ ЦОА ФСБ. Ф.1ос. Оп.2. Д.1. Л.96.

²⁹¹ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. Сборник документов (1917–1926 гг.). М., 1977. С. 68.

²⁹² Бережков В.И. Внутри и вне «Большого дома». СПб., 1995. С. 18.

²⁹³ ЦОА ФСБ. Ф.1ос. Оп.2. Д.1. Л.96.

²⁹⁴ Бережков В.И. Указ. соч. С. 18.

²⁹⁵ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 68.

²⁹⁶ Красная книга ВЧК. Т. 1. М., 1989. С. 264.

²⁹⁷ Там же.

Глава II

¹ Гражданская война в СССР. Т. 1. М., 1980. С. 302.

² Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 2. М., 1990. С. 26.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 138–139.

⁴ РГВА. Ф.6. Оп.10. Д.11. Л.315.

⁵ Велидов А.С. Коммунистическая партия – организатор и руководитель ВЧК. М., 1970. С. 96.

⁶ Васильев И.И. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Создание советской военной контрразведки» (октябрь 1917 – февраль 1919 г.). М., 1973. С. 30.

⁷ Велидов А.С. Указ. соч. С. 105.

⁸ РГВА. Ф.6. Оп.10. Д.3. Л.102.

⁹ Из истории ВЧК. Сб. док. (1917–1921 гг.). М., 1958. С. 250.

¹⁰ Васильев И.И. Создание советской военной контрразведки. Исторический очерк. М., 1978. С. 28.

¹¹ РГВА. Ф.6. Оп.10. Д.11. Л.322.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л.147

¹⁴ Реввоен трибунал при РВСР по заявлению Бруно даже возбудил уголовное дело против Е.А. Трифонова. В результате тщательного расследования обвинения, выдвинутые против него, были сняты, а дело прекращено (см. ГА РФ. Ф.1005. Оп.6. Д.78).

¹⁵ РГВА. Ф.6. Оп.10. Д.11. Л.317-325.

¹⁶ РГВА. Ф.33987. Оп.2. Д.70. Л.71.

¹⁷ Там же. Л.72.

¹⁸ Там же. Л.73-77.

¹⁹ Там же. Л.73. В частности, в параграф четвертый «Общего положения о фронтовых Особых отделах», где говорится об их задачах, рукой И.Н. Смирнова внесены изменения, указывающие на борьбу со шпионажем как главную задачу; слова «очищение командного состава, штабов и всех красноармейских частей от контрреволюционных элементов» заменены на: «борьба с контрреволюцией». Добавлено и о возможности использования беспартийных военных специалистов в качестве консультантов, что не предусматривал М.Я. Лацис. И.Н. Смирнов уточнил также предложенное автором проектов право армейских Особотделов утверждать и приводить в исполнение приговоры только там, где нет реввоен трибуналов.

²⁰ Присутствовавший на совещании М.Я. Лацис позднее утверждал, что был решен и вопрос о вхождении Особого отдела в структуру ВЧК. Однако подтверждения этому нам обнаружить не удалось. Данный факт подтверждается лишь резолюцией С.И. Аралова на проекте структуры Особых отделов: «Согласен с объединением Военного отдела ВЧК и Военного контроля РВС Республики, порядком введения члена или представителя РВСР в Коллегию ВЧК и которому непосредственно подчинен Военный отдел (Особый). Военная разведка подчинена Полевому штабу РВСР; военная агентура – РВС Республики» (Советская военная контрразведка. Сборник документов. Вып. 1 (1918-1922 гг.). М., 1978. С. 19-20; Ф.1. Оп.4. Д.266. Л.48).

Буквально через два дня на имя члена РВСР С.И. Аралова и начальника полевого штаба Ф.В. Костяева поступила срочная телеграмма. Временно исполняющий обязанности начальника отдела Военного контроля В.Х. Штейнгардт и военный консультант И.Д. Чинтулов докладывали следующее: «Ввиду того, что вопрос о Военном контроле освещен комиссией товарища Лациса односторонне, ввиду коренного противоречия как в организации, так и в методах борьбы, существующих между принятой в ВК и предлагаемой комиссией... прошу представить возможность представителям ВК доложить Реввоенсовету сущность затронутого вопроса...» (см. РГВА. Ф.6. Оп.10. Д.11. Л.41). И такая встреча в РВСР состоялась. В.Х. Штейнгардт и И.Д. Чинтулов представили С.И. Аралову, И.И. Вацетису свой проект организации Особого отдела и проект положения о нем.

²¹ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.23. Л.1.

²² Васильев И.И. Указ. соч. С. 30.

²³ Как показал опыт, передача военной контрразведки в систему ВЧК не повлияла кардинально на повышение эффективности борьбы со шпионажем и контрреволюцией в армейской и флотской среде. Весь период Гражданской войны Особый отдел занимал обособленное положение во Всероссийской чрезвычайной комиссии, действовал практически автономно, поскольку был сконструирован как самостоятельное управление, охватывающее все административные и оперативные функции по работе в военной сфере (Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. М., 1921. С. 96).

²⁴ РГВА. Ф.6. Оп.10. Д.11. Л.109–111.

²⁵ Известия ВЦИК, 18 декабря 1918 г.

²⁶ В «Известиях ВЦИК» от 1 января 1919 года было опубликовано письмо бюро фракции коммунистов-сотрудников отдела Военного контроля РВСР с опровержением выдвинутых М.Я. Лацисом обвинений. Но широкого резонанса оно не получило. Против статьи М.Я. Лациса выступил в газете «Правда» 22 января и бывший начальник ВК Южного фронта Е. Трифонов.

²⁷ Велидов А.С. Указ. соч. С. 108.

²⁸ Васильев И.И. Указ. соч. С. 30.

²⁹ В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов. М., 1987. С. 107. Часть постановления Бюро ЦК РКП(б), относяща-

яся к М.Я. Лацису, до сих пор не публикуется в открытой литературе, в том числе и в данном сборнике документов.

³⁰ Васильев И.И. Указ. соч. С. 30.

³¹ В.И. Ленин и ВЧК. С. 107.

³² РГВА. Ф.6. Оп.10. Д.11. Л.147.

³³ И.И. Васильев придерживается другой точки зрения. Он утверждает, что ЦК своим постановлением положил конец спорам о месте военной контрразведки в системе советского государственного аппарата, закрепил ее организационное единство с ВЧК (см.: Васильев И.И. Указ. соч. С. 30.)

³⁴ РГВА. Ф.6. Оп.10. Д.11. Л.315-317.

³⁵ Там же. Л.316.

³⁶ Там же. Л.316 об.

³⁷ Там же. Д.3. Л.118.

³⁸ Там же. Л.119.

³⁹ Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. М., 1921. С. 72-73.

⁴⁰ Под постановлением РВСР и ВЧК М.С. Кедров, очевидно, подразумевал устные договоренности между Ф.Э. Дзержинским и С.И. Араловым, достигнутые 2 января 1919 года. Какого-либо специального документа в Центральном оперативном архиве ФСБ и в фонде РВСР РГВА не обнаружено.

⁴¹ Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. С. 72.

⁴² РГВА. Ф.6. Оп.10. Д.11. Л.120.

⁴³ РГВА. Ф.24380. Оп.7. Д.95. Л.92. Аралов также указывал председателям РВС фронтов и армий, что они вправе давать Особым отделам поручения, касающиеся прямых задач, не вмешиваясь в технику исполнения данных поручений. Один из членов РВС наделялся правом контроля за выполнением поручений.

⁴⁴ Там же. Л.96.

⁴⁵ Попытка сохранить единый зафронтной агентурный аппарат под эгидой Особого отдела была предпринята Л.Д. Троцким на Восточном фронте. Но она натолкнулась на сопротивление военных (РГВА. Ф.6. Оп.10. Д.203. Л.51 об.).

⁴⁶ Не получив сведений о завершении объединения к указанному сроку, т.е. к 15 января, М.С. Кедров направил 19 февраля 1919 года на места телеграмму, где давал указание сообщить, когда произошло слияние ор-

ганов военного контроля и военных ЧК и когда фактически начал функционировать Особый отдел (Архив УФСБ по Омской области. Ф.38. Оп.1. Д.52. Л.228).

⁴⁷ РГВА. Ф.6. Оп.10. Д. 2. Л.10.

⁴⁸ В.И. Ленин и ВЧК. С. 119.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Моск. парт. архив. Ф.64. Оп.1. Д.25. Л.8 об.

⁵¹ Из истории ВЧК. Сборник документов (1917—1921). М., 1958. С. 245—246.

⁵² Вопросы истории. 1990, №7. С.158.

⁵³ Там же. С. 157.

⁵⁴ Велидов А.С. Указ. соч. С. 46.

⁵⁵ Вопросы истории. 1990, №7. С. 161.

⁵⁶ На хранящемся в ГА РФ (ф.1235, оп.36, д.18, л.6) подлиннике проекта «Положения об Особых отделах при ВЧК» не имеется подписей ни его разработчиков, ни ответственных должностных лиц, представлявших документ во ВЦИК, то есть Л.Д. Троцкого, С.И. Аралова и Ф.Э. Дзержинского.

⁵⁷ Приказом Московского окружного военного комиссариата по военным делам от 22 февраля 1919 года Окружной Особый отдел был упразднен, его личный состав и все дела переданы Особому отделу при ВЧК (Известия Наркомвоен, № 43 от 28 февраля 1919 года).

⁵⁸ Нам не удалось обнаружить документов, которые свидетельствовали бы о том, что РВСР когда-либо в годы Гражданской войны воспользовался правом и предлагал своего кандидата на замещение должности заведующего Особым отделом при ВЧК.

⁵⁹ Согласно «Положению об Особых отделах при ВЧК» им возвращалось право производства следствия и связанных с ним действий (обыски, выемки, аресты), чего они были лишены в соответствии с приказом начальника Особого отдела Республики М.С. Кедрова от 4 января 1919 года.

⁶⁰ Из истории ВЧК. Указ. соч. С. 258—259.

⁶¹ Известия ВЦИК, № 400, 21 февраля 1919 г.

⁶² Из истории Гражданской войны в СССР. М., 1960. Т. 1. С. 88.

⁶³ Кузьмин Г.В. Разгром интервентов и белогвардейцев в 1917—1922 гг. М., 1977. С. 215.

⁶⁴ Какурин Н.Е. Указ. соч. С. 313.

⁶⁵ Там же. С. 295.

⁶⁶ Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1. М., 1980. С. 291.

⁶⁷ Из общего состава Красной Армии в действующих частях было лишь 700 тыс. человек (Кузьмин Г.В. Указ. соч. С. 206).

⁶⁸ Председатель СНК В.И. Ленин ставил задачу создать трехмиллионную армию уже к весне 1919 года (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 186.).

⁶⁹ Портнов В.П., Славин М.М. Правовые основы строительства Красной Армии (1918–1920 г.). М., 1985. С. 230.

⁷⁰ Кораблев Ю.И., В.И. Ленин и создание Красной Армии. М., 1970. С. 394.

⁷¹ Там же. С. 413.

⁷² Известия ЦК КПСС, 1990, № 2. С. 141–143.

⁷³ После отъезда на Украину С.И. Аралова контактами с Управлением Особого отдела ВЧК ведал член РВСР С.И. Гусев.

⁷⁴ Липицкий С.В. Ленинское руководство обороной страны (создание и деятельность высших органов руководства обороной Советской республики 1917–1920 гг.), М., 1979. С. 219.

⁷⁵ Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. С. 96.

⁷⁶ Архив УФСБ по Омской обл. Ф.38. Оп.1. Д.52. Л.228. Один из первых документов, где М.С. Кедров значится «Председателем», датирован 7 февраля 1919 года (см. Советская военная контрразведка. С. 42).

⁷⁷ Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. С. 104. Особый отдел переехал на Лубянку только в конце июля 1919 года (см. Известия ВЦИК, 22.07.1919).

⁷⁸ Велидов А.С. Указ. соч. С. 305.

⁷⁹ Известия ВЦИК, 21 февраля 1919 г.

⁸⁰ ЦОА ФСБ. Ф.1. Оп.3. Д.2. Л.109.

⁸¹ Там же. Л.109.

⁸² ЦОА ФСБ. Ф.1ос. Оп.3. Д.7. В данном деле сконцентрированы все сохранившиеся протоколы заседаний Президиума ВЧК за 1919 год.

⁸³ Из истории ВЧК. С. 280. Как фактически реализовывалось указанное решение Оргбюро ЦК РКП(б) – неизвестно, каких-либо материалов, подтверждающих еженедельные доклады М.С. Кедрова или его заместителей, пока не найдено.

⁸⁴ ЦОА ФСБ. Ф.1. Оп.3. Д.2. Л.227.

⁸⁵ Там же. Л.147 об. М.Я. Ладис хорошо знал И.П. Павлуновского по совместной работе на Восточном фронте в июле-ноябре 1918 года.

⁸⁶ Известия ЦК КПСС, 1989, № 8. С. 159. Это решение состоялось 14 марта 1919 года, а М.С. Кедров официально стал членом Коллегии ВЧК только 25 марта.

⁸⁷ Декреты Советской власти. Т. 4. С. 342.

⁸⁸ В.И. Ленин и ВЧК. С. 156.

⁸⁹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.112. Д.7. Л.27. Соответствующий приказ по Особому отделу был подписан 25 августа 1919 года (см.: Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. С. 151).

⁹⁰ Подсчитано автором по сохранившимся протоколам заседаний Президиума ВЧК (см.: ЦОА ФСБ. Ф.1ос. Оп.3. Д.7).

⁹¹ Более точно подсчитать не представляется возможным, т.к. некоторые протоколы не содержат указания на присутствовавших.

⁹² ЦОА ФСБ. Ф.1ос. Оп.3. Д.7. Л.154 об.

⁹³ Постоянными членами Президиума в 1919 году являлись заместитель председателя ВЧК И.К. Ксенофонтов, начальник инструкторского отдела Г.С. Мороз, заведующий транспортным отделом И.Д. Чугурин.

⁹⁴ Декреты Советской власти. Т. 4. С. 342.

⁹⁵ Портнов В.П., Славин М.М. Указ. соч. С. 141.

⁹⁶ Там же. С. 206.

⁹⁷ Молодцыгин М.А. Красная Армия (рождение и становление 1917-1920 гг.). М., 1997. С. 144.

⁹⁸ Указанные вопросы составляли 9,2% от всех рассмотренных на заседаниях РВСР (см.: Молодцыгин М.А. Указ. соч. С. 147).

⁹⁹ Подсчитано автором. См.: РГВА. Ф.33988. Оп.2. Д.67, 68; Ф.6. Оп.12. Д.1; Ф.4. Оп.18. Д.2.

¹⁰⁰ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.34. На просмотренных нами экземплярах сводок отсутствуют какие-либо резолюции членов РВСР и других военных членов.

¹⁰¹ В период подготовки «Положения об Особых отделах при ВЧК» Л.Д. Троцкий в Москве не появлялся, своей подписи под проектом данного документа не оставил, лишь телеграфно подтвердил свое согласие (см.: Декреты Советской власти. Т. 4. С. 343).

- 102 РГВА. Ф.6. Оп.12. Д.1. Л.80.
103 Там же. Оп.10. Д.14. Л.69.
104 Реввоенсовет Республики (6 сент. 1918 г. — 28 авг. 1923 г.). Сборник статей. М., 1991. С. 153.
105 РГВА. Ф.33988. Оп.1. Д.75. Л.178.
106 Там же. Д.146. Л.259.
107 Там же. Оп.2. Д.1. Л.239.
108 Советская военная контрразведка. С. 93–94.
109 РГАСПИ. Ф.17. Оп.112. Д.6. Л.37.
110 Там же. Д.11. Л.40.
111 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 102.
112 Известия ЦК КПСС, 1989, № 8. С. 181.
113 Там же. С. 182.
114 Среди делегатов съезда было лишь трое чекистов: Ф.Э. Дзержинский, М.Я. Лацис и Ф.Д. Медведь, причем последний с совещательным голосом (см.: VIII съезд РКП(б). Протоколы. М., 1933).
115 РВГА. Ф.33987. Оп.2. Д.70. Л.389.
116 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 102.
117 РГВА. Ф.6. Оп.10. Д.11. Л.218.
118 ГАРФ. Ф.1235. Оп.1. Д.12. Л.6.
119 РГВА. Ф.33987. Оп.1. Д.216. Д.315.
120 РГВА. Ф.6. Оп.10. Д.11. Л.217–217 об.
121 Декреты Советской власти. Т. 5. С. 186.
122 О том, как отразились данные решения на организационном строительстве Особых отделов и на их деятельности, будет сказано в следующих параграфах.
123 В.И. Ленин и ВЧК. С. 180.
124 Вполне вероятно, что поездки М.С. Кедрова и вообще формирование его поезда было санкционировано Ф.Э. Дзержинским, чтобы де-факто в его лице лишить Особый отдел ВЧК такого плохо управляемого руководителя; однако соответствующих распоряжений на сей счет в ЦОА ФСБ не обнаружено.
125 Чекисты. Сб. М., 1987. С. 168.
126 Там же. С. 171.
127 ГА РФ. Ф.1235. Оп.1. Д.12. Л.185.
128 Ф.Э. Дзержинский. Биография. М., 1986. С. 170.
129 Советская военная контрразведка. С. 7–9.
130 Там же. С. 25.

¹³¹ Известия ВЦИК, 21 февраля 1919 г. (РГВА. Ф.106. Оп.2. Д.2. Л.8). Под агентурной работой за границей следует понимать внешнюю контрразведку.

¹³² РГВА. Ф.106. Оп.2. Д.2. Л.8.

¹³³ Вся зафронтовая работа Особого отдела при ВЧК в первой половине 1919 года свелась к направлению бывшего начальника активного отделения отдела ВК РВСР И.А. Планциса на Украину, где он сумел организовать проникновение в один из штабов деникинских войск в надежде надеяться получать сведения о направленных в наш тыл агентах (РГВА. Ф.6. Оп.10. Д.11. Л.162).

¹³⁴ Вопрос о зафронтовой работе активно обсуждался на первом съезде Особых отделов в декабре 1919 года.

¹³⁵ РГВА. Ф.6. Оп.10. Д.11. Л.206 об. На необходимость усиления контрразведывательной работы в Серпухове указывали многие ответственные военные работники, в том числе и член РВСР С.И. Аралов (РГВА. Ф.6. Оп.10. Д.11. Л.64). Только в Полевом штабе насчитывалось более тысячи человек. Даже на должностях делопроизводителей и секретарей состояли бывшие офицеры царской армии, что тревожило большевистских комиссаров (ЦОА ФСБ. Д.Н-204. Т.1. Л.50).

¹³⁶ ЦОА ФСБ. Ф.1. Оп.3. Д.2. Л.172.

¹³⁷ Такое решение приняли члены Президиума ВЧК на заседании 24 апреля 1919 года (ЦОА ФСБ. ф.1. Оп.3. Д.2. Л.172).

¹³⁸ Организационный отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. С. 101.

¹³⁹ ЦОА ФСБ. Ф.1. Оп.3. Д.441. Л.124-126; РГВА. Ф.24380. Оп.7. Д.211. Л.255-258.

¹⁴⁰ Советская военная контрразведка. С. 49.

¹⁴¹ Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. С. 100.

¹⁴² Указанное подразделение было создано на базе Центрального военно-регистрационного бюро, функционировавшего в ВЧК с конца 1918 года.

¹⁴³ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов (1917-1920 гг.). М., 1988. С. 132.

¹⁴⁴ Архив УФСБ по Омской обл. Ф.38. Оп.1. Д.52. Л.224.

¹⁴⁵ Известия ВЦИК, 12 марта 1919 г.

¹⁴⁶ Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. С. 103.

¹⁴⁷ Финансирование всех местных органов осуществлялось за счет единого бюджета, выделяемого ВЧК. Орга-

низация снабжения денежными средствами Особых отделов возлагалась на казначейское отделение Особого отдела при ВЧК, которое имело право контролировать расходование этих средств (Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. С. 103).

¹⁴⁸ Советская военная контрразведка. С. 25–36.

¹⁴⁹ Архив УФСБ по Омской обл. Личное дело Т.В. Матузкова № 35005. Л.5. В партийной характеристике Матузкова, выданной ему при увольнении из Особого отдела, указывалось: «всегда пользовался безукоризненной репутацией честного революционера-коммуниста и хорошего советского работника, несшего в течение девяти месяцев ответственную работу по организации сначала органов Военного контроля, а затем и Особого отдела при ВЧК...».

¹⁵⁰ РГВА. Ф.6. Оп.10. Д.11. Л.150 об.

¹⁵¹ ЦОА ФСБ. Ф.1 ос. Оп.3. Д.12. Л.118.

¹⁵² Там же. Л.125.

¹⁵³ Там же. Л.161.

¹⁵⁴ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991. С. 429.

¹⁵⁵ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.24. С.366 об.

¹⁵⁶ РГВА. Ф.24380. Оп.7. Д.95. Л.139.

¹⁵⁷ Восьмой съезд РКП(б). С. 411.

¹⁵⁸ В.И. Ленин и ВЧК. С. 162.

¹⁵⁹ Там же. С. 180

¹⁶⁰ РГВА. Ф.33988. Оп.1. Д.196. Л.259.

¹⁶¹ РГВА. Ф.106. Оп.1. Д.15. Л.26.

¹⁶² Архив УФСБ по Омской обл. Личное дело Жилина И.Я.

¹⁶³ Архив УФСБ по Омской области. Ф.38. Оп.1. Д.79. Л.6. Ввиду отсутствия М.С. Кедрова в Москве мандат от УОО ВЧК подписал его заместитель А.В. Эйдук.

¹⁶⁴ Декреты Советской власти. Т. 4. С. 342.

¹⁶⁵ ЦОА ФСБ. Ф.1. Оп.3. Д.4. Л.11.

¹⁶⁶ Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК—ОГПУ. С. 147.

¹⁶⁷ В.И. Ленин и ВЧК. С. 184.

¹⁶⁸ Анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов, включая архивное уголовное дело на И.И. Вацетиса и других лиц, дает основание для вывода о том, что арест главкома являлся политическим актом, осуществленным по личному указанию В.И. Ленина. Никаких

противозаконных действий И.И. Вацетиса доказано не было, уголовное дело ВЦИК постановил прекратить, и в октябре 1919 года его освободили. Однако ВЦИК обязал ВЧК установить за ним тщательный надзор.

¹⁶⁹ В.И. Ленин и ВЧК. С. 187–188.

¹⁷⁰ Там же. С. 180.

¹⁷¹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.112. Д.7. Л.27.

¹⁷² Именно Ф.Э. Дзержинскому председатель Совнаркома В.И. Ленин дал указание обратить особое внимание на пресечение деятельности «Национального центра», действовать «быстро и энергично и пошире надо захватить» (см.: В.И. Ленин и ВЧК. М., 1987. С. 204).

¹⁷³ РГАСПИ. Ф.17. Оп.112. Д.7. Л.55.

¹⁷⁴ Представителем РВСР в УОО ВЧК был Б.В. Легран, 5 июля 1919 года назначенный заместителем М.С. Кедрова (см.: РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.112. Д.6. Л.37).

¹⁷⁵ РГАСПИ. Ф.17. Оп.112. Д.6. Л.178. Оргбюро ЦК РКП(б) поддержало просьбу Ф.Э. Дзержинского, однако отложило вопрос до проведения переговоров с наркомом Госконтроля И.В. Сталиным, поскольку В.А. Аванесов являлся еще и заместителем наркома.

¹⁷⁶ РГАСПИ. Ф.17. Оп.112. Д.8. Л.3.

¹⁷⁷ Несмотря на решение Оргбюро ЦК РКП(б) Н.И. Бухарин, И.С. Кизельштейн и А.С. Енукидзе к работе в УОО ВЧК по разным причинам не приступили.

¹⁷⁸ Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. С. 104.

¹⁷⁹ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.112. Д.12. Л.3. Решение Оргбюро от 2 марта 1920 года в виде циркулярного письма ЦК РКП(б) было разослано всем губкомам партии и политотделам (см.: История советской разведки. Сборник документов и материалов по оперативной деятельности ВЧК. Вып. 1 (1918–1920 гг.). М., 1960. С. 140).

¹⁸⁰ В.И. Ленин. Биохроника. Т. 7. М., 1976. С. 588.

¹⁸¹ Советская военная контрразведка. С. 130.

¹⁸² О роли большевистской партии в руководстве органами ВЧК писали такие авторы, как П.Г. Софинов, А.С. Велидов, А.В. Тишков, И.И. Васильев, В.П. Портнов и др. На основе изучения хроники деятельности ЦК РКП(б) в 1919 году, опубликованной в журнале «Известия ЦК КПСС», автор подсчитал, что состоялось более 100 заседаний ЦК, Оргбюро и Политбюро, на которых рассматривалось почти 1500 вопросов. Лишь 63 из них

(т.е. 4,2%) в той или иной степени касались Особых отделов. В большинстве случаев речь шла о перемещениях кадров по просьбам и предложениям Ф.Э. Дзержинского и Л.Д. Троцкого.

¹⁸³ Архив УФСБ по Омской области. Д.80859. Л.5.

¹⁸⁴ Там же. Ф.38. Оп.1. Д.79. Л.9.

¹⁸⁵ Там же. Л.9 об.

¹⁸⁶ Там же. Д.80859. Л.5.

¹⁸⁷ Управление Особым отделом ВЧК с точки зрения низкой эффективности работы не было исключением среди других центральных органов военного управления. К примеру, В.И. Ленин в этот же период резко критиковал РВСР, отмечая, что он не наладил должного управления фронтами. «Надо сонный темп работы переделать в живой... Видимо, наш РВСР "командует", не интересуясь или не умея следить за исполнением. Если это наш общий грех, то в военном деле, это прямо гибель» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 50).

¹⁸⁸ Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. С. 104.

¹⁸⁹ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 137.

¹⁹⁰ Кавтарадзе А.Г. Указ. соч. С. 135.

¹⁹¹ Возглавить созданную через некоторое время особую комиссию по учету бывших офицеров Реввоенсовет поручил бывшему заместителю председателя Особого отдела ВЧК А.В. Эйдуку (Кавтарадзе А.Г. Указ. соч. С. 138).

¹⁹² ЦА ФСБ. Ф.1. Оп.3. Д.332. Л.36.

¹⁹³ Уже в декабре 1919 года Г.Г. Ягода становится по совместительству начальником административно-организационного отдела, а затем и заместителем начальника УОО ВЧК.

¹⁹⁴ Первым управляющим делами УОО ВЧК являлся И.В. Иорш (ЦОА ФСБ. Ф.1. Оп.3. Д.332. Л.11).

¹⁹⁵ Первый приказ Ф.Э. Дзержинского как председателя Особого отдела ВЧК появляется лишь 21 ноября 1919 года, и то сопровождаемый подписью Г.Г. Ягоды (ЦА ФСБ. Ф.1. Оп.3. Д.332. Л.73).

¹⁹⁶ ЦА ФСБ. Ф.1. Оп.3. Д.332. Л.38.

¹⁹⁷ Там же. Л.40 об.

¹⁹⁸ Там же. Л.73.

¹⁹⁹ Там же. Л.86.

²⁰⁰ Архив УФСБ по Омской обл. Личное дело С.С. Турло.

²⁰¹ В ряде документов секретный отдел именуется секретно-оперативным (см. ЦА ФСБ РФ. Ф.66. Оп.1-т. Д.12-а. Л.200).

²⁰² ЦА ФСБ. Ф.1. Оп.3. Д.332. Л.85.

²⁰³ С учетом важности и постоянно возрастающего объема осведомительной работы информационное отделение уже 30 декабря 1919 года было выделено как самостоятельное, и начальник его стал подчиняться непосредственно председателю Особотдела ВЧК (см. ЦА ФСБ. Ф.1. Оп.3. Д.332. Л.113).

²⁰⁴ РГВА. Ф.9. Оп.1. Д. 135. Л.259.

²⁰⁵ Советская военная контрразведка. С. 146.

²⁰⁶ Советская военная контрразведка. С. 148. Лексический анализ текста циркулярного письма позволяет сделать вывод о том, что его автором являлся Г.Г. Ягода.

²⁰⁷ ЦОА ФСБ. Ф.1ос. Оп.3. Д.12. В данном деле сосредоточены стенограммы выступлений делегатов съезда.

²⁰⁸ На съезде присутствовали также представители Особых отделов Балтийского флота и Петроградской ЧК. В Москву не прибыли по разным причинам начальники отделов 13-й и 14-й армий Южного фронта и 1-й Кавказской армии.

²⁰⁹ Первый Всероссийский съезд отделов фронтов и армий (22–25 декабря 1919 года) (Краткий отчет. М., 1920. С. 2–3).

²¹⁰ Там же. С. 5.

²¹¹ См.: Советская военная контрразведка.

²¹² ЦОА ФСБ. Ф.1ос. Оп.3. Д.12. Л.116.

²¹³ Там же. Л.141.

²¹⁴ Там же. Л.149.

²¹⁵ Из истории ВЧК. С. 259.

²¹⁶ По старым штатам в Особом отделе армии было 32 человека, то есть предлагалось почти двукратное увеличение (см. ЦА ФСБ. Ф.1ос. Оп.3. Д.12. С.157). В окончательном варианте штат Особого отдела фронта составил 72 человека, а в армии 67.

²¹⁷ ЦОА ФСБ. Ф.1ос. Оп.3. Д.12. С.170.

²¹⁸ Советская военная контрразведка. С. 151.

²¹⁹ Резолюцию съезда полностью поддержала Коллегия ВЧК, что придало данному документу большую значимость для руководящих партийных и государственных инстанций.

²²⁰ Советская военная контрразведка. С. 159—161.

²²¹ Инструкцию утвердили председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский, заместитель председателя Особого отдела ВЧК И.П. Павлуновский, управляющий делами и начальник административно-организационного отдела Особого отдела ВЧК Г.Г. Ягода.

²²² Советская военная контрразведка. С. 161.

²²³ Там же. С. 162.

²²⁴ Там же. С. 163.

²²⁵ Там же. С. 160.

²²⁶ Известия ВЦИК, 10 декабря 1919 г. О своей целенаправленной борьбе с «главкизмом» Т.В. Сапронов указал и в автобиографии (см.: Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 650).

²²⁷ Известия ВЦИК, 12 декабря 1919 г.

²²⁸ Советская военная контрразведка. С. 172.

²²⁹ Там же. С. 179—182.

²³⁰ Из истории ВЧК. С. 362.

²³¹ Советская военная контрразведка. С. 217.

²³² Там же. С. 216.

²³³ Из истории ВЧК. С. 362.

²³⁴ ЦОА ФСБ. Уголовное дело Р-8470 на главного резидента польской разведки в России И.И. Добржинского.

²³⁵ Судя по изданному в начале сентября 1920 года обзору «О фронтовой и тыловой разведке польской армии», особисты хорошо изучили своего противника и успешно боролись с ним (см.: ЦА ФСБ. Ф.1. Оп.4. Д.265. Л.334—337).

²³⁶ Исторические чтения на Лубянке. Российские спецслужбы на переломе эпох. М.—Великий Новгород, 1999. С. 111.

²³⁷ Ф.Э. Дзержинский. Биография. М., 1983. С. 466.

²³⁸ Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. С. 202.

²³⁹ Из истории ВЧК.

²⁴⁰ Советская военная контрразведка. С. 303—304. Ф.Э. Дзержинский, упрекая своего заместителя, критиковал также и члена Президиума М.Я. Лациса, который в свою очередь намеревался сделать Особый отдел частью возглавляемого им секретно-оперативного отдела ВЧК.

²⁴¹ На заседании СНК от 29 июля 1920 года Коллегия ВЧК была утверждена в составе 12 человек. В нее вошли

от Особого отдела В.Р. Менжинский, В.А. Аванесов и Г.Г. Ягода.

²⁴² Гладков Т., Смирнов М. Менжинский. М., 1969. С. 253. Официально В.Р. Менжинский вступил в должность начальника Особого отдела ВЧК 20 июля 1920 года.

²⁴³ Хацкевич А.Р. Солдат великих боев. Минск, 1987. С. 296.

²⁴⁴ Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. С. 201.

²⁴⁵ В.И. Ленин и ВЧК. С. 369.

²⁴⁶ Очерки истории российской внешней разведки. М. С. 199.

²⁴⁷ Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. С. 206.

В такой организационной структуре контрразведывательная составляющая Особого отдела ВЧК просуществовала практически без изменений до выделения из Особого отдела в мае 1922 года КРО ГПУ.

²⁴⁸ Советская военная контрразведка. С. 361. Первоначальное решение по созданию единого Управления делами было принято еще 25 августа 1920 года, а с 13 сентября его начальником стал Г.Г. Ягода (см.: ЦА ФСБ. Ф.66. Оп.1а. Д.2. Л.206).

²⁴⁹ Первым начальником АОУ ВЧК стал И.А. Апетер, возглавлявший до этого назначения Особый отдел Западного фронта.

²⁵⁰ Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. С. 206.

ИСПОЛЬЗОВАНЫ МАТЕРИАЛЫ АРХИВОВ

1. Российский государственный военно-исторический архив.
2. Российский государственный военный архив.
3. Государственный архив Российской Федерации.
4. Российский Государственный архив социально-политической истории.
5. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории.
6. Центральный архив ФСБ России.
7. Архив УФСБ по Омской области.
8. Архив УФСБ по СПб. и Ленинградской области.
9. Архив службы внешней разведки России.
10. Центральный архив общественных движений г. Москвы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агафонов В.К. Заграничная охранка. Пг., 1918.
2. Арестант пятой камеры. Допрос адмирала Колчака. М., 1990.
3. Архив русской революции. Т. 4, 11. М., 1991.
4. Атаманчук Г.В. Государственное управление: проблемы методологии правового исследования. М., 1975.
5. Батюшин Н.С. Тайная разведка и борьба с ней. София, 1939.
6. Бережков В.И. Внутри и вне «Большого дома». СПб., 1995.
7. Богданов К.А. Адмирал Колчак. СПб., 1993.
8. Бонч-Бруевич М.Д. Воспоминания. Отдел рукописей ГИБ.
9. Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1957.
10. В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1987.
11. В.И. Ленин. Биохроника. Т. 4. М., 1973; Т. 7. М., 1976.
12. Васильев И.И. Создание советской военной контрразведки (октябрь 1917 – февраль 1919 г.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: ВКШ КГБ, 1973.

13. Велидов А.С. Коммунистическая партия – организатор и руководитель ВЧК (1917–1920 гг.). 1970.
14. Венедиктов Б.Н. Органы русской военной контрразведки (1911–1917 гг.). Рукопись. Библиотека Академии ФСБ, № 26893н.
15. Венедиктов Б.Н. Очерки из истории Особых отделов ВЧК–ОГПУ (1918–1925 гг.). М., 1960.
16. Военная контрразведка. Особым отделам ВЧК – КГБ 60 лет. М., 1978.
17. Военная энциклопедия. Т. 2 М., 1994.
18. Военно-революционные комитеты действующей армии (25 октября 1917 – март 1918 г.). М., 1977.
19. Восьмой съезд РКП(б). Протоколы (18–23 марта 1919 г.). М., 1933.
20. Главный штаб ВМФ. История и современность (1696–1997 гг.). М., 1998.
21. Gladkov T., Smirnov M. Menzhinskiy. M., 1969.
22. Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1. М., 1980.
23. Гражданская война в СССР. Сборник документов. Т. 1. М., 1980.
24. Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983.
25. Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930.
26. Данилов Ю.Н. На пути к крушению. М., 1992.
27. Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957; Т. 4. М., 1968; Т. 5. М., 1971.
28. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. М., 1991.
29. Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989.
30. Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997.
31. Директивы главного командования Красной Армии (1917–1920 гг.). М., 1969.
32. Долгополов Ю.Б. Война без линий фронта. М., 1981.
33. Долгополов Ю.Б. Правовое положение органов советской военной контрразведки. М., 1966.
34. Дорошенко И.А. История органов и войск госбезопасности СССР. Ч. 1. М., 1959.
35. Звонарев К.К. Агентурная разведка. М., 1929.

36. Из истории ВЧК. Сборник документов (1917–1921 гг.). М., 1958.

37. Из истории Гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1960.

38. Из истории русской контрразведки. Сборник документов. М., 1946.

39. История советской разведки. Сборник документов и материалов по оперативной деятельности ВЧК. Вып. 1 (1918–1920 гг.). М., 1960.

40. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республике Советов (1917–1920 гг.). М., 1988.

41. Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 2. М., 1990.

42. Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997.

43. Керенский А.Ф. Дело Корнилова. М., 1918.

44. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993.

45. Климов М.Е. Очерки по истории карательных органов. М., 1928.

46. Кобылин В.С. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. СПб., 1998.

47. Кораблев Ю.И. В.И. Ленин и создание Красной Армии. М., 1970.

48. Коровин В.В. История отечественных органов безопасности. М., 1998.

49. КПСС в революциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2, М., 1983.

50. Красная книга ВЧК. Т. 1. М., 1989.

51. Кузьмин Г.В. Разгром интервентов и белогвардейцев в 1917–1920 гг. М., 1977.

52. Лемке М.К. 250 дней в царской Ставке. Пг., 1920.

53. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35, 36, 51.

54. Леонов С.В. Рождение советской империи. М., 1997.

55. Липицкий С.В. Ленинское руководство обороной страны (Создание и деятельность высших органов руководства обороной Советской республики 1917–1920 гг.). М., 1979.

56. Молодцыгин М.А. Красная Армия. Рождение и становление. 1917–1920 гг. М., 1997.

57. Мосолов Ф.И. Курс лекций по истории ВЧК-МГБ. М., 1949.
58. Никитин Б. Роковые годы. Париж, 1937.
59. Николай В. Тайные силы. М., 1925.
60. Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности (20 декабря 1917 – 20 декабря 1921 г.). Организационная часть. М., 1921.
61. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2 (1917–1933 гг.). М., 1996.
62. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 4,7. Ленинград, 1925.
63. Первая мировая война. М., 1994.
64. Первый Всероссийский съезд Особых отделов фронтов и армий (22–25 декабря 1919 г.). Краткий отчет. М., 1920.
65. Петрихин А.И. Органы ВЧК в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920 гг.). М., 1950.
66. Петров В.И. Отражение страной Советов нашествия германского империализма в 1918 году. М., 1980.
67. Пограничные войска СССР (1918–1928 гг.). М., 1973.
68. Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб., 1914.
69. Портнов В.П., Славин М.М. Правовые основы строительства Красной Армии (1918–1920 гг.). М., 1985.
70. Ронге М. Разведка и контрразведка. М., 1939.
71. Ростунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976.
72. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (Записки заседаний и переписка). СПб., 1999.
73. Советская военная контрразведка. Сборник документов. Вып. 1 (1918–1922 гг.). М., 1978.
74. Софинов П.Г. Очерки истории ВЧК (1917–1920 гг.). М., 1960.
75. Справочник по материалам контрразведывательных органов царской России. М., 1946.
76. Тишков А.В. Первый чекист. М., 1968.

77. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991.

78. Устинов С.М. Записки начальника контрразведки (1915-1920 гг.). Берлин, 1923.

79. Ф.Э. Дзержинский - председатель ВЧК-ОГПУ. Сборник документов (1917-1922 гг.). М., 1977.

80. Ф.Э. Дзержинский. Биография. М., 1983.

81. Февральская революция. Сборник документов и материалов. М., 1996.

82. Хацкевич А.Р. Солдат великих боев. Минск, 1987.

83. Яковлев Л.С. Военная контрразведка в России в период империализма. Кандидатская диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М.: ВКШ КГБ, 1981.

84. Яковлев Н.Н. 1 августа 1914 года. М., 1993.

85. Barron J. RGB today. The hidden hand. New-York, 1983.

86. Knight W. The KGB's special departments in the soviet armrd forces. New-York, 1984.

87. Stephan P.W. Death to Spies: the story of Smersh (soviet military countorintelligence during world war II). Michigan University, 1987.

88. Dziak Y. Chekisty. A history of the KGB. Toronto, 1988.

89. Foglessong D. America's secret war against bolshevism. London, 1995.

90. Leggett G. The Cheka (Lenin's political police). New-York, 1986.

Содержание

Введение	3
Глава I. Развитие российской военной контрразведки в годы Первой мировой войны ..	17
Контрразведка царской России в Первой мировой войне (1914–1916)	17
Реформирование контрразведки в период нахождения у власти Временного правительства (февраль – октябрь 1917 года).....	63
Эволюция военной контрразведки после революционного выхода России из войны (октябрь 1917 – ноябрь 1918 года).....	93
Глава II. Становление советских органов военной контрразведки	121
Создание Особого отдела ВЧК.....	121
Становление и развитие Особого отдела ВЧК в годы Гражданской войны	141
Воссоздание и совершенствование централизованной системы Особых отделов	166
Заключение	195
Примечания	204
Библиография	234

Зданович Александр Александрович
Отечественная конгрэзведка (1914–1920):
Организационное строительство

Отв. за выпуск *А.А. Румынский*
Редактор *Е.А. Белова*
Художник *Л.Л. Михалевский*

Сдано в набор 12.10.03. Подписано в печать 26.11.03.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 7,5 п.л.
Тираж 1500 экз. Заказ № 6443.

ИД № 00173 от 27 сентября 1999 г.

ООО Издательство «Крафт+»
129343, г. Москва, проезд Серебрякова, 14
Тел. 186-93-78, 363-68-73, 105-84-15

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов на ФГУИПП «Вятка».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.